

МИНИСТЕРСТВО ВНУТРЕННИХ ДЕЛ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
ВОЛГОГРАДСКАЯ АКАДЕМИЯ

**СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ РОССИИ
КАК КОМПЛЕКСНАЯ ПРОБЛЕМА
ГУМАНИТАРНОГО ЗНАНИЯ**

*Материалы
IX Всероссийской научно-практической конференции*

г. Волгоград, 24 октября 2024 г.

ВЫПУСК 9

Волгоград
ВА МВД России
2025

УДК 1:316(082)
ББК 60я43
С 69

Одобрено
редакционно-издательским советом
Волгоградской академии МВД России

Социально-политическое развитие России как комплексная проблема гуманитарного знания : материалы IX Всероссийской научно-практической конференции, г. Волгоград, 24 октября 2024 г. / редколлегия : Е. А. Матвиенко, Р. А. Кобылкин, А. В. Войтов. – Выпуск 9. – Электрон. дан. (0,9 Мб). – Волгоград : ВА МВД России, 2025. – 1 электрон. опт. диск (DVD-R). – Систем. требования : частота процессора не менее 2 ГГц ; операционная система от Windows XP SP3 до Windows 11 ; оперативная память не менее 2 Гб ; 0,9 Мб свобод. диск. пространства ; разрешение экрана не менее 800 x 600 ; оптический привод DVD-ROM/RW ; Adobe Acrobat Reader 8.0 и выше. – Текст электронный.

ISBN 978-5-7899-1621-6

Сборник содержит доклады участников IX Всероссийской научно-практической конференции «Социально-политическое развитие России как комплексная проблема гуманитарного знания» (24 октября 2024 г.).

Издание предназначено курсантам, слушателям, адъюнктам и педагогическим работникам образовательных организаций системы МВД России.

УДК 1:316(082)
ББК 60я43

Редакционная коллегия: Е. А. Матвиенко (председатель), Р. А. Кобылкин (зам. председателя), А. В. Войтов (отв. секретарь).

ISBN 978-5-7899-1621-6

© Волгоградская академия МВД России, 2025

СОДЕРЖАНИЕ

Раздел 1. Проблемы политики и права

Борисенко К. С.	
Выбор вектора цивилизационного развития России в условиях современных геополитических вызовов	6
Гордиенко В. В.	
Обеспечение экономической безопасности России как непереносимое условие стабилизации ее текущего состояния и развития	9
Гулевский А. Н.	
О военной политике России на современном этапе: философский анализ	11
Данакари Р. А.	
Человек, общество, безопасность: философско-антропологический контекст	14
Исаев А. А.	
Значение духовно-нравственных ценностей в обеспечении духовной безопасности государства и личности	17
Крючков С. В.	
Семьи сотрудников органов внутренних дел как возможный резерв национальной безопасности (к вопросу о необходимости замены мифологем реальным восприятием)	22
Лесничук Е. А.	
Социальные медиа как пространство для столкновения различных политических сил в борьбе за власть	25
Лушников Д. А.	
Механизмы вертикальной дегуманизации в ситуации информационной войны	28
Михайлов С. Н., Маслов М. С.	
Политико-правовая и морально-этическая оценки войны	29
Морозов И. Л.	
Первая мировая война как модель военно-политического противостояния Запада и России 1914–2024: анализ, выводы, уроки	33
Морозов И. Л.	
Технологии формирования негативного образа мигранта в российской социальной среде	37
Рунаев Р. Ю.	
Истоки современного экстремизма как свидетельство социального распада личности	40
Сайдуллаев Д. Н.	
Роль Узбекистана в организации тюркских государств	44
Смирнов К. С.	
Россия в условиях глобальной турбулентности: проблемы и перспективы	46
Хмелёв Д. В.	
Внутрипартийная борьба как фактор падения электорального рейтинга	48

Раздел 2. Образование, патриотизм, духовность на перекрестке мнений

Беликова Е. О. Соборность vs этатизм: синтез культур как основа российской цивилизационной модели	51
Беликова Е. О., Демидов Н. Н. Фейк или реальность: современное пространство медиа глазами волгоградской молодежи	56
Бельских И. Е. Цифровизация высшего образования и вопросы обеспечения национальной безопасности России в современных условиях	59
Войтов А. В. Цифровизация социальной науки: состояние и перспективы	62
Гищенко П. И. Принципы саморегуляции и усмотрения, которыми должны руководствоваться выпускники Донецкого филиала Волгоградской академии МВД России 2025 года в случае пробельности правового регулирования	64
Голева Г. А. Медиа технологии и современное патриотическое воспитание: новые вызовы и возможности	67
Демидова М. А., Матвиенко Е. А. Смерть как ценностное основание культуры	69
Доронин Ю. П. Ответственность как социально важное качество личности	71
Зубкевич Л. А. Использование отечественного опыта в работе с обучающимися-иностранцами	74
Ивашевский С. Л. Качество образования: новые тенденции оценивания	76
Канунников Р. И. Межличностные конфликты в курсантской среде высших образовательных организаций МВД России и их профилактика	78
Кобылкин Р. А. Проблемы гуманитарного образования в вузах системы МВД России	81
Корниленко А. В. Патриотическое сознание российского общества в период проведения специальной военной операции	82
Крикунов А. Е. Межконфессиональное единство в огне Сталинграда	85
Матвиенко Е. А. Формирование национально-культурной идентичности сотрудника правоохранительных органов как важнейший элемент его профессиональной подготовки	89

Сикилинда С. В.	
Культурно-философские представления об отцовстве: тенденции формирования и перспективы изучения	93
Треушников И. А.	
Приоритеты духовного развития России: опыт философской рефлексии	96
Тумин А. Ю.	
Духовно-нравственные истоки идеалов патриотизма и служения Отечеству: философский анализ	100
Фирсова А. М.	
Патриотизм на перекрестке мнений: ретроспективный взгляд на идеи Отчественной культуры и образования	106

РАЗДЕЛ 1. ПРОБЛЕМЫ ПОЛИТИКИ И ПРАВА

Борисенко Кирилл Сергеевич,
аспирант Южно-Российского государственного
политехнического университета (НПИ) имени М. И. Платова

ВЫБОР ВЕКТОРА ЦИВИЛИЗАЦИОННОГО РАЗВИТИЯ РОССИИ В УСЛОВИЯХ СОВРЕМЕННЫХ ГЕОПОЛИТИЧЕСКИХ ВЫЗОВОВ

На современном этапе развития международных отношений Российская Федерация находится в состоянии конфронтации со странами коллективного Запада, что несет прямые угрозы ее национальной безопасности. В силу перманентного военно-политического и экономического давления еще более остро ощущается потребность в выработке собственного вектора будущего развития, для чего, как и для противостояния оппонентам в идеологическом поле, необходимы свои идейно-ценностные ориентиры.

После прекращения существования Советского Союза прошло более 30 лет, а постсоветская Россия стала деидеологизированным государством, в котором разрешено идеологическое многообразие с 1993 г., что прямо прописано в Конституции РФ [1]. Несмотря на такой правовой запрет на установление обязательной и единой для всех жителей идеологии, с 1990-х гг. предпринимались попытки внедрения западных, прежде всего либеральных идей, представителями политической власти, начиная с идеи о свободном рынке и частной собственности в экономике, что привело к неудавшимся «рыночным» реформам и приватизации государственной собственности ограниченным кругом лиц, заканчивая политической и правовой либерализацией, в результате чего российская государственность находилась на грани своего существования. Кроме того, этот процесс затронул и духовную сферу жизни общества, в котором через СМИ продвигались идеи индивидуализма и материального обогащения. Данные мероприятия проходили в связи с желанием постсоветского руководства страны стать полноправной частью западного мира, так называемой западной цивилизации, чем и было обусловлено насаждение «европейских ценностей». Однако сами же либерализм и неолиберализм в российском общественном сознании в результате провальных «либеральных» реформ приобрели негативный окрас, как и ценности, их представляющие. Примечателен взгляд на нашу страну со стороны Запада, в научных кругах которого даже после развала СССР Россия все еще воспринималась как часть отдельной православной цивилизации, выступавшая центром ее притяжения [2, с. 310].

Несмотря на то что в 2000-е гг. ситуация в экономической и политической сферах стала постепенно меняться в лучшую сторону, произошло укрепление государственной власти, а реформы в сфере государственного управления помогли миновать кризис государственности 1990-х гг., попытки вписать Россию в лоно западноевропейской семьи сохранились. Российские официальные лица, в том числе и В. В. Путин, не раз заявляли о желании совместными усилиями с другими европейскими державами построить единое социально-экономическое пространство от Лиссабона до Владивостока, а сама Россия, по словам Президента РФ, «остаётся европейской страной и развивается в соответствии с европейскими ценностями» [3]. Несмотря на такую открытость и даже предложение В. В. Путина, озвученное

лидеру США Биллу Клинтону, о вступлении в НАТО, на Западе стремления российского руководства не были встречены позитивно, невзирая на самый высокий уровень отношений между Россией и странами «цивилизованного мира». Однако убеждение российского президента о возможности построить совместное будущее при опоре на единые европейские ценности сохранялось и позже, в период охлаждения отношений с западными лидерами. Так, после событий «Русской весны» и присоединения Крыма к России, В. В. Путин заявлял, что «особенности России, они кардинальным, глубинным образом не отличаются от европейских ценностей. Мы все – люди одной цивилизации» [4] и «мне кажется, нужно, безусловно, стремиться... к тому, чтобы нам создавать Европу от Лиссабона до Владивостока» [4], что доказывало в очередной раз видение российских властей к определению места нашей страны в мире и желание встроиться в состав большой европейской цивилизации. Эти стремления озвучивались вплоть до 2021 г., однако после начала СВО и невиданного со стороны западных государств давления, оказываемого на Россию, этот подход был изменен, а мнение о едином европейском цивилизационном выборе было преобразовано в инициативу о формировании государства-цивилизации и особый путь нашего государства, что было закреплено законодательно. Российский ученый С. Караганов считает, что с началом СВО России удалось встать на путь «самоочищения от западничества и западников», а также начать поиск своего собственного места в истории [5].

В 2023 г. была принята обновленная Концепция внешней политики Российской Федерации, в которой Россия предстает уже не как государство, видящее своей целью формирование единого европейского пространства от Атлантики до Тихого океана, тем самым стремящаяся к приобщению и в культурном плане к представителям западноевропейской цивилизации, а как самобытное государство-цивилизация, евразийская и евро-тихоокеанская держава, имеющая особое положение и сплотившая русский народ и другие народы в новую культурно-цивилизационную общность Русского мира [6]. Текст концепции говорит сам за себя, указывая на собственное позиционирование России в мире, противостоящей своим оппонентам и недружественным государствам, опираясь на традиционные ценности внутри страны, культивируя и поддерживая их для защиты от деструктивного влияния Запада и других недружественных стран, создающих угрозу ее национальной безопасности. Однако вместе с вхождением идеи в официальный дискурс о России как государстве-цивилизации, Б. Межуев отмечает, что данный подход «сталкивается с сопротивлением всех сегментов интеллектуального класса, который именно в ней усматривает корень всех нынешних проблем» [7, с. 20].

Несмотря на длительное отсутствие официального статуса у таких идейно-ценностных ориентиров в постсоветской России, в 2015 г. в «Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» были предприняты попытки возрождения традиционных духовно-нравственных ценностей России, среди которых названы патриотизм, гуманизм, уважение семейных и конфессиональных традиций и др. [8]. В ноябре 2022 г. указом В. В. Путина были приняты «Основы государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей» [8]. Нельзя сказать, что документ является идеологической доктриной российского государства, однако именно он задает вектор идейно-ценностного развития, определяя в качестве его основы традиционные ценности. Материалы акта закрепляют нормативное понятие термина, а также категории, которые к нему относятся, среди которых «жизнь, достоинство, права и свободы человека, патриотизм, гражданственность, служение Отечеству и ответственность за его судьбу, высокие нравственные

идеалы, крепкая семья, созидательный труд, приоритет духовного над материальным, гуманизм, милосердие, справедливость, коллективизм, взаимопомощь и взаимоуважение, историческая память и преемственность поколений, единство народов России» [9].

Согласно опросу ВЦИОМа, проведенного в 2023 г., российские граждане также считают семью, патриотизм, гуманность и национальную культуру и религию традиционными российскими ценностями, а 77 % наших соотечественников убеждены в необходимости их сохранения [10]. Помимо прочего, документ подчеркивает определяющую роль религий и конфессий представителей различных российских народов в формировании особенных духовных ценностей нашей страны, отводя особую роль православию. Кроме того, текст документа декларирует их значимость при защите и укреплении суверенитета России, а также вырабатывает инструментарий по сохранению и продвижению традиционных ценностей, что может служить ответом на деструктивные идейно-ценностные установки абсолютно различных идеологических течений, как радикальных, так и умеренных, при помощи которых происходят попытки влияния на мировоззрение жителей нашей страны. Сам документ также определяет источники данного деструктивного влияния, указывая в качестве таковых не только экстремистские и террористические организации, но и СМИ, корпорации, а также отдельные недружественные иностранные государства, среди которых выделяются США, чья работа в том числе направлена на морально-нравственное разложение и подмену идейно-ценностного аппарата наших граждан, что позитивно влияет на укрепление национальной безопасности нашего государства.

Таким образом, после прекращения существования СССР Российская Федерация на протяжении длительного времени своего существования предпринимала попытки встроиться в состав западноевропейской цивилизации. Однако, несмотря на все эти устремления, официальные лица на Западе не видели ее в качестве члена своей цивилизационной семьи. Осознание особого пути развития России, осмысления себя в качестве государства-цивилизации произошло лишь после начала тотального противостояния с Западом. Это определило сегодняшний цивилизационный выбор России, который предполагает дальнейшее развитие страны с опорой на ее историю, культуру, ментальность, на сохранение и трансляцию традиционных ценностей, что позволит обеспечить духовную безопасность общества.

Список библиографических ссылок

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г.) (с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 1 июля 2020 г., закрепленными Законом РФ о поправке к Конституции РФ от 14 марта 2020 г. № 1-ФКЗ «О совершенствовании регулирования отдельных вопросов организации и функционирования публичной власти») // Президент России: офиц. сайт. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/constitution> (дата обращения: 08.10.2024).
2. Хантингтон С. Столкновение цивилизаций. М.: АСТ, 2023. 416 с.
3. Владимир Путин выступил на приеме в Кремле по случаю государственного праздника – Дня России // Президент России: офиц. сайт. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/27087> (дата обращения: 07.10.2024).

4. Прямая линия с Владимиром Путиным от 17 октября 2014 г. // Президент России: офиц. сайт. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/statements/20796/work> (дата обращения: 06.10.2024).

5. Караганов С. А. Куда течет река – 2024. Россия закончила свое европейское путешествие // Российская Газета: общ.-полит. газ. 2023. 27 декабря. URL: <https://globalaffairs.ru/articles/czivilizaczionnyj-put-nachalo-ili/> (дата обращения: 05.10.2024).

6. Об утверждении «Концепции внешней политики Российской Федерации»: Указ Президента РФ от 31 марта 2023 г. № 229 // Президент России: офиц. сайт. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/49090> (дата обращения: 04.10.2024).

7. Межуев Б. В. Оглядываясь на «Русскую весну» // Россия в глобальной политике. 2024. Т. 22. № 1. С. 8–20.

8. О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации: Указ Президента РФ от 31 декабря 2015 г. № 683 // Президент России: офиц. сайт. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/40391/page/1> (дата обращения: 09.10.2024).

9. Об утверждении «Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей»: Указ Президента РФ от 9 ноября 2022 г. № 809 // Президент России: офиц. сайт. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/48502> (дата обращения: 03.10.2024).

10. Традиции в эпоху перемен // ВЦИОМ: офиц. сайт. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/tradicii-v-ehpokhu-peremen> (дата обращения: 07.10.2024).

© Борисенко К. С., 2025

Гордиенко Вячеслав Владимирович,
заместитель начальника кафедры философии
Волгоградской академии МВД России,
кандидат экономических наук, доцент

ОБЕСПЕЧЕНИЕ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ РОССИИ КАК НЕПРЕМЕННОЕ УСЛОВИЕ СТАБИЛИЗАЦИИ ЕЕ ТЕКУЩЕГО СОСТОЯНИЯ И РАЗВИТИЯ

Экономическая безопасность является фундаментальной для общественного благосостояния и требует активной государственной политики для обеспечения стабильности и устойчивости экономики.

Механизм обеспечения экономической безопасности включает в себя широкий спектр политических, экономических и правовых инструментов и мер, разработанных для защиты экономики страны от внутренних и внешних угроз.

Непосредственно механизм обеспечения экономической безопасности включает:

- 1) макроэкономическое регулирование;
- 2) финансово-бюджетный механизм;

- 3) экономическое планирование;
- 4) правовые механизмы;
- 5) инвестиционно-инновационную политику.

Эти меры взаимодействуют между собой для создания устойчивой и конкурентоспособной экономической системы, способной эффективно справляться с возможными угрозами и вызовами.

Обеспечение экономической безопасности России включает в себя различные меры, направленные на защиту экономики страны от различных угроз, включая экономические, финансовые, технологические и др.

К основным мерам, способствующим обеспечению экономической безопасности, относятся:

1. Внутренние, которые осуществляют мониторинг и анализ экономической сферы государства для выявления потенциальных угроз и рисков для национальной экономической безопасности, обеспечивают формирование надежных мер по осуществлению киберзащиты и поддержание стабильности национальной финансовой системы, контроль инфляции и денежной политики, подготовку квалифицированных специалистов и экономических аналитиков, способных выявлять и реагировать на угрозы экономической безопасности.

2. Внешние, направленные на развитие экономических взаимосвязей, финансовой интеграции, а также совершенствование конкурентного механизма.

Перечисленные элементы механизма и меры представляют собой стратегический подход государственной политики, направленный на обеспечение стабильности экономической системы, защиту от экономических кризисов, поддержку устойчивого экономического роста и развитие конкурентоспособности экономики.

Являясь приоритетным направлением в государственной политике, экономическая безопасность имеет существенное значение в структурах правоохранительных органов, в частности в аспекте обучения и подготовки кадров для обеспечения безопасности государства. Обучение сотрудников полиции в области экономической безопасности является важным компонентом борьбы с преступлениями, связанными с экономикой и финансами. В целом оно имеет цель – развивать знания, навыки и компетенции сотрудников правоохранительных органов, необходимые для выявления, предотвращения и расследования преступлений в экономической сфере.

Для непосредственного осуществления эффективной борьбы и противодействия незаконным деяниям в сфере экономики сотрудники органов внутренних дел должны обладать высокими профессиональными умениями и знаниями, а также уметь принимать решения в сложных правовых ситуациях, которые нередко возникают в практической деятельности. Сфера деятельности сотрудников органов внутренних дел распространяется на правовое регулирование и соблюдение запретов, установленных в Уголовном кодексе Российской Федерации. Анализ правовой базы позволяет сделать вывод, что законодательно нет четкого отграничения понятия экономическая преступность, поскольку ряд преступлений в той или иной мере затрагивает интересы экономики государства или же ее безопасности, хотя сфера экономики не является основным объектом преступного посягательства.

Экономическая преступность охватывает различные виды противоправных действий, связанных с финансовыми, экономическими и коммерческими операциями. Общественная опасность экономических преступлений заключается в том, что они нарушают законы и пра-

вила, регулирующие экономическую деятельность, и наносят ущерб как отдельным лицам, так и обществу в целом.

Экономическая преступность может иметь различные масштабы: от мелких мошенничеств и уклонения от налогов до крупных корпоративных мошенничеств и финансовых махинаций. Вышеизложенное позволяет отметить сложность и неоднозначность трактовки экономической преступности, что усложняет ее выявление, расследование и доказательство.

Таким образом, проблемы обеспечения экономической безопасности России как непрерывного условия стабилизации ее текущего состояния и развития привлекают к себе все более пристальное внимание ученых и общественности. Реализация национальных интересов России в большинстве случаев возможна только при условии наличия достаточных экономических возможностей и устойчивого экономического развития. Кроме того, необходимо отметить, что использование мер экономической безопасности имеет целью обеспечить стабильность и надежность экономической системы, защитить интересы государства, предприятий и населения от различных угроз, а также способствовать устойчивому экономическому развитию. Защита национальной безопасности и интересов России в экономической сфере являются приоритетными курсами государственной политики.

© Гордиенко В. В., 2025

Гулевский Алексей Николаевич,
доцент кафедры философии и социологии
Санкт-Петербургского университета МВД России,
кандидат философских наук, доцент

О ВОЕННОЙ ПОЛИТИКЕ РОССИИ НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ: ФИЛОСОФСКИЙ АНАЛИЗ

Военная опасность становится в последнее время все более острой и актуальной угрозой национальной безопасности России. Локальный конфликт на Украине разрастается в региональную войну, которая грозит в перспективе стать крупномасштабной. Анализируя причины нарастающего кризиса, хотелось бы попытаться выявить истоки возникших проблем, приведшие войну на границы и на приграничную территорию России.

Войны представляют собой давнюю социальную проблему, не нашедшую до сих пор однозначного решения, однако некоторые страны воюют часто, другие – редко. Одни государства ведут чаще наступательные или завоевательные войны, а другие – оборонительные или освободительные войны. Очевидно, что с прагматической точки зрения и в национальных интересах стран развиваться в мирном социальном пространстве. Мирная жизнь включает в себя как внутренний мир общества, так и мирную жизнь с ближайшими соседями. Преимущество мирной жизни заключается в отсутствии затрат на вооружение, армию, оборонительные сооружения. В мирное время государства могут тратить средства на развитие науки, техники, медицину, образование, что дает в итоге еще большие прибыли обществу.

Военные затраты на оборону изматывают бюджет и расходуют людские ресурсы на деятельность, не приносящую прибыль, если, конечно, речь не идет о завоевании новых территорий.

Россия в своей истории участвовала в большом количестве войн. Одним из важнейших факторов, повлиявших на это, является географический фактор. Так, сухопутная граница России составляет сейчас 22 530 км, впрочем, и в прежние времена сухопутные границы нашей страны были довольно протяженными. Данное обстоятельство имело большое значение в стремлении российских государственных деятелей вывести Россию к морям. Морские границы, как известно, защитить легче, и это не требует значительных средств. В противном случае следует как минимум стремиться иметь хорошие отношения с соседями. Именно такую задачу поставило, в конце концов, российское политическое руководство после развала СССР и периода политического самоопределения.

Попытки создать вокруг государства благоприятное окружение с понятным внешним миром, способствующим внутреннему развитию, могут наткнуться на препятствия порой непреодолимого характера. Американский военный теоретик и историк Альфред Мэхэн разработал так называемый принцип «анаконды», заключающийся в «блокировании вражеских территорий с моря и по береговым линиям, что приводит постепенно к стратегическому истощению противника» [1, с. 31]. Для осуществления этого принципа морские державы должны стремиться к блокированию сухопутных держав за счет их выдавливания из морских прибрежных зон, перекрывая выход к морю. Данный принцип получил свое развитие в современной теории атлантизма, направленного на сдерживание СССР, а теперь России. У России не оказалось в итоге прямого выхода к теплым морям, позволяющим вести круглогодичную торговлю. Кроме того, политика США в отношении России дополнилась тактикой окружения кольцом враждебных ей государств. Подобная тактика частично воплотилась в реальность. Наибольшего успеха НАТО добилось на юго-западной границе Российской Федерации, настроив украинское государство против России.

Очевидно, что успехи военной политики противника по большей части представляют ошибки самой России в этой области. После распада СССР Россия решила завершить идеологическую борьбу с Западом, стремясь к единству с ним и общемировой гармонии. Однако с завершением идеологической борьбы и принятием демократических ценностей сама борьба между странами не завершилась. Она продолжилась в латентной форме. При этом Россия в лице ее руководства не осознавала факт такой борьбы и вела ее, не понимая истинных масштабов и целей своих противников. Так, воюя с боевиками в Чечне, политические деятели России долгое время полагали, что ведут борьбу с местными радикалами и сепаратистами, в то время как поддержка террористов была частью большого плана НАТО по расчленению России.

Наивность политических воззрений российских политиков эпохи 90-х, их близорукость привели к убеждению в том, что Россия и США равные партнеры. В военной области Россия шла по пути разоружения, а в экономическом плане осуществляла деиндустриализацию. Военная политика сводилась к молчаливому согласию с действиями США. Россия закрыла большинство своих военных баз за рубежом, доставшихся ей от СССР. Тем временем США продолжили процесс расширения НАТО, двигаясь в восточную Европу, миролюбиво оставленную русскими. По утверждению З. Бжезинского, «Америка никогда не намеревалась делить власть на земном шаре с Россией, да и не могла делать этого, даже если бы и хотела. Новая Россия была просто слишком слабой, слишком разоренной 75 годами правления

коммунистов и слишком отсталой социально, чтобы быть реальным партнером Америки в мире» [2, с. 123]. Внешняя политика России велась так, как будто у России не было никаких национальных интересов.

Важнейшим просчетом, сделанным Россией в области военно-политической стратегии стало решение о сокращении численности вооруженных сил до 1 млн чел. в период с 2008 по 2020 г. ввиду якобы невозможности крупномасштабной войны с НАТО. Армия России готовилась лишь к локальным конфликтам и борьбе с террористической угрозой, ослабив себя перед возможной угрозой конвенциональной войны с равным по численности противником.

Руководство России поздно осознало угрозу военной безопасности со стороны НАТО и попыталось установить тесные экономические и военные связи с бывшими республиками СССР, стремясь обезопасить свои ближние границы, но после вмешательства НАТО в политику Украины решить проблему дружественного окружения не удалось. Современный кризис на Украине способен перерасти в крупномасштабную войну с участием России и НАТО. По сути, в настоящий момент мир переживает второй Карибский кризис, однако в этот раз избежать ядерной войны будет сложнее.

На этом этапе и в будущем России необходимо сделать правильные выводы и принять верные решения в области военной политики, позволяющие остановить эскалацию и не допустить войны на своей территории в будущем. Наиболее важным является положение о том, что в основании войны лежит феномен силы, изучение и осмысление которого поможет понять истоки войн и возможности по установлению их контроля.

Понятие «сила» использовалось как в философии, так и в геополитических учениях. Г. Моргантау полагал, что «сила – это способность заставить других делать нечто, что они не сделали бы по собственной воле» [3, с. 181]. Содержание понятия «сила» может варьироваться. Например, Роберт Бирштедт обнаружил три источника силы: «1) количество людей и особенно большинство, 2) организация и 3) ресурсы» [3, с. 195]. Специфическими индикаторами, измеряющими силу общества, может служить накопление материальных ресурсов, рост ВВП, рост численности населения, уровень качества жизни, средняя продолжительность жизни населения, духовное здоровье людей, суверенитет. Однако ни одного из этих показателей невозможно добиться без наличия интеллектуальных сил общества, способных объединить и организовать население таким образом, чтобы их численность и долголетие росли, вокруг создавались необходимые материальные ресурсы, поддерживалось духовное здоровье нации. Для того чтобы не заблудиться в военной политике, следует признать, что в обществе существует взаимодействие сил, которое неизбежно приводит к их борьбе. Социальные силы всегда воздействовали друг на друга, что приводит к двум результатам: мгновенное приятие силы или борьба с последующим принятием. В этом суть социального существования и подтверждение того, что борьба естественна. Принятие всегда связано с наличием слабости. Последнее важно для уяснения второго положения, которое состоит в том, что именно слабость провоцирует силу на действие. В общественном бытии сильный осознает наличие слабости и направляет на нее свою активность. Третье положение состоит в том, что если сила пассивна, то она будет атакована наравне со слабостью.

Таким образом, для устранения причины войны следует соблюдать баланс силы. Ясное осознание смертельной угрозы способно остановить движение социальной силы. Именно такое действие совершило советское руководство в период Карибского кризиса, поставив США в ситуацию смертельной опасности. После отступления СССР из восточной Европы,

а затем его развала образовался вакуум силы, что спровоцировало движение Запада на восток; на это обратил внимание З. Бжезинский, называя постсоветское пространство «черной дырой». Отсутствие сопротивления со стороны небольших республик бывшего СССР и России привело силы НАТО к границе России. В настоящий момент только демонстрация подлинной силы в отношении НАТО способна остановить его дальнейшее движение и масштабную войну. Будущее России зависит от ее способности дать такой силовой ответ Западу сейчас и в будущем.

Список библиографических ссылок

1. Дугин А. Основы геополитики. М.: АРКТОГЕЯ-центр, 2000. 928 с.
2. Бжезинский З. Великая шахматная доска. Господство Америки и его геостратегические императивы. М.: Междунар. отношения, 1999. 256 с.
3. Бэттлер А. Общество: прогресс и сила (критерии и основные начала). 2-е изд. Нью-Йорк, 2018. 380 с.

© Гулевский А. Н., 2025

Данакари Ричард Арами,
профессор кафедры «Право и социально-гуманитарные дисциплины»
Волгоградского государственного аграрного университета,
доктор философских наук, доцент

ЧЕЛОВЕК, ОБЩЕСТВО, БЕЗОПАСНОСТЬ: ФИЛОСОФСКО-АНТРОПОЛОГИЧЕСКИЙ КОНТЕКСТ

Современная действительность характеризуется значительными постмодернистскими интенциями, турбулентностью и непредсказуемостью, неопределенностью и поливариантностью. Актуальность работы во многом связана с исследованием причин нарастания угроз и опасностей в жизни человека и общества, поиском ответов на философско-антропологические проблемы бытия мира в условиях современности. Рефлексия к прошлому, в частности обращение к эпохе Просвещения и позже, свидетельствует о безграничной вере человека в разум, наступлении прав и свобод, построении справедливого и счастливого общества.

Уверенность в науке, технике и технологическом развитии, совершенствовании культуры и улучшении нравственности обернулась скепсисом, полным разочарованием в классических ценностях демократии и прав человека.

Сегодня человечество оказалось на позициях антисциентизма; оно обвиняет науку, технику и технологии в росте рисков и угроз. Не случайно, что современный социум многие философы, политологи, социологи называют «обществом риска». Координаты, в которых закреплены жизнь и мышление индустриального модерна, – оси «семья и профессия», вера в науку и прогресс, – расшатываются, возникает новая двусмысленная связь между шансами

и рисками, т. е. вырисовываются контуры общества риска [1, с. 128]. Во многом социальные институты в обществе риска утратили функцию защиты и безопасности.

Периодически повторяющиеся кризисы серьезно сказываются на функционировании государства, жизнедеятельности общества и человека, состоянии морали и права. Поворот постмодернистского общества к природным признакам и биологическим свойствам человека, а ныне и к нетрадиционной ориентации, дискредитирует и разрушает настоящее, перспективы будущего, нравственные ценности.

В настоящее время достаточно серьезно актуализирован интерес, значимы поиски причин перехода общества с принципов объективности и научного рационализма на позиции субъективизма и иррационализма. Актуальный характер приобретает вопрос: почему человечество, несмотря на высокий уровень развития науки и техники, индустриальных и информационных технологий, оказалось в условиях еще больших рисков и опасностей? Почему в современном мире, государствах и обществах сотни миллионов людей живут в условиях отчуждения, деградации и тотальной манипуляции, им не гарантированы даже элементарные права на жизнь, безопасность существования?

В XXI столетии превалирует постмодернистский плюрализм мнений. Главной составляющей науки и философии, межкультурной коммуникации и диалога стали субъективизм и релятивизм, конструктивизм и утилитаризм. В современном обществе каждый индивид считает, что всегда и во всем прав, самодостаточен; для себя теперь он сам конструирует реальность и существует в ней. В отличие от западной традиции, господствующей логики Аристотеля, его закона исключенного третьего, Восток как норму воспринимает идею диалога, равноправия, честного партнерства, осознает полицентризм мира, многогранность бытия и истины.

Сложность современности заключается в нарастании непредсказуемости, увеличении разрыва между технико-технологическим, информационным развитием и отставанием общества и человека, всего человечества в социокультурной динамике и нравственном прогрессе. С эпохи Возрождения и Нового времени началось развитие современного типа рыночных отношений. Индустриальная революция, а затем и наступление постмодерна стали катализатором объективных и непрерывных качественных изменений как природы, общества, так и человека, его представлений, взглядов на мир и самого себя. Для каждой эпохи, несмотря на кризисы и революции, основной характеристикой стали динамизм как стремление общества к трансформации, а человека – к совершенству и самореализации, поиску нового смысла бытия. Однако все эти изменения не сделали счастливой и безопасной жизнь людей и всего общества.

Известно, что после Средневековья, с развитием рынка, промышленной революции, динамики науки и техники, человек отказался от покровительства Бога, религиозной картины мира, объявил себя полностью властелином мира, «господином» природы, свободным существом, покорителем окружающего мира. Несмотря на существующие естественные угрозы, природные катаклизмы, он признал себя «творцом», равным Богу и в совершенной безопасности.

В связи с этим огромный интерес и ныне вызывает книга всемирно известного философа XX в. Э. Фромма «Бегство от свободы». В центре внимания ученого – анализ бытия человека от эпохи Возрождения и до современности. Миллионы людей, отказавшись от идеи Бога как творца, символа всемогущества, всеислия разума, на словах признавая ценность свободы,

на деле бессознательно воспринимают ее как тяжкое бремя. Бегство человека от свободы смягчает невыносимую тревогу, избавляет от паники, делает жизнь терпимой, но не решает коренной проблемы, и за это приходится зачастую расплачиваться тем, что вся жизнь превращается в одну лишь автоматическую, вынужденную деятельность [2, с. 113].

В другой известной работе «Здоровое общество. Догмат о Христе» Э. Фромм пишет о том, что свобода и прогресс несут с собой сложные психологические проблемы, дополнительную нагрузку. Путь к «позитивной» свободе – это связать себя с миром через любовь и труд, через подлинное проявление своих чувственных, интеллектуальных и эмоциональных способностей. Только таким образом человек может вновь обрести единство с людьми, с миром и с самим собой, не отказываясь при этом от независимости и целостности своего собственного «я». Другой путь – это путь назад: отказ человека от свободы, движение к авторитаризму, конформизму или разрушению сущности субъекта [3, с. 271]. Словом, выход из ситуации видит философ в следующем: каждый человек должен открыть истинную сущность и смысл своего бытия.

В развитых странах появилось правовое государство и общество с подлинной демократией, где декларированы права и свободы человека. Однако эпоха постмодерна и набирающая темпы информационная цивилизация все более наполняют современные общества страхами и опасностями, конфликтами и гражданскими войнами. В условиях наступления западного неолиберализма и иррационализма, информационных технологий и тотальной манипуляции, человек оказался в значительной опасности, охвачен тревогами и беспокойством. Западное постмодернистское общество вывело на историческую арену индивида с примитивными ценностями, низкими стандартами, потребительской культурой, услугами искусства; оно совершило поворот в сторону нетрадиционной ориентации, «атомизировав» и «деперсонализировав» индивида.

Информационные технологии превратили объективный мир, окружающую действительность в искусственный, виртуальный мир. Сегодня люди не ощущают себя в безопасности, они стремятся по-своему «конструировать» мир. Эпоха постмодерна сделала так, что человек отказывается от объективной истины, живет в условиях плюрализма мнений, относительности и «безопасности» бытия. Постмодернистский индивид, несмотря на то, что живет в мире информации, «общества знания», не познает мир, а просто интерпретирует его. Сегодня рациональность, хотя и рассматривается как деятельность, представленная отношениями «субъект – средства исследования – объект», направленная на получение объективной истины, утратила многие позиции [3, с. 325].

В настоящее время понимание феномена «безопасность» как философской категории подчеркивает универсальный характер и системность кризиса современного общества. Парадокс постмодерна заключается в том, что кризис общества и человека превратился в объективный феномен, спутник бытия человечества. Периодические повторяющиеся кризисы стали системным явлением, социальной патологией, когда футурошок, стрессы, страхи, опасности и депрессии превратились в норму жизни.

Для философской антропологии, где в центре изучения всегда находился человек, его взаимодействие с природой и обществом, ныне значительно утеряны высокие цели и смыслы жизни. Вместо комплексного постижения бытия человека сегодня в научном сообществе господствует недоверие к системным знаниям, идее целостности. Многообразие мнений, каждый процесс понимается как множество не сводимых друг к другу линий или изменений.

Продолжающиеся такие дихотомические процессы, как глобализация и регионализация, создают серьезные проблемы в бытии человечества. Принцип единства в многообразии мира предполагает не конфронтацию и вражду, западные санкции, а равноправие, диалог и уважение, сотрудничество между сторонниками всех культур и цивилизаций. Сегодня ни одна из них не может претендовать ни на универсальность, ни на свою исключительность.

Очевидно, что качество жизни общества следует понимать как «совокупность условий, предпосылок, созданных обществом для своего дальнейшего развития и обеспечивающих жизнедеятельность людей. Качество жизни личности представляет собой отношение людей к этим условиям, использование их для удовлетворения своих потребностей» [4, с. 70].

Завершая статью, отметим, что наступило время многополярного мира, где следует качественно по-иному рассматривать проблемы глобальной безопасности, особенно безопасности каждого человека; оно должно включать как физическое здоровье человека, так и культурно-нравственный уровень бытия личности.

Список библиографических ссылок

1. Бек У. Общество риска. На пути к другому модерну. М.: Прогресс-Традиция, 2000. 384 с.
2. Фромм Э. Бегство от свободы. М.: Издательство АСТ, 2018. 288 с.
3. Фромм Э. Здоровое общество. Догмат о Христе М.: АСТ: Транзиткнига, 2005. 571 с.
4. Лига М. Б., Щеткина И. А. Качество жизни: организационно-управленческий аспект. Новосибирск: Наука, 2011. 227 с.

Библиографический список

1. Степин, В. С. Философия науки: Общие проблемы / В. С. Степин. – Москва : Гардарики, 2006. – 384 с.

© Данакари Р. А., 2025

Исаев Андрей Анатольевич,
начальник кафедры социально-гуманитарных и экономических дисциплин
Уфимского юридического института МВД России,
кандидат философских наук, доцент

ЗНАЧЕНИЕ ДУХОВНО-ПРАВСТВЕННЫХ ЦЕННОСТЕЙ В ОБЕСПЕЧЕНИИ ДУХОВНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ ГОСУДАРСТВА И ЛИЧНОСТИ

Основной составляющей духовной безопасности жизнедеятельности личности является ориентация на духовно-нравственные ценности. К сожалению, в современном мире наблюдается тенденция сужения круга ценностей у обычных людей. О ней пишет чилийский философ

и писатель Дарио Салас Соммэр в своей книге «Мораль XXI века»: «С каждым днем становится все больше людей, смысл существования которых заключается исключительно в телесных и чувственных удовольствиях, потреблении и развлечениях, а все оставшееся время они тратят на то, чтобы заработать необходимые для этого деньги. Они хотят жить спокойно и без проблем, быть здоровыми, любимыми и уважаемыми, иметь семью, дом, хорошую работу, ездить в отпуск, когда захотят, им непременно нужны телевизор, автомобиль и музыкальный центр» [1, с. 97]. Казалось бы, что плохого в желаниях этих людей? На первый взгляд, они пересекаются с некоторыми традиционными духовно-нравственными ценностями. Например, крепкая семья, созидательный труд. Но это только на первый взгляд. Основное отличие состоит в индивидуализации желаний: «Главное, чтобы мне было хорошо!» Или, как в известной поговорке: «Моя хата с краю – ничего не знаю». Все мысли таких людей направлены на себя самих, они не замечают того, что происходит вокруг. Поэтому они равнодушны к страданиям других людей. Эти страдания и чаяния не должны нарушать их комфорт. Подобных людей чилийский философ называет посредственными. И в современном мире их много, даже большинство. Характеризуя такого обычного человека, Соммэр далее пишет: «Он сливается с миллионами себе подобных копий и даже не допускает мысли, что такое количество людей может ошибаться и вести неправильный образ жизни» [1, с. 98]. В своих оценках чилийский мыслитель очень категоричен, говоря о том, что эти люди даже не хотят слушать правду о себе, о своей незначительности, и уж тем более не предпринимают усилий для своего развития. Таких среди представителей человеческой расы большинство. Это отрицательно сказывается на моральном облике всего человечества.

Утвержденные в ноябре 2022 г. Указом Президента Российской Федерации В. В. Путиным «Основы государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей» (далее – Основы) [2] уже стали предметом научного и правового анализа [3; 4]. Данный анализ предполагает выявление в том числе слабых сторон изучаемого документа, т. е. его критику. Обращаясь к двум указанным работам, надо отметить, что эта критика не только носит, на наш взгляд, конструктивный характер, но и нацелена на обоснование сомнений в значимости данного стратегического документа. То есть авторы преследуют в первую очередь свой научный интерес, порой забывая о мировоззренческой, идеологической и патриотической значимости Основ. Хотя справедливости ради стоит отметить, что авторы из г. Минеральные Воды констатируют: «Собственно, здесь мы имеем не что иное, как заявление первого лица государства о решительном шаге по концептуализации идеологии современной России» [4, с. 119]. Чтобы конкретно остановиться на тех замечаниях, которые указывают авторы данных работ, поочередно обратимся к каждой из них.

Так, уже упомянутые авторы А. П. Мазуренко, П. Ф. Голдин в своей статье выделяют три нормативно-правовых компонента, не отраженных в Основах. Это, во-первых, отсутствие критерия отбора ценностей, что привело, по их мнению, к смешению либеральных и консервативных ценностей. Во-вторых, никак не оговаривается возможность пересмотра ценностей в целях расширения списка либо удаления из него неактуальных ценностей. В-третьих, не прописан механизм реализации данного Указа Президента РФ, что, по мнению авторов, приводит к неоднозначным ситуациям на местах. Надо отметить, что эти авторы менее критично относятся к данному документу, признавая его стратегическую значимость и призывая лишь совершенствовать правовые инструменты его реализации.

Более жесткой критике Основы подверглись в статье профессора Г. А. Борщевского «Традиционные российские ценности: институциональный анализ» [3]. Надо признать, что работа автором проделана колоссальная. Проведено полноценное серьезное научное исследование, включающее сравнительный институциональный анализ традиционных ценностей Российской Федерации. В заключении автор говорит о перспективных задачах: «...Можно с уверенностью говорить о наличии широкого поля для инкорпорации традиционных ценностей в нормативные документы, что является необходимым условием их имплементации в правоприменительную практику» [3, с. 84]. Тем не менее в следующих далее выводах больше звучит пессимизм, чем оптимизм. По мнению Г. А. Борщевского, например, нормативное закрепление данных ценностей может привести к несоответствию желаемого и действительного, поскольку, как он считает, значительная часть россиян придерживается других ценностей. А это означает, что подобная государственная политика приведет не к сплочению общества, а к его разобщению, поляризации. Но более всего удивляет и даже возмущает констатация автором тезиса: «Самое традиционное в Основах – не сами ценности, а способ их «дарования» общественности: сверху, без предварительного обсуждения и внятного разъяснения» [3]. В своем третьем выводе профессор в научных терминах объясняет, как нужно в идеале проводить политику в области ценностей, при этом он ориентируется на длительность предварительного изучения общественного мнения. Но возникает закономерный вопрос: а есть ли оно у нас – это время? После начала проведения специальной военной операции на Украине (СВО) ситуация меняется стремительно. Запрос консолидации российского общества огромен и крайне необходим. Поэтому утверждение Основ – неизбежный оперативный шаг государственной политики в данной области. Практика общения с разными категориями российских граждан позволяет сделать вывод, что большинство наших граждан ориентированы именно на традиционные российские духовно-нравственные ценности. И отсутствие их нормативной фиксации приводило к ослаблению веры людей в то, что они стоят на правильном пути. Автор статьи почему-то решил, что законодательно закрепляемые ценности не являются конвенциональными для нашего общества. И хотя он утверждает, что его анализ имеет серьезный субъективный компонент, все же он взял на себя смелость критично оценивать те шаги, которые предпринимает государство в этой области. На наш взгляд, сегодня государству необходима усиленная поддержка научного сообщества в тех действиях, которые оно предпринимает в целях патриотической сплоченности наших граждан и всех общественных институтов. Доказательством этой мысли служит тот факт, что в 2023 г. во всех российских образовательных организациях среднего и высшего профессионального образования независимо от их ведомственной принадлежности была введена новая учебная дисциплина «Основы российской государственности».

Искоренение в сознании молодого поколения таких ценностей, как историческая память и преемственность поколений, – одна из главных задач деструктивного воздействия информационно-психологических атак на наших потомков. Враждебные нам силы прекрасно понимают, что при достижении этой цели эффективность полученного результата проявится в лояльности сознания современной российской молодежи к восприятию идеологических схем и образов, негативно оценивающих российскую действительность. «Неслучайно в последнее время предпринимаются попытки переписать историю России, тем самым вычеркнуть из народной памяти ключевые события либо передать их в искаженном свете. Цель такого рода трактовок прошлого – закрепить в сознании людей, и прежде всего молодежи,

чувство ущербности, вины, спровоцировать желание отречься от наследия своих предков» [5, с. 102]. Эти ценности могут быть развиты и укреплены только в сочетании с воспитанием чувства патриотизма, любви к своей Родине. Поскольку без этих чувств молодой гражданин просто не будет интересоваться историей своего государства и теми традициями, которые сложились на протяжении его многовековой истории. Его больше будет интересовать, что оно может ему сегодня предложить и способно ли оно удовлетворить его потребности? Этим и объясняются действия релокантов, покинувших страну после начала СВО и после объявления частичной мобилизации. Они не утруждают себя объяснением исторических причин тех событий, современниками которых мы являемся. Они пекутся о личном комфорте и неприкосновенности. По большому счету, они – граждане России лишь формально, по паспорту. Для них чужды наши традиционные ценности.

Сейчас, когда наша страна противостоит недружественной политике западных государств, такая традиционная ценность, как единство народов России, еще более закрепляется в общественном сознании, проявляя себя в общероссийской сплоченности и решимости всех народов России отстоять свой суверенитет. Эта ценность также ярко себя проявила и показала свою духовную силу в период и на полях проведения СВО, где в одном строю, плечом к плечу воюют представители всех народов нашей Великой необъятной Родины. Это настоящие граждане России, это наши герои, на которых мы должны равняться, должна равняться наша молодежь и все последующие поколения. Об этом же сказал Президент России в своем послании Федеральному Собранию РФ 29 февраля 2024 г.: «Наши солдаты и офицеры – христиане и мусульмане, буддисты и последователи иудаизма, представители разных этносов, культур, регионов – на деле, лучше тысячи слов доказали, что вековая сплоченность и единство народа России – это колоссальная, всепобеждающая сила. Все вместе, плечом к плечу они сражаются за одну, общую Родину» [6]. В этих словах отражена уникальность единства народов нашей страны. Они не просто проживают на одной территории, они воспринимают Россию как единую большую Родину, в границах которой и под защитой которой сосуществуют их малые родины.

Усилия личности по обеспечению своей духовной безопасности – это постоянное стремление к интеллектуальному, нравственному и в целом духовному самосовершенствованию, приводящее современного человека к укреплению своей духовной сущности и выработке чувства уверенности в завтрашнем дне.

Путь личности к обретению духовности и ее укреплению сопряжен в современном информационном обществе с постоянными угрозами деструктивного характера, нацеленными на разрушение духовной безопасности человека. Эти угрозы необходимо знать, чтобы выработать эффективные способы противодействия им и обеспечить свою духовную безопасность.

Стремление личности к укреплению своей духовной безопасности в современном мире предполагает глубокий анализ комплексного воздействия социокультурных факторов на становление и развитие личностного духовного бытия. Духовная безопасность обеспечивается и физическим, и психическим, и духовным здоровьем человека. Поэтому широко пропагандируемый сегодня здоровый образ жизни человека является одним из элементов позитивного воздействия информации на духовные усилия личности по укреплению своей защищенности от различных негативных факторов современного информационного общества. Об успехах государства и наших граждан в этой области сказал Президент РФ в своем послании

Федеральному Собранию РФ: «За последние годы у нас в разы выросло число граждан, которые регулярно занимаются спортом. Это одно из наших значимых достижений. Нужно поощрять людей, которые ответственно относятся к своему здоровью... Помните народный лозунг? Каждый помнит эту шутку: «Бросай пить – вставай на лыжи!» Это тот самый случай, момент такой настал. Кстати говоря, что касается «пития»: здесь у нас заметный, хороший результат. Реально без всякого экстремизма мы значительно снизили употребление алкоголя, и прежде всего крепкого алкоголя, и это, безусловно, сказывается на здоровье нации» [6].

Все эти выводы подтверждают особую актуальность и значимость рассматриваемой в данной работе проблематики. В совместной целенаправленной деятельности личности и государства формируется духовный иммунитет против всех деструктивных угроз информационно-психологического характера, укрепляется чувство гражданской идентичности и сопричастности с Великой Россией, страной-цивилизацией. Личный духовный жизненный путь и духовный путь страны синтезируются в единую неразрывную линию с уверенным взглядом в будущее. И вслед за нашим президентом мы говорим: «Мы – одна большая семья, мы вместе, и потому сделаем все так, как планируем и хотим сделать, как мечтаем» [6].

Список библиографических ссылок

1. Соммэр Д. С. Мораль XXI века; пер. с исп. М.: Изд-во «Кодекс», 2018. 480 с.
2. Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей: Указ Президента РФ от 9 ноября 2022 г. № 809. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/48502> (дата обращения: 29.03.2023).
3. Борщевский Г. А. Традиционные российские ценности: институциональный анализ // Полития. 2023. № 4 (111). С. 67–93.
4. Мазуренко А. П., Голдин П. Ф. К вопросу о нормативно-правовом формировании концепции духовной безопасности // Правовая защита традиционных российских духовно-нравственных ценностей: теория и практика: сб. науч. тр. Всеросс. науч.-практич. конф. (16 февраля 2023 г.) / редкол.: Е. В. Сафронова [и др.]. Воронеж: Издат.-полиграф. центр «Научная книга», 2023. С. 118–128.
5. Терехова В. И., Шелепанова Т. В. Историческая память, как ресурс формирования личности // Этнические процессы в глобальном мире: сб. науч. тр. науч. конф. (22 февраля 2013 г.). С. 100–103.
6. Послание Президента РФ Федеральному Собранию от 29 февраля 2024 г. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/73585> (дата обращения: 13.03.2024).

© *Исаев А. А.*, 2025

Крючков Сергей Валентинович,
доцент кафедры философии
Волгоградской академии МВД России,
кандидат философских наук, доцент

**СЕМЬИ СОТРУДНИКОВ ОРГАНОВ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ
КАК ВОЗМОЖНЫЙ РЕЗЕРВ НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ
(К ВОПРОСУ О НЕОБХОДИМОСТИ ЗАМЕНЫ МИФОЛОГЕМ
РЕАЛЬНЫМ ВОСПРИЯТИЕМ)**

Среди всех возможных подсистем общества, которые пока еще состоят в наиболее тесных социокультурных взаимосвязях, семья как безусловная системообразующая «ячейка общества» занимает во многом определяющее, как минимум особое, место. Обеспечение национальной безопасности, понимаемое как комплексная задача, не может обойти вопрос сохранения семьи и семейных отношений в Российской Федерации как столь же комплексной проблемы.

В период осуществления государством военных действий – неважно, какой характер они имеют: ограниченный или глобальный, – данной проблеме, безусловно, придается особое значение. Речь, естественно, в первую очередь – о всеобъемлющем восполнении людских ресурсов. Нельзя сказать, что вопрос об их недостатке возник совершенно неожиданно. Много лет ведутся дискуссии о пресловутом «демографическом кризисе», «провале» начала 90-х и т. п., неизменно лишь одно: итог пока неутешителен, массового возвращения соотечественников из-за рубежа не произошло, алгоритма повышения рождаемости не найдено. Кардинальных положительных изменений в динамике роста населения, таким образом, добиться не удалось. Это – на самом деле одна из главных причин пресловутого «кадрового голода» в нашей стране, в том числе в органах внутренних дел.

И это только часть, хотя и самая важная, стоящей перед обществом демографической проблемы. Не менее важен демографический состав населения нашей страны. Для того чтобы рождающиеся дети как новые члены общества пополняли российский социум, его страты «правильными», т. е. воспитанными, образованными и социализированными в своем большинстве гражданами, нужна здоровая полная семья. Желательно – духовно развитая и не нуждающаяся в самом элементарном, а лучше – материально обеспеченная, или, как сейчас говорят, «успешная». К сожалению, о таких благоприятных вводных и условиях, способствующих этому в полной мере, сейчас можно только мечтать. Конечно, нельзя сказать, что для поддержки семьи государство ничего не делает. Разработаны разнообразные программы помощи молодым, многодетным, студенческим семьям, продлено действие «материнского капитала». Ряд российских регионов с серьезной нехваткой людских ресурсов в виде эксперимента предоставляет молодым семьям в аренду служебное жилье социального типа с перспективой его перехода в собственность нанимателей.

Как минимум идеологическое основание проблемы, как кажется, явно или латентно кроется еще и в другом. Стихийный обвал советской социально-уравнительной системы, господствовавшей в течение десятков лет, разогнал инерцию специфических установок на социальную справедливость особого рода. Эти установки вольно или невольно, отдельно или во взаимосвязи передавались от одних поколений другим, не имея реального подтверждения

в действительности. В этом противоречивом процессе неизбежная мифологизация отдельных сторон прежних установок (как следствие соответствующего мироощущения и миропонимания) приводила либо к одобрению и принятию, либо, наоборот, к резкому неприятию сформировавшихся мифологем как реакции на состоявшуюся реальность.

Новые общественные ощущения от случившегося в конце XX в. несправедливого передела когда-то «общенародной» собственности в рыночных условиях – почти всегда недостаток личных материальных возможностей и возможностей всей семьи в целом. Это серьезное ограничение потребностей в бытовой, образовательной, карьерной и прочих сферах. Богатые становятся еще богаче, бедные еще относительно беднее. Ситуация порождает формирование новых навязчивых мифологем и новых разочарований из-за заведомой невозможности их реализации. Навязчивые примеры чего-то обратного – так называемых историй успеха, скорее всего, утаивают от сограждан что-то существенное либо являются исключениями, но выдаются за правило. Порочная синусоида исторических наложений череды таких социальных разочарований может быть опасна и разрушительна для всей структуры общественных отношений. Это особенно характерно для периодов, следующих за процессом преодоления серьезной внешней опасности и ожидаемого возвращения к обычной жизни. Такое в нашей истории случалось уже не раз. Поэтому уже прямо сейчас, до окончания специальной военной операции, необходим продуктивный анализ происходящих процессов и явлений, трезвый критический подход в целях дальнейших позитивных изменений в различных сферах общественных отношений.

Как показывает современная действительность, наибольшую деформацию в результате различных социальных коллизий претерпевает как раз институт семьи. Кризис семьи как многофакторное явление начался у нас значительно раньше новой капитализации общественной жизни эпохи 90-х, еще в советский период. На то были свои причины, обусловленные кризисом, по сути, искусственно создававшегося общества. Рынок и рыночные отношения только обнажили и сделали очевидными эти негативные процессы. В российском обществе в целях его самосохранения появляется объективная потребность в устойчивых, консервативных семейных формах существования и передачи традиций, которыми могут быть либо собственно традиционная (традиционалистская) патриархальная семья, либо семья, передающая из поколения в поколение свои трудовые навыки и умения: трудовые династии, семейный подряд и им подобные. Естественно, это происходило чаще в ином, чем прежде, приспособленном под новые общественные реалии, виде. Этот социальный запрос был ощутим даже на фоне вынужденного вовлечения членов подавляющего количества семей в рыночную среду, чаще – торговлю, где они невольно могли становиться и конкурентами.

Наряду с другими семейными династиями устойчивый характер проявили тогда и милицмейские. Причиной могла быть как реальная профессиональная увлеченность, относительная стабильность доходов сотрудников, так и отсутствие иных достойных и устойчивых сфер трудовой деятельности. Кроме того, возможно, сказывались общественная инерция, привычка.

Тем не менее разрушительные экономические и социально-политические процессы не в меньшей, а в большей степени затронули семьи сотрудников органов внутренних дел. Когда общество «страдает» предчувствием возможных социальных коллизий, балансирует на грани экономических и политических кризисов, в нем неизбежно обостряется криминогенная ситуация. Негативные экономические и социально-политические процессы в любом обществе всегда создают дополнительные трудности, формируют особый негативный психологический

фон как для сотрудников органов внутренних дел, так и для их семей. И им самим, и их родным и близким, скорее всего, как следствие, предстоит длительные разлуки, постоянное беспокойство за здоровье и жизнь членов своих семей, привычные уже опасения о возможном ухудшении с таким трудом достигаемого минимального материального благополучия.

На этом фоне нельзя исключать кардинальную переоценку моральных ценностей, их возможную деформацию, а впоследствии – иные серьезные деформации отношений. Состояние психологического климата семей сотрудников не может быть совершенно независимым от состояния общей среды обитания и иных новых травмирующих обстоятельств. Они негативно влияют на статистику разводов, увеличивают тенденцию к «текучести кадров», способствуют разнообразным дисциплинарным нарушениям в системе служебных и внеслужебных отношений и даже суицидам среди личного состава органов внутренних дел и членов их семей.

Необходимо учитывать, что общая осведомленность семьи сотрудника о его служебных делах и профессиональной деятельности, о степени и глубине его профессиональных интересов и уровне карьерных притязаний (даже в самом общем виде), совместное налаживание баланса между семьей и работой могут стать важной основой для мотивации сотрудника к его профессиональному росту и дальнейшему карьерному продвижению.

Назревающие, как правило, в кризисные времена кадровые проблемы, связанные, например, с нежеланием людей брать на себя дополнительную ответственность – даже занимать руководящую должность, как уже не раз случалось в нашей истории, могут быть профилактически проработаны в семейных беседах и обсуждениях, психологически освобождены от случайных поспешных решений и сомнений. Социально ориентированная и мотивированная к количественному и качественному (в том числе и карьерному) росту здоровая полная семья сотрудника органов внутренних дел, где каждый член семьи – товарищ и добрый советчик для других, обязательно формирует столь же здоровую среду не только внутри (что естественно), но и вокруг себя.

При вдумчивом аналитическом подходе к исследованию потенциальных и реальных возможностей такой семьи не исключено, что его результаты помогут косвенно прогнозировать и решать имеющиеся кадровые проблемы даже в условиях недостаточного финансирования. Новые кадры, набираемые на работу в систему МВД России, которые приходят из таких семей, являются самым продуктивным контингентом, «золотым фондом» министерства и всего государственного аппарата в целом. Они знакомы с реальным положением дел, не боятся трудностей, они, как правило, привычно не отделяют свои личные интересы от интересов общества и государства.

Таким образом, положительное мотивирующее влияние семей сотрудников может обусловить успешное решение задач кадрового устройства органов внутренних дел и во многом, пусть косвенно, опосредованно помочь обеспечить перспективное комплектование правоохранительных органов нашей страны, возможность эффективного перераспределения личного состава, назначенных сил и средств в центре и на местах. Это создаст запас прочности внутренней общественной безопасности, а следовательно, национальной безопасности нашей страны в целом.

© Крючков С. В., 2025

Лесничук Егор Алексеевич,
студент 2 курса Института отраслевого менеджмента
Российской академии народного хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации;
Научный руководитель: Доронин Юрий Петрович,
профессор кафедры философии
Волгоградской академии МВД России,
кандидат исторических наук, доцент

СОЦИАЛЬНЫЕ МЕДИА КАК ПРОСТРАНСТВО ДЛЯ СТОЛКНОВЕНИЯ РАЗЛИЧНЫХ ПОЛИТИЧЕСКИХ СИЛ В БОРЬБЕ ЗА ВЛАСТЬ

В мире современной политики социальные медиа уже на протяжении долгого времени воспринимаются как полноценный инструмент, который при правильном и комплексном подходе способен оказывать существенное влияние на формирование политической повестки. Об актуальности данной проблематики свидетельствует библиография научно-исследовательского интереса к информационному феномену XXI в., пространство которого использует политика как ресурс и инструмент в достижении своих целей [1].

Социальные медиа представляют собой мощное информационное оружие, которое используют политики по всему миру для эффективного взаимодействия со своими избирателями. Кроме того, они помогают правильно построить свой личный бренд, который, как известно, является неотъемлемой частью политического имиджа. Широкое распространение и высокий уровень проникновения социальных медиа в жизнь общества делают их незаменимым элементом современного политического ландшафта. В этом контексте социальные медиа стали площадкой для активного противоборства политических сил, каждая из которых стремится завоевать политические очки и сформировать приемлемый для себя дискурс. Важно подчеркнуть, что правильное конструирование собственного бренда и завоевание лояльности аудитории стало точкой, в которой политические акторы и бизнес нашли пересечение.

Однако, несмотря на то, что социальные медиа в политике используются повсеместно и уже «набили оскомину», многие аспекты этого взаимодействия до сих пор остаются неизученными. Вопросы, касающиеся специфики использования социальных медиа различными политическими силами, механизмов распространения информации и влияния на аудиторию, требуют тщательного исследования и осмысления. В данной работе анализируется роль социальных медиа как пространства для столкновения различных политических сил, а также оценки их влияния на формирование общественного дискурса.

Изучение вопроса влияния социальных медиа на политическую жизнь стоит начать с определения этого феномена. Социальные медиа – это платформы, позволяющие пользователям создавать уникальный контент, распространять его, взаимодействовать друг с другом и делиться информацией. Как было сказано ранее, именно комплексное использование предложенного инструментария дает возможность пользователям продвигать свои идеи, вносить свой вклад в формирование общественного сознания и разделять или отвергать текущую повестку. Политические силы в целом и отдельные политические игроки в частности выступают бенефициарами подобного рода взаимодействия с аудиторией, ведь конечной целью их

информационного присутствия является формирование определенного имиджа и транслирование конечных идеалов и ценностей.

Впрочем, есть и другой феномен, без которого трудно понять проникновение политических сил в социальные медиа: власть. Под властью традиционно понимается способность одного субъекта подчинять себе поведение и волю другого субъекта. Для более точного и полного понимания сущности и роли власти в социальных медиа мы сегментируем ее на три основных типа. Первый – это власть ресурсов, а именно материальных (прежде всего финансовых). Посредством социальных медиа политики доносят свои ценности до аудитории, а та ее часть, которая разделяет транслируемые интересы, жертвует им часть своих накоплений ради осознания своего влияния и сопричастности к «общему делу». Политики, в свою очередь, используют эти средства для проведения своих предвыборных кампаний и привлечения новой аудитории. Второй тип – это власть знаний: она включает в себя экспертные знания, репутацию и ключевые инсайты. Обладая широким спектром информации о своих избирателях или «неопределившихся», с помощью социальных медиа политики способны давить на них, манипулировать их лояльностью, используя различные рычаги влияния. Последний тип: власть символов. Она состоит из имиджа и бренда политика, репутации и доверия со стороны избирателей. Именно третий тип власти предполагает инвестирование огромного количества ресурсов и является ключевым аспектом для завоевания массового сознания. Здесь происходит самая ожесточенная политическая борьба, победа в которой, вероятно, может гарантировать дальнейшее превосходство установившейся повестки в массовом сознании. Для понимания противоборства двух противоположных сторон необходимо привести релевантные примеры из современной политической жизни.

Огромное количество примеров можно найти в политической жизни США, где традиционно наблюдается противостояние представителей республиканской и демократической партий. Например, самый богатый человек на планете, сторонник республиканской партии Илон Маск после покупки социальной сети X (преемник Twitter)¹ снимает блокировки с Дональда Трампа – действующего кандидата на президентских выборах. Далее следует сенсационная разблокировка главного идеолога MAGA², и он получает ключевые ресурсы и огромную лояльную аудиторию для распространения своей политической программы. Но борьба не заканчивается на этом этапе. После официального снятия с выборов Байдена новый кандидат от «демократов» Камала Харрис понимает, что ей необходимо строить свой личный бренд среди самого активного электората – молодежи. Ее политтехнологи начинают активную кампанию по популяризации кандидата в TikTok, и это сработало: за короткое время она набрала большое количество подписчиков и по предварительным опросам обогнала Дональда Трампа на 1–2 % в ключевых штатах [2]. Итоговая результативность в «президентской гонке» показала, что ее политико-медийный успех не получил достаточной поддержки. Команда Трампа продолжала штурмовать соцсети, короткие ролики в TikTok выходили 4-5 раз в день. На фоне более строгих роликов конкурентки Камалы Харрис мемы, танцы и броские

¹ Заблокирован в Российской Федерации, иностранный владелец ресурса нарушает закон Российской Федерации.

² MAGA, Make America Great Again («Вернем Америке былое величие», буквально с англ. «Сделаем Америку снова великой») – американский политический лозунг, популяризированный Дональдом Трампом в ходе его президентской кампании 2016 г.

фразы Трампа в ленте привлекали больше внимания. Объединение усилий и ресурсов нескольких сторон (людей, брендов) для совместной работы с людьми, мнение которых являлось важным для большого числа электората, «лидерами мнений»; оживленное присутствие на платформах X¹ позволили ему охватить широкую аудиторию и вызвать эмоциональную связь даже с теми, кто не поддерживал его изначально [3]. Победа Дональда Трампа показала, как важно вести диалог с аудиторией через соцсети для обеспечения высокого уровня поддержки.

Далее обратимся к примеру Южной Америки. В Бразилии соцсеть X² действовала как полностью свободная платформа. Правые и крайне правые активно использовали социальные медиа для продвижения своих ценностей и агитировали людей протестовать против действующей власти. И это дало свои результаты, но лишь отчасти: протестующие скоординировались и ворвались в Национальный конгресс, Президентский дворец и Верховный суд Бразилии, но армия не встала на их сторону, и протест был подавлен [4]. В этом примере показано, что социальные медиа сыграли значительную роль для протестных настроений, но также очевидно, что монополия на насилие все еще принадлежит реальной власти, а не ее цифровому подобию.

Подводя итог, можно отметить, что, во-первых, социальные медиа позволяют политическим силам быстро распространять информацию и влиять на общественное мнение. Это может привести к тому, что определенные группы населения становятся более осведомленными о происходящих событиях и получают возможность участвовать в обсуждении политических вопросов. Во-вторых, социальные медиа способствуют созданию сетевых сообществ, объединяющих людей с общими интересами и целями. Такие сообщества могут выступать в качестве мощного инструмента влияния на политические процессы. В-третьих, социальные медиа предоставляют площадку для критики и анализа действий властей, что способствует увеличению прозрачности и подотчетности государственных институтов. Помимо этого, они стали полноценными площадками, на которых происходят столкновения различных политических сил в борьбе за власть.

Список библиографических ссылок

1. Бондарев Н. С. Социальные медиа в современных политических процессах: технологии и ресурсы влияния: автореф. дис. ... канд. полит. наук. М.: Реглет, 1914. 24 с.; Чэнь Ди. Социальные медиа в решении актуальных общественно-политических проблем: автореф. дисс. ... канд. полит. наук. СПб.: С-ПбГУ, 1915. 25 с.; Сергеева Е. В., Муравьева М. В. Социальные медиа в пространстве публичной политики // Молодой ученый. 2020. № 21 (311). С. 447–450.; Альбо Таслих Мохаммед Имад Кадим. Социальные медиа как пространство политической коммуникации // Политическая лингвистика. 2021. № 5 (89). С. 38–44.; Бараш Р. Э. Социальные медиа как фактор формирования общественно-политических установок, российский контекст // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены.

¹ Заблокирован в Российской Федерации, иностранный владелец ресурса нарушает закон Российской Федерации.

² Заблокирован в Российской Федерации, иностранный владелец ресурса нарушает закон Российской Федерации.

2022. № 2. С. 430–453.; Султанова Е. Г. Социальные медиа как инструмент политической мобилизации // Научно-практический электронный журнал Аллея Науки. 2023. № 1 (76).

2. Рейтинг Трампа и Харрис на сегодня. URL: <https://gogov.ru/articles/trump-harris-rating> (дата обращения 20.10.2024).

3. Дамирова Д. Как Дональд Трамп выиграл выборы в США: маркетинговые уловки, которые привели к победе. URL: [https://vc.ru/marketing/1640851-kak-donald-tramp-vyigral-vybory-v-ssha-marketingovye-ulovki-kotorye-priveli-k-pobede](https://vc.ru/marketing/1640851-kak-donald-trump-vyigral-vybory-v-ssha-marketingovye-ulovki-kotorye-priveli-k-pobede) (дата обращения: 08.11.2024).

4. Протесты и попытки захвата правительственных зданий в Бразилии. URL: <https://www.rbc.ru/politics/09/01/2023/63bb964a9a79471f326051d3> (дата обращения: 18.10.2024).

© Лесничук Е. А., 2025

Лушников Дмитрий Александрович,
заведующий кафедрой социологии
Северо-Кавказского федерального университета,
доктор социологических наук, профессор,

МЕХАНИЗМЫ ВЕРТИКАЛЬНОЙ ДЕГУМАНИЗАЦИИ В СИТУАЦИИ ИНФОРМАЦИОННОЙ ВОЙНЫ

Расчеловечивание/дегуманизация в социальной структуре соответствует иерархической морфологии общества и являет как вертикальный, так и горизонтальный аспекты. На горизонтальном уровне находятся коллективные и индивидуальные акторы, равные по статусу, здесь мы сталкиваемся с механизмом инфрагуманизации, склонностью рассматривать аут-группы как «менее человеческие» в когнитивно-интеллектуальном, ценностно-нормативном, физическом и эстетическом аспектах. Хотя ингруппа индивида и те группы, куда он не входит и с которыми себя не идентифицирует (аутгруппы) в случае горизонтальной дегуманизации, располагаются на одном уровне социальной иерархии, инфрагуманизация автоматически выстраивает отношения вертикального неравенства. Следовательно, редуцируя отношения «индивид – группа» на интерактивное взаимодействие «индивид – индивид», можно констатировать биологические основания инфрагуманизации как установки на перцепцию и интерпретацию другого как менее статусного члена малой группы.

В ситуации горизонтального интерактивного взаимодействия редукция инфрагуманизации предполагает понижение социального статуса другого или его личного статуса. Естественно, что в случае очевидной равенности социальных статусов акцент будет переноситься на неравенство личных статусов, формулируемое в критериях физического, возрастного, когнитивно-интеллектуального и этического неравенства и различия.

Вертикальный аспект дегуманизации предполагает расчеловечивание индивида/группы, находящихся на другом уровне социальной иерархии, поэтому данный процесс, подобно вертикальной мобильности П. А. Сорокина, имеет восходящий и нисходящий вектор. Нисходящий вектор дегуманизации предполагает инфрагуманизацию и расчеловечивание инди-

видов/групп, занимающих более низкое положение в социальной структуре общества. Здесь мы обнаружим богатый тезаурус лингвистической стигматизации и расчеловечивания подчиненных и эксплуатируемых групп в стратифицированных обществах (обозначение рабов как «тел» в античном обществе обнаруживает параллель на другом витке исторического развития, в «душах» крепостных крестьян феодальной России). Нисходящий вектор дегуманизации у более высокоранговых групп подкрепляется легитимациями их господства, завышающими их социальные качества и инфрагуманизирующие качества нижестоящих и подчиненных.

Соответственно, противостоящий восходящий вектор дегуманизации предполагает инфрагуманизацию и расчеловечивание индивидов/групп, занимающих более высокое положение в социальной структуре общества. Это в социальном плане даже более сложный вектор и способ дегуманизации, так как обладание более низким социальным статусом, меньшими правами и привилегиями является более уязвимой позицией для легитимации социального положения и качеств индивида/группы. Поскольку более высокоранговые индивиды/группы изначально находятся в более выгодном положении, они подкрепляют свои легитимации реальной разницей в статусе.

Нарративы восходящей дегуманизации строятся на рефлексии, ревизии, критике и отрицании существующей социальной структуры и легитимаций положения господствующих групп. Они признаются не соответствующими своему вышестоящему положению по причинам утраты необходимых для этого качеств и несоответствия функциональным обязанностям. Этот дискурс формируется в терминах неготовности власти к изменениям, коррупционности, отличающихся от ценностей, интересов и целей народа.

В ситуации информационной войны, связанной с проведением СВО на Украине, одна из задач пропагандистов с обеих сторон – вызвать внутренний конфликт в обществе, связанный с негативной оценкой роли военного, политического руководства, степени вовлеченности крупного бизнеса в помощь армии и обществу.

© Лушников Д. А., 2025

Михайлов Сергей Николаевич,
доцент кафедры «Право и социально-гуманитарные дисциплины»
Волгоградского государственного аграрного университета,
кандидат философских наук, доцент;
Маслов Михаил Станиславович,
старший преподаватель кафедры
«Право и социально-гуманитарные дисциплины»
Волгоградского государственного аграрного университета

ПОЛИТИКО-ПРАВОВАЯ И МОРАЛЬНО-ЭТИЧЕСКАЯ ОЦЕНКИ ВОЙНЫ

Одним из самых распространенных и мощных средств социального насилия на протяжении всей человеческой истории была война. Более того, в современных условиях война

становится обычной рутинной работой. И поэтому сегодня роль военного фактора в решении международных проблем заметно выросла. В начинающейся истории нового тысячелетия это становится характерной чертой жизни планеты. Вторая половина минувшего столетия – это было время холодной войны, которая не раз ставила мир перед лицом ядерной угрозы [1, с. 96]. В современном мире в разных регионах Земли возникают военные конфликты с применением самых современных средств уничтожения людей.

Таким образом, война и мир становятся главной морально-этической проблемой в исторической перспективе человечества.

Война – организованная вооруженная борьба между государствами (группами государств), классами или нациями (народами). Генезис войны уходит в глубь доклассовой истории человечества. Однако только после возникновения антагонистических классов и формирования государства, появления политики как специфического вида человеческой деятельности война обрела общественно-политическое содержание, вызвала к жизни собственные постоянно действующие институты (армия) и приобрела развитые формы [2, с. 88].

Тесную связь между войной и политикой подчеркивал немецкий военный теоретик К. фон Клаузевиц. Война, писал он «...есть не что иное, как продолжение политики иными средствами»; война – «...не только политический акт, но и подлинное орудие политики, продолжение политических отношений, проведение их другими средствами» [3, с. 54].

Возможности и реальности войны воздействуют на все сферы жизни общества – экономику, политику, право, мораль, религию, науку, искусство. Разрушение материальной культуры, производительных сил, природной среды, массовая гибель людей оказывали огромное влияние на всю совокупность человеческих отношений. Война, как никакой другой феномен, является очень сложным, противоречивым социальным механизмом и объектом социальной оценки. Например, политика, право и мораль как различные формы общественного сознания дают войне неоднозначные оценки и демонстрируют неоднозначное отношение.

Политическая оценка войны. Именно через нее определяется социальный характер войны путем обоснования причин, целей вооруженной борьбы, анализа политических и военно-стратегических намерений участников противоборствующих сторон. Следует подчеркнуть, что политическая оценка войны, представляемая официальными правительственными кругами, зачастую скрывает подлинные цели вооруженной борьбы, вуалирует их смысл, вводя в заблуждение, прежде всего, свой народ, мешая правильному формированию у населения морального отношения к ней. Отсюда двойственный характер политической оценки: с одной стороны, в идеологических целях оправдывать начало военных действий, демонстрируя ее как вынужденную, но справедливую акцию в борьбе с вражескими силами, а с другой – определять «только для своих» истинные цели и задачи войны. Практически любая война начинается под мощное патриотическое сопровождение, которое необходимо для морально-психологической подготовки страны к войне, потому что, как отмечал еще Бисмарк: «Если бы солдат знал, за что он воюет, он давно бы воткнул штык в землю».

В рамках политической оценки войны следует остановиться на попытках ее отождествления с моральным отношением к ней, выдавая ее за справедливую или несправедливую. Необходимо отметить, что моральные характеристики определяются политической целесообразностью: справедливо не то, что гуманно, морально, а то, что целесообразно. Но наряду с этой точкой зрения существует и другая крайность, когда политическую оценку войны

с четким анализом причин и целей подменяют морализаторским подходом к ней, расплывчатыми неопределенными фразами борьбы с «мировым злом».

Анализируя данное социально-политическое явление, следует подчеркнуть, что честная, непредвзятая политическая оценка войны является важнейшим условием для ее адекватного отражения в правовом и нравственном сознании. И в сегодняшней непростой геополитической ситуации в мире это особенно важно. Война – невероятно сложное явление не только в социальном, но и в познавательном плане, которое порождает непростые гносеологические проблемы в первую очередь для обыденного сознания людей.

В современном меняющемся мире создается новая геополитическая ситуация, в которой глобализация мировых отношений сопровождается возрастанием экономических, политических и духовных противоречий цивилизационного характера. И поэтому для предотвращения и правильной оценки причин и социального характера вооруженных конфликтов требуется научный политический характер.

Правовая оценка войны. Эта оценка анализирует процессы и явления войны с позиций международного и внутреннего права. К основным задачам правовой оценки войны относят: установление агрессора, виновника войны на основе существующих юридических законов, международных соглашений и договоров; определение объектов международно-правовой охраны в ходе вооруженной борьбы; юридическая оценка способов и средств борьбы; определение общественной опасности воинских преступлений; установление степени виновности и ответственности за воинские преступления и др.

Основной задачей международной правовой оценки войны является ограждение миролюбивых государств от возможной агрессии, ограничение использования военной силы в международной политике. Наметилась тенденция к возрастанию роли международного права, но вместе с тем международно-правовые акты не стали полной гарантией недопущения агрессивных войн, а исторический опыт подсказывает, что агрессор считается с международными документами лишь тогда, когда знает, что может получить достойный отпор.

Нравственная оценка войны. Причины, цели, содержание войны переводятся в систему общечеловеческих координат и там получают более глубокое и четкое измерение с точки зрения гуманности и справедливости. Нравственная оценка разделяет свой объект на должное, т. е. на то, что должно быть, исходя не из представлений политиков, а из нравственных идеалов и принципов жизни, и то, что есть: что война несет людям. Это позволяет дать морально-этическую оценку: она либо оправдывает, либо осуждает ее – считает либо справедливой, либо несправедливой. Как уже отмечалось, если в политической оценке войны цели и задачи противоборствующих сторон сформулированы непосредственно как коренные государственные интересы, связанные с решением важнейших национальных, экономических, геополитических вопросов, то в нравственном сознании эти же цели и задачи рассматриваются исходя из интересов человека, социальных условий существования, национальных менталитетов и исторических традиций. Морально-этическая оценка, таким образом, придает событиям войны личностный (гуманный или антигуманный) смысл.

Этот факт, эта специфика нравственного отношения к войне объясняет причину постоянного и широкого использования «морального» языка в политике для оправдания вооруженных конфликтов. Самые варварские преступления, самые невероятные зверства против человека и человечности агрессоры прикрывали ссылкой на интересы личности, религиозные ценности, права и свободы человека, общечеловеческие идеалы и т. д. Любой участник

вооруженного конфликта пытается продемонстрировать собственные интересы и цели как «справедливые», «общегуманные», «общечеловеческие» и т. п. Поэтому в условиях войны постоянно встречается информационное вероломство, самая невероятная ложь, противоречивость и идеологическая нетерпимость в оценке войн [4, с. 165].

Однако с точки зрения общечеловеческих интересов, гуманистических идеалов и традиций политико-правовая и нравственная оценка войны является исключительно важной для предотвращения агрессии. Особенно это касается современного положения в мире, когда морально-этическая оценка вооруженных конфликтов, объединяющая противников военного насилия, находящая свое основание в общезначимых, общечеловеческих факторах, при современной расстановке политических и военных сил в мировом пространстве должна приобретать и приобретает возрастающее значение.

Все более содержательное и конкретное значение как основание для нравственной оценки войны, раскрывающее ее социально-нравственный смысл, в современном мире имеет понятие «общечеловеческое». Такие проблемы, как экономические, экологические, духовные, культурные, приобретают общечеловеческий характер. Вместе с тысячелетними религиозными, этноцентрическими ценностями формируются глобальные планетарные общезначимые идеи и идеалы, которые связаны, прежде всего, с сохранением жизненного потенциала человечества, его возможностей достойного и благополучного существования в перспективе. И новое время, время нового гуманизма, глобального, преодолевающего узконациональные барьеры и психологию этнической и религиозной отчужденности, должно основываться на этих идеях и идеалах. И с этих позиций война не может быть способом решения политических проблем.

Список библиографических ссылок

1. 50/50: Опыт словаря нового мышления / под общ. ред. М. Ферро и Ю. Афанасьева. М.: Прогресс, 1989. 500 с.
2. Поздняков Э. А. Философия политики: в 2-х т. Т. 2. М., 1994. 292 с.
3. Клаузевиц К. О войне. Т. 1. 4-е изд. М. 1936. 443 с.
4. Философский энциклопедический словарь / гл. ред.: Л. Ф. Ильичев, П. Н. Федосеев, С. М. Ковалев, В. Г. Панов. М.: Сов. Энциклопедия, 1983. 840 с.

Библиографический список

1. Урсул, А. Д. Морально-этические проблемы человечества в перспективе перехода к устойчивому развитию / А. Д. Урсул, Г. Б. Марушевский // Социодинамика. – 2013. – № 11. – С. 1–68.
2. Нагайчук, А. Ф. Социально-политическая технология войны и вооруженного конфликта: некоторые аспекты истории и современности / А. Ф. Нагайчук // Вестник СПбГУ. Философия и конфликтология. – 2021. – Т. 37. – Вып. 2. – С. 281–295.

© Михайлов С. Н., Маслов М. С., 2025

Морозов Илья Леонидович,
профессор кафедры государственного управления и менеджмента
Волгоградского института управления – филиала Российской академии народного
хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации,
доктор политических наук, доцент

ПЕРВАЯ МИРОВАЯ ВОЙНА КАК МОДЕЛЬ ВОЕННО-ПОЛИТИЧЕСКОГО ПРОТИВОСТОЯНИЯ ЗАПАДА И РОССИИ 1914–2024: АНАЛИЗ, ВЫВОДЫ, УРОКИ

Первая мировая война и специальная военная операция России на Украине (СВО) – историческая дистанция между событиями 110 лет. За этот исторический период эволюционировали системы вооружения, изменились геополитические контуры Российского государства, активизировались новые акторы влияния на мировой арене (Китай, мобилизующийся исламский мир), а смысловая российская трактовка спецоперации базируется в большей степени на параллелях с Великой Отечественной войной, нежели Первой мировой. Однако можно выявить историческую закономерность, характерную для всего цикла военно-геополитического противостояния России и Запада: каждый внутренний системный кризис западной цивилизации ее политические элиты стремятся решить через интенсификацию военного конфликта с внешним актором, на роль которого назначают Россию.

Основной причиной Первой мировой войны явилось возникновение очередного тупика эволюции европейской цивилизации. В центре Европы вырос новый «геополитический хищник» – имперская Германия, чье социально экономическое развитие при глобальной экономической модели того мира было невозможно без колониальных владений (источники сырья, рынки сбыта продукции). Но весь мир уже поделен на сферы эксплуатации между Францией, Великобританией и рядом иных западных держав, что подводило германскую элиту к осознанию необходимости войны с ними.

А каковы в этом раскладе интересы России? Еще в советской историографии сформировалась, а сейчас на Западе с готовностью подхвачена оценка роли России в Первой мировой войне как одной из милитаристических держав в ряду прочих, которая тоже стремилась к реализации определенных геополитических захватов, при этом акцент ставится на черноморские проливы Босфор и Дарданеллы, ради обладания которыми Россия якобы и вступила в войну [1]. Но с позиций геополитического анализа для России приобретение новых территорий не являлось жизненно необходимой задачей. Уже одна только Сибирь создавала территориальный резерв, который осваивать экономически и культурно предстояло столетиями.

В 1899 г. по инициативе России созывается Гагская конференция, которая явилась отправной точкой формирования норм международного права, призванных ограничить разрушительные масштабы войн через прекращение общеевропейской гонки вооружений, ограничение внедрения в военные арсеналы научно-технических новинок (воздушная бомбардировка, отравляющие газы, экспансивные пули). «Цивилизованная Европа» поступило предсказуемо – формально приняла российские предложения, но в реальности стала технологически перевооружать свои армии, поэтому в ходе развернувшейся войны человечество увидело газовые атаки, танковые удары, воздушные бомбардировки.

В начале XX в. Российской империи Запад объявлял войну дважды. На западные кредиты была вооружена и переучена слабая японская армия, до того практикующая еще средневековые традиции, после чего Япония в 1904 г. напала на Россию и добилась победы, хотя и не такого масштаба, на какой рассчитывала. 1 августа 1914 г. Германия предъявила России ультиматум, причем германскому послу в Санкт-Петербурге были даны инструкции объявить войну Российской империи в любом случае – согласится ли Россия на германские требования или нет. И ведь это после того, как Николай II, в попытках предотвратить разгоравшийся континентальный конфликт, предлагал провести Гаагскую мирную конференцию!

В развернувшейся войне Россия показала полное превосходство над турецкой и австро-венгерской армиями, имела шанс на равных долгосрочно противостоять Германии, если бы не одно обстоятельство, порожденное «Планом Шлиффена» – стратегия немецкого генштаба, согласно которой Германии в предстоящей войне нужно обязательно ударить по своим противникам первой, причем вложить все силы первого удара по Франции, уничтожить вооруженные силы французов до подхода на европейский континент британских войск, на сорок второй день войны добиться капитуляции французов и затем уже все силы развернуть против России, которая эти дни потратит на мобилизацию и группировку войск. Мог ли германский план войны в 1914 г. увенчаться успехом? Да, события к этому предрасполагали.

Атакуя в обход французских военных укреплений через нейтральную Бельгию, Германия за первый месяц войны нанесла поражение бельгийцам и французам, подошла к Парижу, из которого правительство Французской республики бежало при приближении германских войск, а Великобритания еще не имела возможности полномасштабно развернуть сухопутные силы. Но вмешалась Россия, которая августовским наступлением своих войск в Восточной Пруссии и сентябрьским в Галиции разрушила эту схему. Это оказался неучтенный фактор в планах германского Генерального штаба, в итоге Германия в разгар битвы за Францию была вынуждена перебрасывать войска на Восток и потом всю войну будет вынуждена передвигать войска между фронтами, реагируя на активность русских и не успевая одержать решающую победу ни за Западном фронте, ни на Восточном. Поэтому, согласно представленной в *таблице* геополитической модели боевых действий, Россия выиграла Первую мировую войну к исходу сентября 1914 г., но понесла большие потери в рядах кадровой армии, которой пришлось вступать в сражения, не завершив мобилизации и оснащения [2]. Большая потеря в кадровых войсках, особенно в младших офицерах и унтер-офицерах, потом дорого обойдется нашей стране.

Комплекс причин, ведущих к поражению Российской империи в Первой мировой войне и ее крушению как государственной системы, глубоко изучен в исторической науке [3], поэтому сейчас целесообразно заострить внимание только на двух из них, поскольку их учет может быть полезен для осмысления современных событий вокруг вооруженного конфликта «Россия – Запад».

1. *Провал идеологии.* Российская империя в годы Первой мировой войны утратила сакральный стержень понимания самого смысла своего существования, а сакральность является основой имперской государственной системы. История показывает, что имперский солдат готов терпеть любые потери, пока верит в правоту и конечную непобедимость того императора, которому служит, подданные готовы воспринимать любые лишения, пока убеждены в святой миссии своего государства и правителя. Весь имперский социум, от элиты до низов, сохраняет устойчивое единство, пока разделяет общеимперскую идею. У современной

России с сакральностью тоже большие проблемы, что в значительной степени и объясняет затянувшуюся уже на три года военную спецоперацию с эпизодом присутствия противника на территории Курской области. Популярный сейчас термин «традиционные ценности» и есть не совсем удачный эвфемизм понятия «сакральный код». Проблему формирования цивилизационных смыслов России ее научному сообществу необходимо решать, причем оперативно.

2. *Разрушение образа самодержца, падение авторитета правителя.* Россия всегда являлась страной персонифицированного политического режима. Поэтому страна крепка, едина и победоносна, пока верховного правителя воспринимают как безоговорочного авторитета, харизматичного источника цивилизационной силы, праведной силы. В Первую мировую войну Российская империя вступила с уже «подмоченным» образом государя – на Николае II висела и Ходынка, и Кровавое воскресенье, и поражение в войне с Японией. Оставался один шаг до формирования образа «царя-неудачника, ненастоящего царя». И в ходе войны Николаю II помогли сделать этот последний шаг. Помогли военные поражения, ошибки в кадровой политике (министерская чехарда), помогли провокаторы-либералы, помогли провокаторы-социалисты, помог и Григорий Распутин, в конце концов. Николай II не понял, почему он лишился власти в своем государстве, ему оставалось только записать в своем дневнике «Кругом измена, трусость и обман» и спуститься в подвал Ипатьевского дома.

Если говорить о сегодняшних днях, то Россия приступила к СВО в принципиально иной ситуации, авторитет верховного главнокомандующего был на пике популярности, в его активе числились военные победы над сепаратистами дудаевской Ичкерии, над милитаристским режимом М. Саакашвили, над террористами ИГИЛ (запрещенная в России террористическая организация) в Сирии, Крымская весна 2014 г. Во многом именно поэтому российское общество стабильно переносило временные военные неудачи лета 2022 г. и сложности 2023 г. Россия сохранила устойчивость, хотя ее «раскачивали» зарубежные спецслужбы и местные провокаторы, Россия восстановила свой наступательный потенциал.

Но главный урок Первой мировой войны для России – умиротворяться нельзя, пока не смолкнет последний выстрел, и особенно нельзя после того, как он смолкнет. Ведь Запад – очень опытный и изощренный противник, отлично владеющий технологиями, позволяющими выигрывать «холодный мир» в условиях проигрыша «горячей войны».

Таблица

**Геохронополитическая карта Первой мировой войны,
которую Россия проиграла для себя, но выиграла для всего человечества**

Этапы	Сценарий
1. <i>Экспозиция</i> – часть, в которой обрисованы место, время и положение персонажей перед началом действия	Глобальный кризис Западной цивилизации. Неспособность решить противоречия самостоятельно. Россия как миротворец-посредник. Гагская конференция 1899 г. Лукавство Запада – под пацифистские лозунги подготовка к глобальной войне. Антанта и Тройственный союз. «План Шлиффена» как геополитическая модель предстоящей войны (центральное положение Германии)

<p>2. <i>Завязка</i> – событие, послужившее началом истории</p>	<p>28 июня 1914 г. – Сараевское убийство. Эффект «бравого солдата Швейка» – войны никто не хотел, война была неизбежна. Попытки договориться мирно. Инициатива России о созыве Гаагской конференции. Германия отклоняет – Берлину нужна война</p>
<p>3. <i>Развитие</i> – в этой части раскрываются отношения героев, осознается миссия, появляются друзья и враги</p>	<p>Австро-Венгрия выступает против Сербии. Россия заступает за Сербию (славянское братство). Германия заступает за Австро-Венгрию. Франция «готовится заступиться» за Россию (не успевает). Германия выступает против Франции. Великобритания заступает за Францию</p>
<p>4. <i>Кульминация</i> – высшая точка напряжения, когда сюжет обостряется до предела</p>	<p><i>Август 1914 г.</i> Германское наступление на Францию – «удар серпом». Немецкий прорыв через Бельгию. Немцы под Парижем. Бедственное положение английского корпуса. Бегство французского правительства из Парижа. Пароль французских часовых – «Россия!». Призывы о помощи. Россия наступает – русский удар в сердце Германии (Восточная Пруссия). Сражение при Гумбинене (20 августа) – ключевой момент Первой мировой. Германия перебрасывает войска на спасение Восточной Пруссии – стратегическая ошибка. <i>Сентябрь 1914 г.</i> Поражение России в Восточной Пруссии. Победа Франции под Парижем – «чудо на Марне» (Германии не хватило войск для взятия столицы). «Русский гамбит» – пожертвовав армией, Россия добилась срыва «плана Шлиффена» и обрекла Германию на затяжную войну на два фронта. Выиграть Мировую войну при таком раскладе Берлин уже не мог. <i>Россия выигрывает Первую мировую войну!</i></p>
<p>5. <i>Развязка</i> – заключительный эпизод в повествовании сюжета, разрешение конфликта</p>	<p>1915–1918 гг. «На Западном фронте без перемен». Германия – все силы против России. «Великое отступление» русских 1915 г. – потеря Польши, Западной Белоруссии, части Прибалтики, неудачи в Галиции. «Великое наступление» русских 1916 г. – Брусиловский прорыв как вторая часть «Русского гамбита», разгром австро-венгерской армии, Германия вновь перебрасывает войска на русский фронт. 1917 г. – падение монархии в России, буржуазия не может удержать власть, Керенский теряет контроль над войсками, развал русского фронта, Октябрьский переворот. 1918 г. – Советская Россия выходит из войны (Брестский мир). Силы Германии подорваны. Провал германского наступления во Франции. В войну вступают США. Разгром германских войск. Компьентское перемирие (ноябрь 1918 г.) и Версальский мир – конец войны. Советская Россия аннулирует Брестский мир</p>
<p>6. <i>Эпилог</i> – рассказ о дальнейшей судьбе героев</p>	<p>Россия в Первой мировой / Россия в СВО – уроки прошлого, что важно знать для современности</p>

Список библиографических ссылок

1. Шаг в пропасть: причины Первой мировой войны в новейшей отечественной и зарубежной историографии / О. В. Петровская, К. А. Залесский, А. В. Наумов [и др.] // Проблемы национальной стратегии. 2014. № 3 (24). С. 9–44.
2. Яковлев Н. Н. 1 августа 1914. М.: Мол. гвардия, 1974. 239 с.
3. Бритвин Н. И. От Первой мировой войны к гражданской войне в России: уроки истории // Военный академический журнал. 2018. № 4 (20). С. 162–164.

© Морозов И. Л., 2025

Морозов Илья Леонидович,
профессор кафедры государственного управления и менеджмента
Волгоградского института управления –
филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации,
доктор политических наук, доцент

ТЕХНОЛОГИИ ФОРМИРОВАНИЯ НЕГАТИВНОГО ОБРАЗА МИГРАНТА В РОССИЙСКОЙ СОЦИАЛЬНОЙ СРЕДЕ

Этнополитические конфликты составляют особую форму социального конфликта [1, с. 21], в силу исторической специфики России обладают повышенной актуальностью как фактор, угрожающий национальной безопасности и самому существованию государственности. Миграция населения (лат. *migratio* – переселение) [2, с. 17] в разные периоды развития человеческой цивилизации становилась темой политических спекуляций расистского, ксенофобского толка. Как показывает история формирования политических режимов ненависти, националистическая радикализация социума происходит при появлении одного из факторов:

– в политическом классе выдвигаются субъекты-лидеры, которые решают, что внедрение образа этнического врага позволит им реализовать свои цели в борьбе за власть («ксенофобия сверху»);

– падение общего уровня жизни населения и/или повышение социальной тревожности стимулируют политическую субъектность рядовых граждан, которые начинают спонтанный поиск виновника своих бед – «чужого».

Соответственно, наиболее негативная ситуация возникает при сочетании «ксенофобии сверху» и развивающегося запроса на ксенофобию в низовых социальных группах. Сейчас мы видим отдельные, несистемные признаки предпробуждения этих двух процессов.

В российской политической элите наблюдается поляризация взглядов на миграционные потоки. Потенциальную социальную опасность неконтролируемой миграции подчеркивают в своих выступлениях руководители российских правоохранительных структур: министр внутренних дел В. А. Колокольцев и директор Федеральной службы войск национальной гвардии В. В. Золотов. С этой позицией в жесткой полемике находятся такие влиятельные государственные деятели, как глава Чеченской республики Р. А. Кадыров и заместитель Председателя Правительства РФ М. Ш. Хуснуллин. В современной России снят запрет на

формирование русских этнических движений антимигрантской направленности. При поддержке или как минимум с одобрения государственных структур почти в каждом регионе России сейчас действуют филиалы общественных организаций «Северного человека» и «Русской общины», в риторике лидеров которых до начала специальной военной операции России на Украине (СВО) преобладали цели защиты представителей русского народа в межэтнических бытовых конфликтах по аналогии с действиями национальных диаспор в схожих ситуациях. С началом СВО антимигрантская риторика отошла на второй план и указанные организации сосредоточились на волонтерской поддержке российских войск и членов семей военнослужащих.

Социальные беспорядки на этнической почве в г. Махачкале (октябрь 2023 г.) и г. Коркино (октябрь 2024 г.) показали готовность части российских граждан к мобилизации на мотивах «низовой ксенофобии», т. е. массово выступать против «этнического чужого». Особо отметим, что и в г. Коркино, и в г. Махачкале наблюдались признаки участия внешних провокаторов – зарубежные спецслужбы и антироссийские организации посредством информационно-коммуникационной сети Интернет от имени якобы местных жителей вбрасывали в информационное пространство провокационные слухи и лозунги, пытались руководить вышедшими на протест гражданами и максимально усилить противоправный характер их действий. Целью данных провокаций было создание ситуации, при которой протестная толпа совершила бы демонстративную кровавую расправу по этнорелигиозному принципу, что потенциально могло запустить волну беспорядков по всей стране. В обоих указанных случаях провокаторы потерпели неудачу и перешли в режим ожидания следующего подходящего повода.

Проведенный анализ российского медийного пространства позволил выявить тревожную тенденцию на рост информационных материалов, подчеркивающих этническую или внероссийскую принадлежность лиц, вовлеченных в противоправную деятельность, наиболее активно распространяются следующие идеологемы:

- «ваши дети в опасности из-за мигрантов» [3];
- «дети мигрантов социально опасны для окружающих» [4];
- «мигранты массово совершают половые преступления» [5];
- «мигранты забирают ваши рабочие места и угрожают вашему достатку» [6].

По итогам исследования сформулируем несколько рекомендаций. Прежде всего, в миграционных потоках надо четко разделять два разных течения, определяющих намерение прибывающего на территорию России иностранного лица – это либо трудовая миграция (тогда в отношении подобных лиц следует на всем протяжении их трудового пребывания осуществлять плотный контроль над поведением и гарантированный механизм депортации по аналогии модели, применяемой в ОАЭ), либо это переселенческие намерения с перспективой приобретения российского гражданства, тогда необходима системная программа адаптации в российский социум.

В рамках новейшей истории европейских стран известен социальный феномен, когда лояльность первого поколения мигрантов сменяется демонстративным противоправным поведением их детей. Российский сегмент Интернета сейчас также насыщен многочисленными видеосюжетами, в которых дети мигрантов демонстративно унижают своих славянских сверстников. Как нейтрализовать подобную социальную агрессию в российских условиях? Первая предлагаемая мера – принять правовую новеллу, что в случае нарушения несовершеннолетними общественного порядка на почве национальной ненависти или превосходства вся

семья мигранта безусловно лишается российского гражданства. Это побудит старших представителей семей внимательнее следить за своими детьми. Вторая мера – детей мигрантов в первый год обучения целесообразно принимать в специализированные школьные классы или специализированные образовательные организации, учебная программа которых строится вокруг изучения русского языка, русской литературы, истории и культуры разных народов России. Задача – воспитать у подрастающих новых граждан России любовь или хотя бы уважение к новой родине, подчеркнуть глубину, величие и разнообразие историко-культурного наследия российских народов, а затем уже распределять по классам с российскими детьми.

Сложный, дискуссионный вопрос о роли национальных диаспор в урегулировании межэтнических конфликтов; на наш взгляд, нужно исключить активно практикуемый сейчас механизм улаживания конфликтов через обращение к лидерам диаспор со стороны местных администраций, хотя порой диаспоры действительно вносят неформальный вклад в погашение конфликта. Необходим строго правовой формальный демонстративный подход, исключающий у мигрантов формирование мнения, что в России у них особый статус, позволяющий рассчитывать на горизонтальные этнические связи, с помощью которых можно решать вопросы с законом и конфликты с коренными жителями.

Но самый главный приоритет – возродить, развивать культуру как самого русского народа, так и всех народов России. Чтобы прибывающие в нашу страну лица видели в местных жителях преимущественно людей культурных, вежливых, интеллектуально развитых и физически здоровых, знающих и любящих историю и культуру своей страны, чей образ жизни вызывает уважение и желание присоединиться к нашему сообществу. К сожалению, сейчас переселенцы зачастую видят коррупцию чиновников, неприязненное отношение местного населения, образ жизни которого далеко не всегда вызывает уважение. Это, соответственно, порождает социальную замкнутость в своих этнических анклавах, что тянет за собой целый спектр проблем, в том числе и обострение криминальной обстановки.

Список библиографических ссылок

1. Аклаев А. Р. Этнополитическая конфликтология: анализ и менеджмент. М.: «Дело», 2008. 480 с.
2. Государственно-правовые основы миграции и миграционных процессов / под ред. А. С. Прудникова. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2020. 535 с.
3. В Липецке судимый мигрант зарезал 15-летнего школьника // Псы с городских окраин. URL: <https://t.me/dogsfromthehood/783> (дата обращения: 25.12.2024).
4. Подростки-мигранты из Тюмени объявили войну пожилым людям. Избивают, грабят и мучают // Время новостей. Срочные новости. URL: <https://vk.com/public80371048> (дата обращения: 25.12.2024).
5. «Мигранты-насилыники не извращенцы. Они не понимают кокетства». Ученые выяснили, почему в Петербурге приезжие совершают так много преступлений // Комсомольская правда. URL: <https://www.spb.kp.ru/daily/26249/3129793/> (дата обращения: 25.12.2024).
6. Более половины жителей СЗФО сетуют на засилье трудовых мигрантов // КомиОнлайн. URL: <https://komionline.ru/news/bolee-poloviny-zhitelej-szfo-setuyut-na-zasile-trudovyh-migrantov?ysclid=m63krqzbi8975427960> (дата обращения: 25.12.2024).

© Морозов И. Л., 2025

Рунаев Роман Юрьевич,
доцент кафедры философии
Волгоградской академии МВД России,
кандидат философских наук

ИСТОКИ СОВРЕМЕННОГО ЭКСТРЕМИЗМА КАК СВИДЕТЕЛЬСТВО СОЦИАЛЬНОГО РАСПАДА ЛИЧНОСТИ

Экстремизм – приверженность к крайним взглядам, позициям и мерам в общественной деятельности, выражается в различных формах, начиная от проявлений, не выходящих за конституционные рамки, и заканчивая такими острыми и общественно опасными формами, как провокация беспорядков, гражданское неповиновение, мятеж, повстанческая деятельность, террористические акции. В основе деятельности экстремизма лежит деструктивное направление социально-неустойчивой личности к свержению законной власти – насильственное изменение основ конституционного строя и нарушение целостности государственного устройства.

Нацелена экстремистская деятельность на свержение власти с помощью подрыва государственной безопасности. Совершая общественно опасные деяния, экстремисты нарушают общественный порядок на территории страны и склоняют к данной деструктивной направленности сторонних граждан. Но как это происходит? Экстремистская деятельность может выражаться через массовые беспорядки, «цветные» революции, несанкционированные митинги, террористические акты и расправы с политическими деятелями. Это управляемая деятельность, которая осуществляется бесструктурно, с помощью средств идеологии влияния.

Нынешнее столетие характеризуется совокупностью глобальных проблем, к числу наиболее острых из которых относится значительное увеличение на территории Российской Федерации количества преступлений как экстремистской, так и террористической направленности. Так, в 2021 г. было зафиксировано 1 057 преступлений экстремистской направленности, а в 2022 г. этот показатель вырос до 1 566 случаев, что составляет прирост на 48,2 %. Одновременно с этим в 2021 г. было зарегистрировано 2 136 преступлений террористической направленности, а в следующем году – 2 233 случая, что показывает увеличение на 4,5 % [1].

Различные проявления экстремистской деятельности выступают предметом изучения представителей социогуманитарных дисциплин. В рамках настоящего исследования будет уделено внимание социальным истокам экстремистских идей и их философскому анализу. Связано данное исследовательское решение с тем, что именно понимание и осознание истоков и особенностей генезиса экстремизма как антисоциального явления позволит обеспечить невозможность функционирования последнего.

Если определить глубинную природу экстремизма как свидетельства социального распада личности, то согласно дефиниции, представленной в толковом словаре русского языка, экстремизм – «приверженность к крайним взглядам и мерам (обычно в политике)» [2, с. 796].

Отечественный эксперт Х. Ш. Килясханов отмечает, что экстремизм «выражается в радикальной деятельности субъектов, основанной на приверженности к тотальному неприятию существующей социально-политической модели общества и ее правовых основ, на стремлении к ее ниспровержению насильственными средствами» [3, с. 14].

Другой исследователь данного вопроса И. Н. Сенин смог резюмировать, что экстремизм – «форма нигилистического отрицания охраняемых государством общественных отношений, направленная на их дестабилизацию и разрушение, проявляющаяся в виде идей и действий, связанных с применением или угрозой применения насилия» [4, с. 7].

В. А. Синицына, полагает, что экстремизм – «совокупность радикальных взглядов, идей, принципов, методов поведения, одобряющих применение насилия или создание угрозы его применения в целях изменения или устранения конституционного строя Российской Федерации, а также посягательства на общественную безопасность, реализация которых предполагает осуществление запрещенной законом деятельности» [5, с. 309].

Особенностью формирования экстремистской идеологии является фактор внушения идей несправедливого мироустройства со стороны агентов влияния (в том числе с применением методов социальной инженерии) в отношении референтных групп населения, согласно клиповому стереотипу «угнетенные слои населения живут бедно по вине заговора третьих лиц». Такого рода оценки достаточно легко навязать лицам, имеющим комплекс социальной бесперспективности и ущемленности, но при этом обладающим эгоцентричными убеждениями, которые в последующем найдут оправдание экстремизму.

Социальная нестабильность как отражение психологического состояния общества оказывает серьезное «детонирующее» воздействие на появление и культивацию экстремистских настроений. Приверженцы последних оправдывают распространение практики насилия как способа укрепления позиции своих единомышленников и решения поставленных целей. При этом лидерами отдельных радикальных групп непременно формируется образ «врага», который представлен в виде источника всех бед и несчастий, которые обрушились как на членов группы, так и на общество в целом.

Наличие «врага» в лице социальной группы, которой можно приписать ответственность за происходящее, приводит к утверждению собственной идентичности за счет антиконформности, т. е. за счет отрицания ценностей и норм чужой группы. Именно чужая группа, а не своя культурная общность, становится референтной для экстремистов. Последние зачастую преподносят как данность невозможность изменения существующего положения вещей ненасильственным путем ввиду априорного недоверия к существующим властным и общественным институтам, их умышленной дискредитации в глазах своих сторонников.

Несомненно, побуждающий мотив устремления к экстремистской идеологии надо искать в самой личности, поскольку агрессию может породить горечь и разочарование от жизни. Личные эмоциональные переживания и негативный новостной фон, т. е. субъективный и объективный кризис в структуре личностного сознания конкретного человека, генерируют негативный эмоциональный фон, который в дальнейшем перерастет в агрессию. Это чувство может быть как избирательно (направлено на конкретный объект), так и не избирательно. «Невидимый управленец» (субъект бесструктурного управления) умеет направлять эту агрессию в «нужное русло» и формировать направленность экстремистской деятельности.

Поиск новой позитивной реальности приводит к разрыву прочных социальных связей новоявленных экстремистов с обществом и усилению акцентированного внутригруппового влияния лидеров радикальных экстремистских групп на своих приверженцев. Объясняется это и необходимостью конспирации, и закреплением особых практик влияния экстремистских «центров» на «периферию». Эти факторы ослабляют адекватное социальное влияние,

оказываемое на членов экстремистских групп близкими родственниками и другими значимыми лицами (например, друзьями, старейшинами, религиозными авторитетами).

Среди преступлений, связанных с экстремизмом, особенно опасными становятся те, которые включают распространение русофобских и неонацистских идеологий. Эти преступления не только представляют собой угрозу безопасности, но и часто используются украинскими праворадикальными группами как оправдание их агрессивных действий на фоне специальной военной операции, проводимой Россией.

Особую угрозу для национальной безопасности России в этой части создают различные социальные группы из числа самих россиян, выражающих недовольство действующей политикой страны по тем или иным мотивам. Так, в марте 2024 г. в Санкт-Петербурге силовиками была раскрыта законспирированная ячейка проукраинских экстремистов из РДК¹, члены которой намеревались отравить продукты питания, направляемые в зону СВО в качестве гуманитарной помощи российским военнослужащим. При этом часть задержанных была охарактеризована правоохранителями, как ЛГБТ-нацисты. Задержанные прямо заявили, что объединились для антироссийской диверсионной работы в целях «поквитаться» с действующей властью за признание ЛГБТ-движения в России экстремистским.

В июне 2024 г. в Москве на территории бизнес-квартала «Арма» был замечен бритоголовый парень, с весьма необычной татуировкой на шее – там была выбита надпись «Русский военный корабль, иди [отсюда]», ставшая популярной у всех, кто враждебно настроен к России. Татуировку заметил равнодушный гражданин, который задал этому парню резонный вопрос по поводу корабля. Далее возник словесный конфликт, после чего обладатель тату скрылся, но вскоре был задержан правоохранителями. Им оказался известный своей антироссийской позицией активист Степан Зимин. В 2012 г. он уже задерживался из-за протестов в Москве по «Болотному делу», а в 2014 г. получил 3,5 года колонии за участие в массовых беспорядках в Москве и нападение на сотрудника полиции.

Проукраинских экстремистов, ячейки и настроения которых вскрываются в России и противоправную деятельность которых периодически приходится купировать российским правоохранителям и спецслужбам, можно сравнить с позицией национал-деградантов «капо» (сокращенное от *kameradschaft-polizei* – служащий вспомогательной полиции концлагеря). В годы Второй мировой войны это были привилегированные заключенные, которые добровольно работали на эсесовскую администрацию концлагерей, помогая контролировать и отправлять на расстрел или в газовые камеры других узников, а также осуществляли политику террора совместно с надзирателями.

Если посмотреть на риторику этих доморощенных экстремистов, их чаяния сравнимы с настроениями тех проукраинских релокантов, которые уехали из России в феврале-марте 2022 г. Они, обласканные премиями и грантами деятелей культуры, медиаменеджеров и «креаклов» либерального толка, в начале СВО не сомневались, что Россия в считанные дни рухнет под ударами ВСУ и санкций Запада. И тогда они вернутся на коне домой, чтобы репрессировать патриотов и помогать оккупантам закабалить русский народ. Поэтому они так спешили уехать из России, бросая уютные квартиры, хорошую работу и комфортную жизнь, чтобы успеть присягнуть на верность будущим работодателем России, но... не срослось.

¹ «Русский добровольческий корпус» – украинская террористическая организация, деятельность которой запрещена на территории Российской Федерации.

Все эти действия сравнимы с действиями большевиков в 1916–1918 гг., когда они напрямую разлагали армию и желали поражения своей стране в Первой мировой войне. Ранее Президент РФ В. В. Путин уже давал свою оценку Брестскому миру, определяя его как «акт национального предательства». Он же выразил мнение, что нынешний конфликт на Украине мог бы не разгораться, если бы не было попыток переписать историю со стороны некоторых сил в Украине и на Западе, а также если бы не стремление возродить неонацизм [6]. Таким образом, он подчеркивает, что никаких правовых или моральных оснований для оправдания действий проукраинских националистических и неонацистских организаций на территории России не существует.

Пропаганда неонацизма и русофобии, распространяемая проукраинскими националистическими группами, представляет серьезную угрозу общественной безопасности [7, с. 36]. Эта пропаганда способствует увеличению числа преступлений экстремистской направленности на территории Российской Федерации, что подчеркивает необходимость глубокого анализа этих деструктивных явлений. Важно исследовать их социальную природу, выявить основные факторы, способствующие их распространению, и на этой базе разработать эффективные меры по своевременному противодействию таким угрозам.

Государство должно включаться в купирование экстремистских проявлений на самых ранних этапах, чтобы она не имела возможностей и предпосылок перерасти в тотальный антиобщественный психоз и, как следствие, групповое нарушение общественного порядка и основ конституционного строя в государстве. И что самое важное, государству необходимо использовать не только меры правового принуждения в борьбе с экстремизмом, но и «мягкую силу». А для этого включиться в борьбу «за умы» и позитивизацию общественного мнения о значимой роли государственного управления в оздоровлении общественной жизни.

Список библиографических ссылок

1. Данные МВД и ВС: в 2021 году число зарегистрированных «экстремистских» преступлений выросло // Сова: информационно-аналитический центр. 2022. URL: <https://www.sova-center.ru/racism-xenophobia/news/counteraction/2022/02/d43634/> (дата обращения: 24.06.2024).
2. Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка. Москва, 2007. 908 с.
3. Киляхханов Х. Ш. Социально-философский анализ феномена политического экстремизма в условиях реформирования российского общества: автореф. дис. ... канд. филос. наук. Тверь, 2006. 15 с.
4. Сенин И. Н. Экстремизм как форма правового нигилизма в современной России: теоретико-правовой аспект: автореф.т дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2011. 21 с.
5. Сеницына В. А. Экстремизм, экстремистская деятельность, экстремистское правонарушение: понятие, соотношение, нормативное регулирование // Вопросы российской юстиции. 2019. № 2. С. 304–322.
6. Путин В. В. Об историческом единстве русских и украинцев // Президент России: офиц. сайт. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/66181> (дата обращения: 18.06.2024).
7. Баканов А. И. «Ни кацапа, ни жида, ни ляха»: национальный вопрос в идеологии украинских националистов. М: Фонд «Историческая память», Алгоритм, 2014 . 423 с.

Библиографический список

1. Об утверждении Стратегии противодействия экстремизму в Российской Федерации до 2025 года : Указ Президента РФ от 29 мая 2020 г. № 344 // Официальный интернет-портал правовой информации <http://www.pravo.gov.ru> (дата обращения: 24.06.2024).

© Рунаев Р. Ю., 2025

Сайдуллаев Даниял Нурланович,
слушатель ФПЭКиОСП
Волгоградской академии МВД России;
Научный руководитель: Кобылкин Роман Александрович,
доцент кафедры философии
Волгоградской академии МВД России,
кандидат философских наук, доцент

РОЛЬ УЗБЕКИСТАНА В ОРГАНИЗАЦИИ ТЮРКСКИХ ГОСУДАРСТВ

Организация тюркских государств (ОТГ) – это организация, объединяющая тюркские государства в целях укрепления сотрудничества в политической, экономической, культурной и гуманитарной сферах. В состав организации входят независимые тюркские государства, такие как Узбекистан, Казахстан, Азербайджан, Турция, Кыргызстан, а также страны-наблюдатели – Венгрия и Туркменистан. В состав организации Узбекистан вступил и стал полноправным членом в ОТГ 2019 г.

Тюрки – этноязыковая общность народов, говорящих на тюркских языках и имеющих древнее происхождение. Сегодня тюркские народы в основном проживают в странах СНГ, России, Турции, Китае и Иране. Около 90 % населения Узбекистана являются тюрками. К тюркам относятся узбеки, казахи, каракалпаки, киргизы, азербайджанцы, туркмены, уйгуры, алтайцы, татары, башкиры, тувинцы, балкары, крымские татары, ногайцы, долганы, кумыки, якуты, чувашы, хакасы, шорцы.

Во второй половине XIX в. политический и общественный деятель Исмаил Гаспринский и джадидисты Средней Азии выразили идею пантюркизма. Пантюркизм – идеология, основанная на идее культурного, политического и экономического единства тюркских народов, проживающих в Евразии. Она возникла в конце XIX в. и первоначально была направлена на укрепление связей между тюркскими народами. Узбекские джадидисты, такие как Бехбудий, Мунаввар Кары и Абдурауф Фитрат, были вдохновлены реформаторскими идеями Гаспринского. Они разделяли его взгляды на необходимость обновления образования, языка и культуры тюркских народов.

Страны, входящие в ОТГ, объединяет ряд факторов, которые создают прочный фундамент для их сотрудничества.

Основными из них являются:

1. Все страны ОТГ имеют общую тюркскую историю, восходящую к древним тюркским каганатам и государствам, существовавшим на просторах Евразии. Тюркский мир развивался под влиянием схожих исторических событий и империй, таких как Тюркский каганат, Золотая Орда и Османская империя.

2. Языки стран ОТГ относятся к тюркской языковой группе, что облегчает взаимопонимание и культурное взаимодействие. Общие традиции, обычаи и праздники, такие как Навруз (праздник весеннего равноденствия, отмечается как начало нового года), укрепляют культурные связи между народами.

3. Большинство населения стран ОТГ исповедует ислам, что также создает общую духовную основу для укрепления связей и сотрудничества.

4. Переход стран организации на общетюркский алфавит. Турция, Азербайджан и Северный Кипр уже готовы внести изменения.

5. Создание совета центральных банков стран – участниц ОТГ для обмена опытом в сфере денежно-кредитной политики, развитие платежных систем и финансовых технологий.

6. Создание зоны свободной торговли.

7. Создание Тюркского инвестиционного фонда – финансовой организации, деятельность которой направлена на укрепление экономического сотрудничества между тюркоязычными странами.

8. Создание единого информационного пространства тюркского мира через взаимное вещание кабельных телеканалов.

9. Была предложена «систематизация стандартов и переход к общему рынку» в целях интеграции стран – членов ОТГ и улучшения экономического пространства между ними.

10. Одна из приоритетных задач ОТГ – создание маршрута из Китая в Европу. Он будет проходить через страны Центральной Азии, Каспийское море и Южный Кавказ.

Эти факторы делают ОТГ не просто международной организацией, а сообществом стран с глубокими историческими, культурными и экономическими связями. Такое единство создает прочную основу для дальнейшего углубления сотрудничества в различных сферах и повышения роли тюркского мира на мировой арене. За последние годы участия в организации Узбекистан внес значительный вклад в укрепление общей стратегии ОТГ.

© Сайдуллаев Д. Н., 2025

Смирнов Кирилл Сергеевич,
доцент кафедры философии, биоэтики права
Волгоградского государственного медицинского университета,
кандидат философских наук

РОССИЯ В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛЬНОЙ ТУРБУЛЕНТНОСТИ: ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ

Турбулентность, которая охватила мир с 2020 г., продолжает свое стохастическое движение. Начиная с пандемии COVID-19, в происхождении которого многое так и остается загадкой, продолжая СВО, которую вынуждена была начать Россия, можно говорить об определенном апокалипсическом характере мировых событий. Важно понять, какие глубинные противоречия скрываются за внешним, катастрофическим планом происходящего.

Оставаясь верными деконструктивистскому подходу, мы обращаемся к понятию «апокалипсис». Согласно койне (распространенная форма греческого языка) апокалипсис означает «раскрытие», «снятие покров». Примечательно в этом смысле, что в каноническом переводе библии на английский язык (так называемая библия короля Якова) используется не слово «апокалипсис», а английское *revelation*, что значит «откровение», т. е., обнаружение, раскрытие. Открывается нечто о главном. Но что есть главное в современном мире, мире постмодерна, мире цифры, «царстве количества» (Р. Генон)? Главное есть *capitalis*, если переводить на латинский язык, т. е. капитал. Последний существует ныне в режиме глобальной неолиберальной модели, которую, к сожалению, после распада СССР приняла и Россия. Сейчас эта модель, исчерпав экспансивную стратегию расширения рынка (ибо рынок стал размером с планету), перешла к инвазивной модели надзорного биокапитализма, когда каждый человек рассматривается, прежде всего, как человеческий капитал, «сам себе предприниматель», который должен формировать с ранних лет диверсифицированный инвестиционный портфель и не надеяться на какие-либо социальные гарантии. Таким образом, происходит коммерциализация всего строя жизни и у человека формируется «чисто количественный взгляд на мир» [1, с. 382]. Вокруг такого человека «все пустеет, отмирает всякая жизнь, погибают всякие ценности» [1, с. 409].

Известный современный экономист Т. Пикетти, получивший известность после выхода книги «Капитал в XXI веке» и которого сторонники неолиберальной модели заклеили как «сталиниста», в своей последней работе «Краткая история равенства» очень четко отмечает: «Нынешняя экономическая модель, основанная на бесконтрольном обращении капитала, никоим образом не ставящая перед собой ни социальных, ни экологических целей, очень часто напоминает собой форму неокOLONиализма, обеспечивающая интересы самых богатых» [2, с. 313]. В этой модели неокOLONизаторами являются так называемые глобальные граждане, входящие в группу лиц со сверхкрупным чистым капиталом (от 30 млн долларов). Эта группа, числом примерно в 250 тыс. человек, владеет приблизительно третьей частью мирового богатства. А верхушка этой группы «3 000 миллиардеров, учтенных журналом *Forbes*, контролируют 10 % мирового ВВП» [2, с. 331].

Что же касается более чем 99 % населения планеты, то в лучшем случае некоторым представителям этого подавляющего большинства предоставлено место статусной услуги указанной выше привилегированной группы бенефициаров неолиберальной модели. Причем

это место может быть легко отобрано по прихоти, капризу и произволу все тех же бенефициаров. В худшем же случае, при стечении неблагоприятных обстоятельств, многие люди попадают в категорию *Nomo Sacer*, разработанную философом Д. Агамбенем: «Термин *sacer* обозначает прежде всего жизнь, которая всегда может быть безнаказанно отобрана, стать объектом насилия... находясь вне сферы всякого права» [3, с. 112].

Россия, приняв неолиберальную модель, пришла к положению, при котором «на долю 1 % самых богатых россиян приходится 71 % всех активов домохозяйств в стране» [4, с. 90]. Вместе с тем согласно Конституции РФ Россия является социальным государством, политика которого нацелена, прежде всего, на обеспечение достойной жизни всем гражданам страны. В связи с этим неолиберальная модель развития должна быть искоренена. Если предельно конкретизировать, то весьма продуктивным представляется вновь обратиться к последним идеям Пикетти. Он предлагает меры, исходя из экономики Франции, чей ВВП сопоставим с ВВП России. Одной из этих радикальных мер (в хорошем смысле слова) является идея «минимального капитала». По расчетам Пикетти, он мог бы составить 120 000 евро и выплачиваться всем по достижении 25 лет. Французский исследователь отмечает, что «первейшей целью введения минимального капитала является укрепление переговорных позиций тех, у кого практически ничего нет (то есть практически половины населения). Когда у человека ничего нет... он вынужден соглашаться почти на любую зарплату, почти на любые условия труда» [2, с. 247, 250].

Разрабатывая идею минимального капитала применительно к России, можно предложить, например, его выплату с 21 года всем гражданам в размере 5 млн рублей, а также гражданам 50+, потерявшим работу, что особенно актуально в связи с существенным повышением возраста выхода на пенсию.

Двигаясь в этом направлении и развивая дискурс справедливости, Россия и весь мир могли бы создать альтернативу неолиберальной модели, которая все больше превращается в некроэкономiku с разрастающимся милитаристским дискурсом.

Список библиографических ссылок

1. Зомбарт В. Буржуа: этюды по истории духовного развития современного экономического человека. М.: Наука, 1994. 444 с.
2. Пикетти Т. Краткая история равенства. М: Изд-во АСТ, 2023. 384.
3. Джорджо Агамбен. *Nomo sacer*. Суверенная власть и голая жизнь. М.: Изд-во «Европа», 2011. 256 с.
4. Уханова Ю. В. Внутренние и внешние вызовы развития российского общества в оценках экспертов // Государство, гражданское общество и стабильность. 2019. № 1. С. 87–99.

© Смирнов К. С., 2025

Хмельёв Данил Владиславович,
студент 2 курса Института общественных наук
Российской академии народного хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации;
Научный руководитель: Сквоиков Алексей Константинович,
доцент кафедры политики и политического управления
Института общественных наук
Российской академии народного хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации,
кандидат политических наук

ВНУТРИПАРТИЙНАЯ БОРЬБА КАК ФАКТОР ПАДЕНИЯ ЭЛЕКТОРАЛЬНОГО РЕЙТИНГА

Будучи организацией, объединяющей людей общих взглядов, партия сперва может показаться монолитом, в котором все действия ее участников осуществляются сплоченно и подчинены одной цели – завоеванию власти. Однако ясно, что партия – это более сложная структура взаимоотношений, и ее внутренние составляющие нередко пребывают в условиях конфликта между собой. Это противоборство не всегда оказывается сокрыто от общественного мнения и тем более от основного электората политической организации.

В авторитарных политических режимах отсутствие выборов вообще или их фиктивный характер не позволяют отследить реальные электоральные сдвиги и оценить влияние межфракционных баталлий на избирателей. Подобное возможно в результате продолжительных процессов демократической трансформации (выборы в парламент Венгрии 1990 г.), приводящих к оформлению системы с большей степенью прозрачности политических институтов, более свободным медиапространством и конкурентностью в борьбе за власть. Поэтому в странах, в которых демократический режим сложился исторически или которые перешли к нему относительно недавно, конфликтная сущность внутрипартийных отношений чаще имеет открытый, явный характер.

Тем не менее вопрос о том, стоит ли считать противоборство в рамках рассматриваемого политического института значимым фактором негативного воздействия на электорат, до конца не ясен. Чтобы раскрыть такого рода проблему, необходимо, прежде всего, актуализировать ее содержание как в ретроспективе, так и для настоящего времени, через призму социально-политических наук. В этом отношении резонным будет проанализировать два значимых кейса: исторический и современный.

Одним из наиболее показательных и политически значимых примеров того, какое деструктивное влияние несут в себе внутрипартийные столкновения, является раскол Республиканской партии США, произошедший в начале XX в. между «прогрессистами» и «консерваторами». Несмотря на то что истоки данного конфликта имели существенные предпосылки объективного характера, гораздо важнее сконцентрироваться непосредственно на процессе и последствиях противоборства.

Длительный период времени в авангарде американской политики и социальных перемен стояли республиканцы (с 1890-х гг.). Когда президентское кресло занял Теодор Рузвельт, реализовавший программу «Справедливого курса» (Square Deal), преобразования достигли

апогея. Однако их направленность, подразумевавшая расширение полномочий федерального правительства, вызвала бурю негодования со стороны определенной части партии и ее электората, исповедовавших принцип невмешательства. Это привело к фактическому оформлению двух республиканских лагерей, где одни настаивали на продолжении и углублении начинаний Рузвельта («прогрессисты»), а другие сохраняли приверженность традиционным ценностям («консерваторы»).

Полемика для «стычек» часто служил конгресс, где в обеих палатах республиканцы имели большинство, которое тем не менее оставалось мнимым. Приход в Белый дом склонного к компромиссам Говарда Тафта не сбавил противоречий. Напротив, отсутствие организационного единства на фоне консолидировавшихся демократов выбивало почву из-под ног у правящей партии. Американский избиратель оказался в состоянии политической дезориентации и постепенно склонялся к переменам. На выборах 1910 г. демократам удалось вернуть контроль над палатой представителей, потерянный с 1894 г.

Финальным аккордом, официально оформившим раскол в Республиканской партии, стал конфликт Рузвельта и Тафта, который к идейным разногласиям добавил личный аспект. Отказ же республиканского съезда выдвинуть кандидатуру Рузвельта на президентских выборах 1912 г. имел следствием его выход из организации вместе со своими сторонниками, образовавшими Прогрессивную партию. Разбитый на двое электорат оставил старых республиканцев лишь на третьем месте, уступив победу демократам Вильсона. Это поражение, как и сама внутрипартийная борьба, изменили историю одной из ведущих политических сил Америки на «до» и «после». С уходом Рузвельта и оттоком прогрессистов, замечает исследователь Льюис Л. Гулд, «определенная степень застоя и жесткости проникла в мышление республиканцев и определяла то, как партия решала национальные проблемы в течение трех последующих десятилетий» [1, с. 142].

Не менее примечательным кейсом уже из нашего времени являются сдвиги, происходящие в Лейбористской партии Великобритании. «Центристский разворот», наблюдаемый в среде лейбористов, пришелся на руководство нынешнего премьер-министра Кира Стартера, и за ним стоит долгая история. До этого примерно со второй половины 2000-х гг. Лейбористская партия последовательно смещалась влево, отдаляясь от практики «третьего пути». Закономерным исходом вышеуказанной тенденции стали выборы лидера партии 2015 г., где победу одержал левый популист Джереми Корбин. Будучи темной лошадкой в борьбе за руководство, он не был популярен среди собственного депутатского корпуса (его выдвинуло только 36 депутатов), однако резкий приток активистов, названный «эффектом Корбина», способствовал его избранию. Тем не менее умеренное крыло партии, представленное в том числе и парламентариями, не могло согласиться с крайней «левизной» нового руководителя.

Расследование, проведенное журналистами «Аль-Джазиры», показало, что на протяжении почти четырех лет высокопоставленные лейбористские чиновники, связанные с правыми фракциями, пытались саботировать правление Корбина, особенно фокусируясь на проблеме неустраненного антисемитизма внутри организации [2]. Это подрывало имидж левого лидера и самой партии в глазах общественности, которая находилась в поиске альтернативы стагнирующей Консервативной партии. Последняя, несмотря на собственную неоднородность, все же сумела проявить волю к консолидации, а сильная фигура Бориса Джонсона только добавила политических очков и принесла партии очередную победу на выборах 2019 г. Лейбористы оказались нокаутированы, они потеряли доверие избирателей из «традиционной вотчи-

ны» – индустриального английского севера, прозванного Красной стеной (Red Wall). Хотя навряд ли подобное положение дел было детерминировано одними лишь внутривнутрипартийными дразгами, они, вне сомнений, повлияли на то, что ресурсы лейбористского руководства и «теневой» оппозиции ему перенаправлялись не только и не столько на борьбу с электоральным противником, сколько на борьбу с противником внутренним.

С занятием Кирилом Стармером высшего партийного поста умеренное крыло перешло в решительное наступление. Уверения в идеологической преемственности со стороны нового лидера были лишь частью большой стратегии и, когда левые активисты утратили рычаги управления, все обещания остались в прошлом [3]. Стармер двигал партию по направлению к политическому центру и технократии. Явной популярности лейбористам данный курс не принес, однако скандалы в среде консерваторов, их провалы в области государственной политики и личный развал не оставили британскому избирателю большого выбора.

На недавно прошедших выборах впервые с 2010 г. маятник качнулся в сторону второй партии, которая завоевала подавляющее большинство в 411 мест при том, что за нее было отдано еще меньшее количество голосов.

Итак, если в случае британских лейбористов мы имеем дело в основном со снижением поддержки и падением уровня доверия к партии, то пример американских республиканцев демонстрирует еще и «раздвоение» ее избирательной базы, имеющее более необратимые последствия. Естественно, ситуаций, когда партия жертвует репутацией в попытке радикального разрешения собственных разногласий, существует великое множество, многие из них разворачиваются прямо сейчас и практически каждый вариант в обстановке демократического политического режима не обходится без электоральных сдвигов с сопутствующим перетеканием голосов от одной партии к другой. В этом смысле заявления некоторых исследователей о том, что «внутренний конфликт существенно затрудняет избирательные стратегии и успехи партии», стоит считать справедливыми или как минимум имеющими право на существование [4, с. 207].

Список библиографических ссылок

1. Gould L. The Republicans: A History of the Grand Old Party. Oxford University Press, 2014. 407 p.

2. Unprecedented leak exposes inner workings of UK Labour Party // Al Jazeera Investigations. 23.09.2022. URL: <https://www.ajunit.com/article/unprecedented-leak-exposes-inner-workings-of-uk-labour-party/> (дата обращения: 19.10.2024).

3. Allegretti A. Keir Starmer denies abandoning Labour leadership pledges // The Guardian. 23.02.2023. URL: <https://www.theguardian.com/politics/2023/feb/23/keir-starmer-denies-abandoning-labour-leadership-pledges> (дата обращения: 19.10.2024).

4. Klingelhöfer T., Mülle J. When do voters perceive intra-party conflict? A democratic life cycle perspective // European Political Science Review. 2024. № 16. P. 207-224. URL: doi:10.1017/S1755773923000243 (дата обращения: 19.10.2024).

© Хмельёв Д. В., 2025

РАЗДЕЛ 2. ОБРАЗОВАНИЕ, ПАТРИОТИЗМ, ДУХОВНОСТЬ НА ПЕРЕКРЕСТКЕ МНЕНИЙ

Беликова Екатерина Олеговна,
доцент кафедры социологии и политологии
Волгоградского государственного университета,
кандидат социологических наук, доцент

СОБОРНОСТЬ VS ЭТАТИЗМ: СИНТЕЗ КУЛЬТУР КАК ОСНОВА РОССИЙСКОЙ ЦИВИЛИЗАЦИОННОЙ МОДЕЛИ

На рубеже XX–XXI вв. очередной раз встал вопрос о направлении пути развития России, ее месте в мировом сообществе, на какой тип цивилизации (восточный/западный) ей стоит ориентироваться? Исторически сложилось так, что Россия постоянно стремится приобщиться к западной цивилизации, при этом возникают сомнения о правомерности такого подхода. Данный вопрос не из категории риторических русских вопросов: что делать? кто виноват? Ответ на него позволяет не только уточнить направление движения, но это и вопрос выживания России как суверенного государства, не желающей становиться «мировой бензоколонкой» [1]. Именно поэтому поиск ответов на этот вопрос занимал умы лучших российских государственных, политических и общественных деятелей на протяжении не одного столетия. Сама постановка подобного вопроса напоминает выбор пути былинного/сказочного богатыря/героя у Латырь-камешка (на распутье): «направо пойдешь – коня потеряешь, себя спасешь; налево пойдешь – себя потеряешь, коня спасешь; прямо пойдешь...» [2] и последнее направление в фольклорных текстах предоставляет разнообразные варианты: от «женатому быть» до «и себя, и коня потеряешь». И если в былинах и сказках, несмотря на «неправильный» выбор – «себя потеряешь», все заканчивается хорошо, в «не-сказочных» реалиях, в исторической перспективе, выбор направления может привести к благоденствию государства и общества в целом, но может оказаться неверным и повлечь за собой не только социально-экономические и политические потрясения, но и способствовать развалу страны.

В поисках «правильного» пути одни обращаются к опыту других цивилизаций (либо западной как наиболее интенсивно развивающейся, либо восточной – с ее «чудесами»: японское и китайское «чудо» в экономической сфере), другие замыкаются на собственной истории, пытаясь сохранить свою самобытность, третьи предлагают создать единое евразийское пространство от Лиссабона до Владивостока. Для России характерен поиск, причем в первую очередь духовный поиск, своего места в мировом геополитическом пространстве, проявляющийся через вечные споры западников со славянофилами, народников с марксистами.

История России складывалась таким образом, что Запад с его динамично развивающейся экономикой был наиболее привлекателен, а Восток... он где-то там, за далекими Уральскими горами или далеко на юге. Западники не единожды пытались «втиснуть» Россию в цивилизационную схему, апробированную в другой культурно-исторической реальности. Однако для выработки направления движения необходимо определить не только отличия цивилизаций, но и «близость» России к одной из них.

Цивилизационная дихотомия «Восток – Запад» сформировалась еще в античные времена. Именно древним грекам принадлежит идея «разделения» мира на варварский Восток и эллинский (культурный, цивилизованный) Запад [3, с. 16]. Создать единое цивилизационное пространство не удалось, несмотря на все попытки «огречивания» и «романизации» Востока. Греко-римская культура не смогла стать основой для социально-экономического синтеза азиатской и европейской структур, а процесс исламизации восточных обществ наглядно показал, что «фундаментальные основы восточной структуры и после тысячелетнего эксперимента оказались практически непоколебленными...» [3, с. 234]. Сложившееся противостояние Р. Киплинг в XIX в. подтвердил одной лишь фразой: «О, Запад есть Запад, Восток есть Восток, и с мест они не сойдут» [4].

«Движение вперед» рассматривалось российскими реформаторами-западниками как движение к западной модели, что определяло «догоняющую» стратегию России в экономической, политической и культурной сферах. Все попытки вывести Россию на «цивилизованный» путь развития мировой истории заканчивались крахом. Российская история показывает: в большинстве своем подобные эксперименты имеют «плачевные» результаты, о чем свидетельствуют характеристики даже «успешных» преобразований, данные современниками: «Казалось бы, что современные преобразования должны были поднять русскую жизнь на новую высоту... А между тем в действительности произошло не то. Вместо подъема мы видим упадок и умственный, и нравственный, и отчасти материальный. Вместо нового благотворного порядка везде ощущается разлад. Повсюду неудовольствие, повсюду недоумение... Россия представляет какой-то хаос, среди которого решимость проявляют одни разрушительные элементы, которые с неслыханной дерзостью проводят свои замыслы...» [5, с. 104–105] или «Реформа пронеслась над народом, как тяжелый ураган, всех напугавший и для всех оставшийся загадкой» [6, с. 215].

Реформаторы стремились осмыслить причины неудач большинства своих начинаний, усматривая одну из ключевых проблем в «неподготовленности» российского народа к жизни в условиях цивилизованного общества. Ответственность за провал преобразований они возлагали на такие черты национального характера, как «извечная лень», беспечность, приверженность общинным традициям и отсутствие рационального подхода к труду. Однако важно подчеркнуть, что негативные результаты реформ во многом обусловлены объективными факторами, среди которых выделяется слепое следование стратегии догоняющего развития, предполагающей механическое копирование западных социально-экономических моделей.

Апологеты реформ неизменно апеллируют к тезису о том, что Россия закономерно повторяет исторические тенденции Запада, возводя это утверждение в ранг универсального закона мироздания. Подобная позиция находит отражение и в работах западноевропейских теоретиков, уверенных в возможности беспроblemной интеграции России в либерально-демократическую парадигму по принципу «стать такими, как мы» [7, с. 123]. Однако концепция линейного прогресса, сформулированная в рамках евроцентристской картины мира, оказывается уязвимой при анализе через призму культурного релятивизма и этноцентризма.

Еще в середине XIX в. Н. Данилевский подверг критике попытки «спрямления» исторического процесса в единую траекторию, выдвинув идею о невозможности переноса цивилизационных достижений в неизменном виде [8, с. 91]. Исторический опыт подтверждает, что социальные модели, рожденные в специфическом культурном контексте, не могут быть

механически реплицированы. Ни одна цивилизация не обладает монополией на «идеальную» форму развития, что делает абсурдными попытки построения общества по чуждым лекалам, игнорирующим национальные особенности и ментальные установки.

Эту мысль в 1908 г. развил М. М. Ковалевский, анализируя генезис политических институтов России. Его исследования подчеркивают, что слепое заимствование иностранных схем без учета историко-культурной почвы обрекает реформы на противоречия и провалы, подтверждая необходимость органичного синтеза традиций и новаций.

«Перестройка русского политического строя по иностранным образцам нисколько не помешала сохранению самобытных русских обычаев и институтов; правду говоря, законы и регламенты, заимствованные на Западе и привитые к русскому стволу, подверглись сильному воздействию природы последнего. Неудивительно поэтому, что Россия усваивала одну лишь форму, а не дух тех учреждений, которые она копировала... Власть... в России изменила лишь свою внешность» [3, с. 4].

Другим значимым фактором провала реформ в России является и то, что экономическая история России и Европы не тождественны друг другу, они формировались исходя из разных первичных установок. В России никогда не было свободного рыночного хозяйства европейского образца [1, с. 102].

Восток реформаторами совершенно не рассматривается как возможный ориентир при выработке социально-экономической модели развития России. Однако существует ряд факторов, доказывающих близость экономической модели развития России к восточной модели, – традиции общинности, государственного хозяйствования и т. д. [4]. Для западников все эти факторы свидетельствуют о том, что Россия не вписывается в западную модель мирохозяйствования, а следовательно, ее необходимо «повернуть» в нужную сторону, указать ей правильный путь развития.

Встает вопрос: а каково место России? Следует ли рассматривать ее как специфическую составляющую мирового пространства или она всего лишь часть (хотя и большая) либо Востока, либо Запада? И если исторические реалии доказывают, что Россия явно не «вписывается» в западную цивилизацию из-за различия основ формирования хозяйственных систем, недостатка демократического опыта и т. п., то следует ли из этого ее принадлежность к миру Востока? И если да, то почему? В исторической ретроспективе Российское государство демонстрировало устойчивую ориентацию на западные модели, оставляя без должного внимания восточные параллели. Между тем социально-экономический уклад страны с его гипертрофированной ролью государственной собственности, тенденцией к трансформации авторитета во властный абсолютизм, системой всеобщей зависимости населения от власти (воплощенной в институтах государственных общин и подневольного труда) обнаруживает больше сходств с восточными цивилизациями, нежели с западноевропейскими [4, с. 107]. Реалии XX столетия – от плановой экономики до колхозной системы – лишь подтвердили устойчивость этих характеристик. Феномен «всеобщего рабства», неоднократно упоминаемый в исторических источниках, нашел отражение как в классической литературе, бичующей «страну рабов, страну господ» [1, с. 330], так и в оценках иностранных наблюдателей, называвших Россию «рассадником деспотизма», где народ «пресмыкается перед силой власти» [4, с. 405].

Примечательно, что эта многовековая модель сосуществовала с внутренней свободолобивой стихией, непокорностью духа и элементами демократической культуры, позво-

лившей малым народам империи сохранять этническую идентичность в рамках общего культурного пространства. Экстенсивный характер экономики, обусловленный суровыми природными условиями и высокорискованным земледелием, также сближал Россию с восточными обществами.

Однако правомерно ли безоговорочно причислять Россию к Востоку? При всей схожести систем ключевые различия остаются значимыми. Культурно-цивилизационный вектор страны, заданный византийским наследием православия, наличие исторических прецедентов народовластия (вечевые традиции Новгорода и Пскова), светский характер государственности – все это маркирует уникальный синтез, отвергающий однозначную идентификацию. Россия, балансируя между двумя мирами, выработала собственный путь, где восточная коллективистская основа сочетается с западными институциональными заимствованиями, создавая многомерную модель, не укладывающуюся в бинарные схемы «Восток – Запад».

Таким образом, следует относить ту социально-экономическую систему, сложившуюся в России на протяжении столетий, достаточно условно к «азиатскому способу производства», к восточной цивилизации. Наличие тех или иных общих элементов еще не может являться свидетельством принадлежности к той или иной цивилизационной модели.

В отечественной государственной практике второе направление не рассматривалось как неперспективное, хотя в последнее время взоры политиков стали все чаще обращаться на Восток [5; 9]. Есть опасность, что очередной раз произойдет попытка «выравнивания» России под чьи-то стандарты. А любые схемы и модели, апробированные в иной социокультурной реальности, для России всегда оказываются прокрустовым ложем.

Вместе с тем почти не вспоминается, что «витязь на распутье» выбирает не из двух, а трех дорог. Третьим направлением может быть путь не в рамках уже готовых цивилизаций, неважно – восточной или западной, а в осознании России как Евразии, к этому ее подталкивает и географическое месторасположение, и близость столь разных соседей (Востока и Запада), и культурные традиции. Россия «проявила такие особенности своего развития, которые не позволяют отнести ее безусловно ни к западной, ни к восточной цивилизации» [4, с. 116]. Однако осознание своей уникальности не означает отказа от лучших мировых образцов.

Еще одной отличительной чертой является многонациональный и многоконфессиональный состав населения, мирно уживающийся на одной территории. Религиозная и межнациональная нетерпимость проявилась, пожалуй, только в конце XX в., да и то это не столько российская проблема, сколько проблема всего мирового сообщества.

Третьей ключевой особенностью выступает уникальное ценностное единство российского социума, сложившееся благодаря синтезу множества культурных традиций. Это многообразие, сохраняя самобытность каждого компонента, породило универсальную систему норм, получившую повсеместное распространение при сохранении культурной автономии регионов. Государственный строй в данном контексте предстает материализованным выражением этой глубинной мировоззренческой системы. Российская государственность укоренена не в прагматике индивидуальных интересов, но в метафизическом фундаменте, который, по выражению исследователей, «должен восприниматься как абсолютная данность, принимаемая без рациональной критики» [8, с. 70]. Роль такого сакрального основания выполняет этатизм – система, объединяющая народы общим смысловым центром, вокруг которого исторически кристаллизовалось евразийское ценностное пространство.

Особое качество российского этатизма проявляется в принципе соборности: становление государства происходило через соучастие всех этносов, что превратило конфликты и взаимодействие культурных, национальных и политических сил в диалог в рамках единого нормативного поля.

С середины 1990-х гг. в общественном сознании укрепляется концепция России как самостоятельной цивилизационной модели, чья идентичность не сводится ни к западным, ни к восточным паттернам. Эта парадигма подчеркивает синтетическую природу российской государственности, в которой имперский универсализм сочетается с поликультурным ландшафтом, формируя уникальный историко-культурный феномен.

Начиная с середины 90-х гг. XX в. в российском обществе начинает формироваться представление о том, что Россия – это своеобразная цивилизация, непохожая как на западную, так и на восточную. На это обратил внимание в одном из своих выступлений В. В. Путин: «Россия всегда ощущала себя евразийской страной. Мы никогда не забывали о том, что основная часть российской территории находится в Азии». На самобытность России, которую «аршином общим не измерить», указывал еще Ф. Тютчев.

Данные Фонда «Общественное мнение» свидетельствуют о том, что 60 % граждан РФ считают, что у России свой «особый» путь, свои культурные традиции, не принадлежащие ни Европе, ни Азии [10]. Мудрость древних гласит: vox populi, vox dei (глас народа – глас божий) [10, с. 90], а значит, к мнению столь значительной части россиян следует прислушаться как государственным, так и политическим деятелям. Традиционная конфессиональная лояльность обеспечивает России выполнение следующих ролей: с одной стороны, это «роль держателя равновесия между Востоком и Западом в их не блоковой, а культурно-цивилизационной ипостаси», а с другой – гармоничного внутреннего развития российского общества. И хотя существует противостояние восточной и западной цивилизаций, есть еще и третий вариант развития – евразийство, которое не тождественно ни восточной, ни западной цивилизациям, и наличие ее может являться тем фактором, который позволит выработать принципы взаимопонимания в развитии современного мира.

Список библиографических ссылок

1. Гелла Т. Н. Национальная идентичность в ЕС и России: сопоставительный анализ по материалам зарубежных и российских исследований // Ученые записки ОГУ. Серия: Гуманитарные и социальные науки. 2012. № 1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/natsionalnaya-identichnost-v-es-i-rossii-sopostavitelnyy-analiz-po-materialam-zarubezhnyh-i-rossiyskih-issledovaniy> (дата обращения: 05.03.2025).
2. Данилевский Н. Я. Россия и Европа. М.: Республика, 1991. 573 с.
3. Будилов В. М. Органическое понимание народа и концепция «ранее не народ, а ныне народ»: возникновение в России. СПб.: Лема, 2019. 167 с.
4. Ключевский В. О. Сочинения: в 9 т. М.: Наука, 1989. Т. 4. 345 с.
5. Бордачев Т. Поворот России на Восток только начинается // Гео-политика.. URL: <http://geo-politica.info/povorot-rossii-na-vostok-tolko-nachinaetsya.html> (дата обращения: 15.01.2025).
6. Бабичев Н. Т. Словарь латинских крылатых слов: 2500 единиц / под ред. Я. М. Боровского. М.: Русский язык, 1982. 959 с.

7. Шпангер Х-Й. Поворот России на Восток, поворот Китая на Запад: взаимодействие и конфликты на шелковом пути // Валдайские записки. 2016. № 47. URL: <http://ru.valdaiclub.com/files/12347/> (дата обращения: 15.10.2016).

8. Бердяев Н. А. Философия неравенства. М.: ИМА-пресс, 1990. 285 с.

9. Belikova E., Nesterova A., Sgibneva O. Electronic Environment for the Functioning of the Regional Socio-cultural Brands of the Volgograd Region // Lecture Notes in Networks and Systems. 2022. Vol. 342 LNNS. P. 911–918.

10. Беликова Е. О., Парамонова В. А. Современный город: цивилизационный выбор или диалог культур? // Навстречу будущему. Прогнозирование в социологических исследованиях: материалы VII междунар. социолог. Грушинской конф., Москва, 15–16 марта 2017 г. М.: Всероссийский центр изучения общественного мнения, 2017. С. 1218–1222.

© Беликова Е. О., 2025

Беликова Екатерина Олеговна,
доцент кафедры социологии и политологии
Волгоградского государственного университета
кандидат социологических наук, доцент;
Демидов Николай Николаевич,
профессор кафедры философии
Волгоградской академии МВД России,
кандидат философских наук, доцент

ФЕЙК ИЛИ РЕАЛЬНОСТЬ: СОВРЕМЕННОЕ ПРОСТРАНСТВО МЕДИА ГЛАЗАМИ ВОЛГОГРАДСКОЙ МОЛОДЕЖИ

В эпоху информационного общества существенные причины определяют актуальность тематик, связанных с диффузией контента. Наблюдается увеличение массмедийной аудитории, возможное благодаря широкому спектру средств распространения и каналов непрерывного обмена данными. Эта тенденция особенно заметна при привлечении молодежи, которая мастерски использует всевозможные каналы поиска информации, ее сбор, и, вероятнее всего, осуществляет анализ подлинности данных, представленных в том или ином источнике.

Исследовательская группа Волгоградского государственного университета провела социологическое исследование, посвященное выявлению специфики распространенности фейковых новостей в Интернете с точки зрения современной волгоградской молодежи. В исследовании приняли участие 354 жителя Волгоградской области в возрасте от 18 до 35 лет (выборка стихийная).

В ходе исследования было выявлено несколько тенденций, которые, на наш взгляд, носят универсальный характер. Так, например:

– подавляющее большинство респондентов, а именно – 91,2 %, «сидят» в Интернете каждый день;

– большая часть респондентов предпочитает в качестве интернет-ресурсов социальные сети – 78,2 % и новостные ресурсы – 65,1 %;

– большинство опрошенных респондентов в качестве основных социальных сетей выбирает «ВКонтакте» (87,6 %), предпочитаемые группы – «NR», «МДК», «Рифмы и панчи», «female memes», а также различные «Подслушано» и «Блокнот». Кроме того, назвали предпочитаемые интернет-журналы: «Медуза», «Нож» и «Постнаука» [1];

– большинство пользователей отметили, что они посещают данные интернет-ресурсы, потому что им нравится предоставляемый контент – 74,0 %, также заходят, чтобы поднять настроение – 57,4 % и узнать какие-то новости – 56,5 %;

– однако большинство опрошенных все же не доверяют интернет-ресурсам, которые посещают – 44,4 %, доверяют же – 39,0 % и затрудняются ответить – 17,6 %;

– часть респондентов, которые не доверяют интернет-ресурсам, посещаемым ими, аргументировали это следующим образом: «Иногда информация бывает провокационной, не всегда достоверной, происходит навязывание мнений»; «Люди придумывают новости часто для хайпа, контента, для обмана»; «В Интернет могут выкладывать что угодно и кто угодно, это, конечно, лучше ТВ, но доверять всему подряд не стоит»; «Время такое: люди часто обманывают, искажают реальность»; «Частенько замечал лживую информацию»; «Некомпетентность авторов в области предоставляемой информации»; «Часто встречается ложная информация» и т. д.;

– часть респондентов, доверяющих интернет-ресурсам, которые посещают, аргументировали это следующим образом: «Потому что я не привыкла, что люди могут публично врать, поэтому часто верю»; «Такие группы врать не будут»; «Ни разу не было случаев, когда информация оказалась неверной»; «Потому, что в Интернете больше правды, в Интернете тяжелее обмануть аудиторию, нежели чем в телевизоре, это факт»; «Проверенные источники со ссылками, информация от первоисточника». Но также эта часть не доверяет следующим источникам: «Не доверяю Рифмам и Панчам, МДК, фочан и т. д. Ну, они публикуют зачастую ложную инфу, чтобы поднять хайп, не знаю, скорее всего, намеренно делают это»; «Обычно на всяких веб-страницах в рекламе пишут чушь, которой я не особо доверяю»; «МДК, ЗЛОЙ ШКОЛЬНИК, всякие «подслушано» там всякую дичь публикуют левую. Типа, много раз их ловил за дезинформации»; «Не доверяю большим новостным корпорациям, например РИА «Новости», так как считаю, что они политически ангажированы»; «Государственные СМИ. Многочисленные фейк-новости, пропаганда, агрессивная подача информации» [2];

– почти 90 % респондентов знают, что такое фейковые новости, и 87 % сталкивались с ними в Интернете;

– многие отметили, что фейковые новости встречаются в новостных пабликах «ВКонтакте» – «NR», «Рифмы и панчи», «МДК» – 25,0 %, «Блокнот Волгоград» и других подобных интернет-ресурсах – 20,2 %, остальные же в целом указали, что не стоит никому доверять в Интернете;

– на вопрос «как Вы поняли, что данная новость является фейковой?» поступили следующие ответы: «Убедилась в точности информации через проверенные источники»; «Я лезу в комменты, и если там все пишут, что это фейк, и предоставляют пруфы, то я им верю»; «Увидел опровержение спустя какое-то время»; «Анализ, сравнение, проверка информации» и т. д.;

– зачастую фейковая информация в Интернете встречается в таком виде, как частичная ложь – подготовка информации с одной ложной деталью, которая наравне с другими воспринимается как правильная – 80,6 %, и почти такой же популярностью обладает полная ложь (абсолютная) – осознанное распространение лживой информации – 78,1 %;

– чаще всего фейковая информация встречается в форме кликбейтных заголовков – 78,5 %, пропаганды – 76,3 % и журналистики низкого качества – 70,1 %;

– если говорить о содержании фейковых новостей, то зачастую оно касается политической сферы жизни – 92,8 %, шоу-бизнеса – 90,2 % и медицины 67,0 %;

– фейковые новости, по мнению респондентов, главным образом создаются для того, чтобы поднять активность в сообществе – 88,1 %;

– большинство респондентов считают, что фейковые новости могут привести к таким последствиям, как снижение доверия к СМИ – 75,2 %, искажение реальности – 75,6 % и – замыкает ядро – порча репутации объекта фейковой новости – 49,3 %;

– вместе с тем, по мнению многих, нужно бороться с фейковыми новостями, а на вопрос «каким образом это нужно делать?» от респондентов поступили следующие ответы: «Нужно просто лучше отслеживать новости в Интернете, т. е. банить не по количеству жалоб, как это сейчас происходит, а просто вести наблюдение за этим всем и блокировать в случае обнаружения»; «Следить нужно за всеми этими группами»; «Вводить цензуру для новостных ресурсов»; «В открытой, понятной форме доводить до людей правду»; «Прозрачность и правда от государства»; «Начинать хотя бы отслеживать их»; «Нужно начать банально с властей. Обманывает власть, обманывает и народ»; «Введение необходимых для выполнения условий, определяющих достоверность новостей, перед публикацией»; «Научить людей фильтровать инфу».

Последствия фейковых новостей, как считают респонденты, касаются в большей степени двух моментов: снижение доверия к СМИ и искажение реальности. Действительно, чем больше фейковых новостей распространяется, тем ниже опускается уровень доверия к СМИ. К счастью, существуют еще проверенные источники, через которые можно проверить информацию, если их не будет, то реальные события и правда исчезнут для людей. Поэтому большинство респондентов считают, что бороться с фейковыми новостями нужно посредством ввода цензуры для всех новостных ресурсов, а также не забывать отслеживать деятельность сообществ, и самое главное – научить пользователей фильтровать, проверять и анализировать потребляемую информацию, это касается не только новостей, но и всего контента в целом.

Таким образом, сбор и анализ информации показал, что большая часть респондентов каждый день посещают интернет-ресурсы, для того чтобы поднять себе настроение, отдохнуть, узнать новости, но они в то же время не в полной мере доверяют им. Связанно это с тем, что информация, которую публикуют интернет-сообщества, имеет весьма низкое качество, а авторы приукрашивают события для поднятия активности в группе, это самая главная причина недоверия пользователей. В связи с этим почти все респонденты знают о существовании фейковых новостей и непосредственно сталкивались с ними во всех популярных сообществах в социальных сетях.

Отличают пользователи фейковые новости посредством анализа и сравнения с проверенными источниками. Встречают же чаще всего пользователи фейковую информацию в форме кликбейтных заголовков и частичной лжи, что говорит о приукрашивании событий

и информации. Наблюдается данный феномен в новостях о политике, шоу-бизнесе и медицине, т. е. самых актуальных темах на сегодняшний момент, в целях привлечения внимания аудитории. Пользователи подтверждают, что создаются фейковые новости в большей степени для того, чтобы поднять активность в сообществе. Фейковые новости приводят к таким последствиям, как снижение доверия к СМИ и искажение реальности, поэтому с ними нужно бороться посредством ввода цензуры для всех новостных ресурсов, а также не забывать отслеживать деятельность сообществ, и самое главное – научить пользователей фильтровать, проверять и анализировать потребляемую информацию, это касается не только новостей, но и всего контента в целом.

Список библиографических ссылок

1. Щупкин Н. Э. Специфика распространения фейковых новостей в интернете (на примере г. Волгограда) // Наука и мир. 2023. № 5 (117). С. 17–18.
2. Беликова Е. О., Джанаби А. М. А. Средства массовой информации в борьбе с проявлениями терроризма // Профилактика экстремизма, терроризма и национализма в молодежной среде: Региональная науч.-практич. конф., Волгоград, 30 ноября 2022 г. Волгоград: Волгоградский государственный университет, 2022. С. 34–38.

© Беликова Е. О., Демидов Н. Н., 2025

Бельских Игорь Евгеньевич,
профессор кафедры экономики и финансов
Волгоградского филиала
Российского экономического университета им. Г. В. Плеханова,
доктор экономических наук, профессор

ЦИФРОВИЗАЦИЯ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ И ВОПРОСЫ ОБЕСПЕЧЕНИЯ НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ РОССИИ В СОВРЕМЕННЫХ УСЛОВИЯХ

Организационные, учебные, научные процессы в современном высшем образовании опираются на самые передовые технологии и тренды. Виртуализация, цифровизация, система удаленного доступа – все это реальность нашего дня. Клиенты системы высшего образования находятся по всему миру. Технологии дают нам возможность продавать (оказывать) им услуги повсеместно. Прошедшая пандемия актуализировала процессы цифровизации в высшем образовании, ускорила процессы формирования цифрового контента университетов и других образовательных учреждений в Сети. Сегодня научную общественность России, правоохранителей беспокоит уже и другая важная тема процесса цифровизации – обеспечение национальной безопасности. Это относится и к приоритетному направлению развития науки, технологий и техники в Российской Федерации. Например, одно из обозначенных

направлений в Российском научном фонде (РНФ) – «Технологии системного анализа и прогноза социально-экономического развития и безопасности Российской Федерации в формирующемся миропорядке».

В современных условиях возникает много вопросов к обеспечению национальной безопасности стран в данной сфере с точки зрения сохранения национальных (региональных, локальных) образовательных особенностей (ноу-хау) для сохранения своей идентичности и конкурентоспособности. Особенно остро данный вопрос стоит перед странами, работающими в условиях санкционных режимов: Россией, Белоруссией, Ираном, Северной Кореей, Кубой и некоторыми другими государствами. С одной стороны, равный доступ к рынку высшего образования, сетевым возможностям и ресурсам у университетов этих стран ограничен в силу геополитических и иных причин. С другой стороны, сетевая свобода систем высшего образования и их открытость внешним рынкам в данных странах (поиск абитуриентов, клиентов образовательных услуг имеет здесь значение) приводит к нарушению некоторых принципов национальной безопасности.

Мы все понимаем, что цифровизация высшего образования – общемировой процесс, направленный на рост распространения профессиональных знаний и умений при поддержке виртуальных средств и инструментов. Этот процесс начинался с момента формирования мировых коммуникационных сетей и продолжался в естественном эволюционном ритме до пандемии. Для него были характерны такие особенности, как: постепенность цифровых изменений, зависимость от передового зарубежного и отечественного опыта, включение в информационный оборот материалов, связанных с поиском абитуриентов, рекламно-информационных материалов о работе вузов [1, с. 8–9]. Сегодня значимую роль играют требования административных органов в сфере отечественного высшего образования о создании ЭИОС на базе вузов, размещении там методических, научных, учебных материалов. Работа с форумами учебных групп, онлайн-консультирование и личное виртуальное общение с обучающимися, повышение качества и активное использование созданных ресурсов имеют важное методическое значение. Тренд современного времени – виртуализация процессов оказания учебных услуг: внедрение электронных зачетов, элементов текущего контроля, успеваемости, посещаемости и других составляющих учебного процесса. Это сильно увеличивает нагрузку на преподавателей и сотрудников университетов.

Российская образовательная система по данным научных публикаций, статистики активно развивала такое направление [2, с. 22–24; 3, с. 38–39]. Изучались разные аспекты этого процесса, например, формирование гражданского общества [4, с. 33–34], поиск экономических альтернатив [5, с. 31–32], анализировались глобальные процессы [6, с. 26–28]. Даже предлагалось увязать цифровизацию с успехами в экспортно-ориентированных хозяйственных операциях и много других аспектов. Вопросы национальной безопасности оставались за рамками наших исследователей. Необходимо актуализировать и усилить понимание этого направления в научной и общественной среде.

Большая и сложная работа по созданию виртуально-цифровой среды в системе высшего образования уже прошла, наступило время оценить вопросы национальной безопасности и акцентировать отдельные аспекты.

В практике и работе российских вузов используется цифровая модель развития высшего образования, где вопросам безопасности уделяется не главное место. Иногда об этом аспекте

вообще забывают. Для них характерна столичная идеализация цифровизации, использование зарубежных образцов и опыта работы, несколько далеких от практики регионов нашей страны.

По данной теме характерны два традиционных подхода.

Первый подход. Он показателен для гуманитариев: экономистов, педагогов, лингвистов. Его характеризуют фразы: «мы далеки от национальных секретов» и «нам скрывать нечего». Мы гордимся нашей российской высшей школой, мы понимаем, что экономисты оказались одной из самых квалифицированных групп в стране, несмотря на всю критику, которая звучала про них в России. Они удержали в определенных параметрах экономику и стабилизировали хозяйственное развитие большинства российских отраслей в условиях роста неопределенности и международных санкций.

Второй подход более радикален. На наш взгляд, он характерен для представителей технических наук регионального уровня: все запретить, контролировать, закрыть.

Оба подхода содержат элементы логической иррациональности. Необходимо искать решения «золотой середины». Высшее образование России не может себе позволить потерять внешний рынок абитуриентов по демографическим, экономическим и иным причинам. С другой стороны, тотальный запрет и закрытие информационных и виртуальных ресурсов российских вузов приведут к трудностям функционирования всей системы высшего образования.

Мы должны констатировать, что в вопросах обеспечения безопасности есть важные особенности:

1. Разная степень готовности вузов к соблюдению требований по безопасности в практике виртуализации учебных и научных процессов на основе цифровизации (в эпоху пандемии наиболее успешными в переходе на дистант, как правило, оказались экономические, технические вузы, в меньшей степени – педагогические, сельскохозяйственные и т. д.).

2. Многочисленные курсы переподготовки и опыт работы позволили профессорско-преподавательскому составу перейти на успешную реализацию учебного процесса в дистанционном, цифровом режиме. Сегодня правила и нормативные требования по соблюдению норм безопасности необходимо оперативно довести до сотен тысяч людей, работающих в системе. Вузы из системы МВД могут и должны оказывать образовательные услуги по развитию национальной безопасности в высшем образовании России.

3. Резко вырастает нагрузка на преподавателей в связи с цифровизацией учебного процесса и соблюдением норм безопасности. Это следует учесть в учебных планах по всем специальностям и направлениям.

Главной особенностью работы высшего образования в условиях соблюдения выработанных правил национальной безопасности для высшего образования в сфере виртуализации и работы на данном социально-ориентированном рынке станет рост индивидуальной ответственности сотрудников системы образования и руководителей университетов за соблюдение нормативов и правил. Вопросов по данной теме много, они не имеют однозначного ответа.

Цифровизация – это реальность современного высшего образования. Гармонизировать вопросы учета требований по национальной безопасности в России – необходимое требование нашего времени.

Список библиографических ссылок

1. Бельских И. Е. Предпринимательство и маркетинг в высшем образовании России: виды, формы и перспективы развития: монография. Волгоград: ВГТУ, 2020. 76 с.
2. Основные тренды цифровизации высшего образования: результаты мониторинга информации о тенденциях развития высшего образования в мире и в России. Вып. 1 / Сост.: Л. В. Константинова, Н. Н. Гагиев, Е. А. Смирнова [и др.]. М.: РЭУ им. Г. В. Плеханова, 2021. 44 с.
3. Трансформация образования в цифровую эпоху / П. В. Терелянский, Н. В. Кузнецов, К. В. Екимова, С. А. Лукьянов. // Университетское управление: практика и анализ. 2018. Т. 22. № 6. С. 36–43.
4. Морозов И. Л. Сетевая цензура VERSUS сетевая свобода – в поисках баланса интересов государства и гражданского общества // Научный вестник Волгоградского филиала РАНХиГС. Серия «Политология и социология». 2017. № 2. С. 32–37.
5. Бельских И. Е., Головина Ю. Е. Поиск альтернатив развития экономики и маркетинговая роль высшего экономического образования в регионах России // Вестник Российского экономического университета имени Г. В. Плеханова. 2024. Т. 21. № 3 (135). С. 29–35.
6. Бессмертная М. М., Воронина Е. С., Начевский М. В. Развитие цифровой экономики в Российской Федерации. Университет как агент глобальной цифровизации общества // Государственный университет управления. М., 2019. 84 с.

© Бельских И. Е., 2025

Войтов Александр Владимирович,
доцент кафедры философии
Волгоградской академии МВД России,
кандидат социологических наук, доцент

ЦИФРОВИЗАЦИЯ СОЦИАЛЬНОЙ НАУКИ: СОСТОЯНИЕ И ПЕРСПЕКТИВЫ

Развитие современного общества немыслимо в отрыве от развития цифровых технологий. Сами цифровые технологии изменили способы общения между людьми, т. е. трансформировали социальные связи и социальные структуры. Социальные сети, мессенджеры и платформы для видеосвязи стали неотъемлемой частью повседневной жизни. Появились новые формы социального взаимодействия, такие как виртуальные сообщества, онлайн-активизм и цифровые идентичности, которые становятся новым объектом изучения социальными науками вообще и социологией в частности.

Меняется не только объект и предмет социологического интереса, но и методы исследований, а также роль социолога как исследователя новой социальной реальности. Сама социальная реальность оказывается пронизана цифровыми решениями и неизученными аспек-

тами цифровых социальных связей. Возникает актуальнейшая проблема поиска путей их фиксации и изучения. В данных условиях мы можем говорить о необходимости и потребности в формировании цифрового знания – цифровой социологии. Ряд исследователей [1] оценивают цифровую социологию как некую субдисциплину, которая специализируется на цифровой реальности. Данная реальность при этом не просто окрашивает привычную нам традиционную социальную реальность в цифровые «краски», но, прежде всего, конструирует новую реальность, которая глубоко укореняется в нашей жизни, фундаментально организует и формирует социальную жизнь и жизнь личности, меняя привычные формы работы и досуга, интимности и открытости.

Французский мыслитель Ален Бадью сформировал современную версию текста Платона и описал это в книге «Государство Платона» [2]. В своей работе Бадью сравнивает современный цифровой кинотеатр (к которому относятся многие видеохостинги и онлайн-кинотеатры) с пещерой. В подобном цифровом кинотеатре зрители похожи на заключенных, но заключенные совершенно нового типа, которых не нужно буквально приковывать к своим местам. Все, что требуется от таких зрителей, – это быть подключенными, иметь возможность получать персонализированные сообщения и высказывать мнение путем комментирования. От самого человека в данных условиях ничего особо не зависит, поскольку контент и его рекомендации определяются некими (настраиваемыми) алгоритмами. Как утверждает Доминик Петтман в книге «Бесконечное отвлечение», ссылаясь на платформу социальных сетей, «паук настраивает свою сеть в соответствии с точными особенностями мухи» [3]. Зрители подобных цифровых кинотеатров ощущают себя свободными и автономными агентами, что, в свою очередь, является лучшим показателем неоспоримого успеха паука. В таком случае, как часто подчеркивал Делёз [4, с. 132], человек не мыслит спонтанно, а только вынужденно, как будто его подталкивают извне какое-то событие или неожиданная встреча.

Задача изучить подобные механизмы влияния, рассмотреть личность на каждом этапе подобного воздействия становится задачей социологов-исследователей. Однако проблемой цифровой социологии являются и сам статус исследователя, и его взаимодействие с объектом в цифровом пространстве. На уровне отношений между социологами как эмпирическими исследователями и субъектами, которых они изучают, возникает необходимость в активном вовлечении участников исследования в их текущие проекты. Социальная значимость подобных вовлечений возникает не только в момент наблюдения и сбора информации, но и в момент публикации и распространения результатов исследования. Это можно объяснить тем, что участники исследования не должны рассматриваться как пассивные субъекты изучения. По словам Деборы Лаптон, к участникам социологических исследований, чей активный вклад в производство знаний должен быть признан на уровне статуса «актеров» исследований, следует относиться как к «соавторам в исследовательских проектах» [5, с. 64].

В то же время цифровая социология как относительно молодая наука или научная дисциплина имеет определенные недостатки и вызовы, которые могут ограничивать ее развитие и применение. Среди прочих к ним относится нерепрезентативность данных, поскольку данные из цифровых источников часто охватывают только определенные группы населения, например молодежь или активных пользователей Интернета. Кроме того, цифровые данные часто отражают только поверхностные аспекты поведения, не раскрывая глубинные мотивы и причины, а также такие данные лишены социального и культурного контекста, что затрудняет их интерпретацию. Не стоит забывать, что в области цифровой социологии пока нет

единых стандартов сбора, анализа и интерпретации данных. Для ее дальнейшего развития необходимо учитывать эти недостатки и работать над их устранением, чтобы обеспечить более точное и ответственное изучение цифрового общества.

Список библиографических ссылок

1. Orton-Johnson K. and Prior N. (eds) Digital sociology: Critical perspectives. Houndmills: Palgrave Macmillan, 2013. 249 p.
2. Badiou A. Plato's Republic, tr Susan Spitzer, Polity Press. 2015. 320 p.
3. Pettman D. Infinite distraction: paying attention to social media. Malden, MA: Polity, 2016. 165 p.
4. Делёз Ж., Гваттари Ф. Что такое философия? / пер. с фр. и послесл. С. Н. Зенкина. М.: Институт экспериментальной социологии; СПб.: Алетейя, 1998. 288 с.
5. Lupton D. Digital sociology, Routledge. London, 2015. 236 p.

© Войтов А. В., 2025

Гищенко Павел Иванович,
Министр внутренних дел
по Донецкой Народной Республике

ПРИНЦИПЫ САМОРЕГУЛЯЦИИ И УСМОТРЕНИЯ, КОТОРЫМИ ДОЛЖНЫ РУКОВОДСТВОВАТЬСЯ ВЫПУСКНИКИ ДОНЕЦКОГО ФИЛИАЛА ВОЛГОГРАДСКОЙ АКАДЕМИИ МВД РОССИИ 2025 ГОДА В СЛУЧАЕ ПРОБЕЛЬНОСТИ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ

Современные социально-экономические и политические условия Донецкой Народной Республики (ДНР) требуют совершенствования законодательства, которое положительно отразится на успешном и эффективном функционировании государственных органов. Одной из проблем, которая может препятствовать реализации исполнения выпускниками Донецкого филиала Волгоградской академии МВД России своих обязанностей, является пробельность правового регулирования ввиду сложного и неоднозначного характера правотворчества в периоды трансформации политико-правового статуса Донецкой Народной Республики. Это в первую очередь вызвано государственным переворотом в Украине, произошедшим в феврале 2014 г., который привел к власти агрессивно настроенные радикальные националистические силы, развернувшие кампанию по дискриминации русскоязычного населения и подавлению любых проявлений инакомыслия. В частности, был принят закон об отмене регионального статуса русского языка, что вызвало волну протестов на юго-востоке страны. Последовавшие за этим события, включая насильственный разгон мирных демонстраций и трагические события в Одессе, только усугубили раскол в украинском обществе. Народ Украины в ультимативной форме поставили перед выбором: либо отречься от своей истории,

передать забвению подвиг Советского Союза в годы Великой Отечественной войны, вычеркнуть из своей жизни русский язык и русскую культуру, либо быть подвергнутым репрессиям, гонениям, вплоть до геноцида. Все это прикрывалось идеей создания ключевой роли Украины в мировой цивилизации. Такая концепция была искусно возвращена на почве национального самосознания и постепенно превращалась в политический инструмент, который предназначался для отделения Украины от многовековых связей с Россией, переориентирования ее на западноевропейские ценности и в конечном итоге создания плацдарма для геополитического противостояния. Вся «новая идеология» насаждалась с оружием в руках.

В сложившейся ситуации часть украинского народа проявила решимость и нашла в себе силы отстаивать права, интересы и свою многовековую историю. 11 мая 2014 г. на части территории Донецкой области Украины, контролировавшейся пророссийскими ополченцами, был проведен референдум о самоопределении Донецкой Народной Республики.

Говоря о механизме правотворчества в первые годы существования Донецкой Народной Республики, стоит обратить внимание на то, что первые нормативные правовые акты ДНР содержали больше эмоциональный оттенок, нежели юридический, такие нормы были сформулированы в тривиально-бытовом стиле и противоречили юридической технике. В нормативных правовых актах ДНР до сих пор существует огромное количество пробелов. Это вызвано тем, что законодательство интегрировалось в правозащитную систему Донецкой Народной Республики не в полном объеме, а связующие звенья между российским и донецким законодательством продолжают формироваться, в результате возникают пробельности при применении сотрудниками органов внутренних дел правовых норм. Соответственно, если у правоприменителя отсутствуют четко определенные знания в условиях той или иной ситуации ввиду законодательных пробелов, то правоисполнителю следует руководствоваться в первую очередь исконными принципами законности, гуманизма, защиты прав и свобод человека и гражданина, приоритетности поддержания конституционного строя, соразмерности и необходимости, принципами профессиональной этики сотрудника органов внутренних дел, а также приведенными ниже принципами:

1. *Принцип чрезмерной оперативности* заключается в том, что в 2014 г. в ДНР в рамках военного положения вопрос о порядке и алгоритме правотворчества практически не поднимался, в первую очередь приоритет отдавался достижению жизненно важных целей, необходимых для существования народа, поэтому процесс правотворчества был упрощен и сведен к минимуму, присутствовал императивный метод принятия правовых актов.

2. *Принцип актуальности временных рамок* в правотворческом процессе должен соответствовать необходимости оперативного правового реагирования на быстро меняющуюся ситуацию в рамках военного положения.

3. *Принцип гибкости* означает, что процесс принятия правовых норм должен быть адаптируемым к скоротечно изменяющимся условиям военного положения на территории Донецкой Народной Республики и в большинстве случаев допускать исключение основной процедуры и стадий правотворчества.

4. *Принцип локальности* направлен на разграничение сфер и пределов правотворчества на общем и локальном уровнях, разграничение полномочий субъектов правотворчества, соблюдение ими границ собственной компетенции и компетенции других правотворческих органов.

5. *Принцип законности* подразумевает под собой рецепцию российского права. Например, наиболее распространенным вариантом сближения ДНР с российским законодательством является заимствование отечественных правовых образцов в качестве первоосновы для законов ДНР. Таким путем был реципирован в ДНР Гражданский кодекс Российской Федерации и Уголовный кодекс Российской Федерации. Однако были известны и случаи прямого действия отдельных нормативных правовых актов РФ на территории ДНР в первое время после обретения независимости. Например, Постановлением Совета Министров ДНР № 20-3 от 28.07.2014 «О Временном положении “О полиции Донецкой Народной Республики”» было предусмотрено, что принципы деятельности полиции, ее права и обязанности, порядок прохождения службы, присвоение специальных званий и иные вопросы функционирования органов полиции устанавливаются Федеральным законом от 07.02.2011 № 3-ФЗ «О полиции», а также Федеральным законом от 30.11.2011 № 342-ФЗ «О службе в органах внутренних дел Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» в части, не противоречащей основам конституционного строя ДНР и ее законодательной базы.

6. *Принцип эмоциональности как реакция на многолетнюю несправедливость* объясняет желание народа ДНР попасть в правовое поле РФ, однако принятые законы того времени носили эмоциональный оттенок и были сформулированы в тривиально-бытовом, разговорном стиле, это интерпретируется длительным периодом вооруженного конфликта, человеческими жертвами, разрушениями и экономическими трудностями, которые оставили глубокий след в сознании людей.

Таким образом, механизм правотворчества в периоды трансформации политико-правового статуса Донецкой Народной Республики имеет уникальные черты, predetermined состоянием войны и непризнанностью на мировой арене, в связи с чем законодательство этого периода имеет свои особенности и отличается рациональностью, направленностью на решение первоочередных проблем, социальной направленностью и ответственностью перед жителями республики, наличием ошибок, пробелов и неточностей с точки зрения юридической техники и юридической науки, а сам механизм правотворчества носит оперативный характер, направленный на решение текущих задач управления, обороны и поддержания жизнедеятельности, поэтому все вышеуказанные принципы должны являться исконным вектором сотрудников органов внутренних дел Донецкой Народной Республики.

© Гищенко П. И., 2025

Голева Галина Александровна,
доцент кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин
Ростовского юридического института МВД России,
кандидат экономических наук, доцент

МЕДИАТЕХНОЛОГИИ И СОВРЕМЕННОЕ ПАТРИОТИЧЕСКОЕ ВОСПИТАНИЕ: НОВЫЕ ВЫЗОВЫ И ВОЗМОЖНОСТИ

Развитие современных технологий актуализирует вопрос поиска новых форм осуществления образовательного процесса и воспитательной деятельности как его неотъемлемого компонента. Арсенал экспертов и практиков активно пополняется новыми терминами. В числе них – «медиавоспитание» и «медиаобразование».

Само понятие «медиа» является многогранным и многоплановым. В самом общем представлении под медиа понимается все, что относится к средствам массовой информации. Однако такую трактовку нельзя назвать полной, хотя изначально термин был заимствован из английского языка именно с такой коннотацией. Сегодня медиа – это, скорее, совокупность различных каналов передачи информации целевой аудитории, включая, разумеется, Интернет с его широчайшими возможностями.

Новые информационно-коммуникационные технологии предоставляют новые инструменты педагогической и воспитательной деятельности. Появляются и стремительно развиваются медиавоспитание как новая технология духовно-нравственного, патриотического воспитания и медиапедагогика, которая пока концентрирует свое внимание на вопросах развития медиаграмотности, но, как представляется, с учетом роста значения медиатехнологий в образовательном процессе ее предметное поле будет расширяться.

Вопросы патриотического воспитания имеют наивысшее государственное значение. Об этом, в частности, свидетельствует реализация Федерального проекта «Патриотическое воспитание граждан Российской Федерации», который направлен на создание системы патриотического воспитания граждан Российской Федерации. Период действия проекта – 2021–2026 гг. Его финансирование из федерального бюджета составляет 108,6 млрд руб., из них субъектам Российской Федерации будет передано 17,7 млрд руб. Проект, по замыслу его создателей, должен охватить порядка двух миллионов человек.

Чем обусловлен интерес к медиавоспитанию и анализу его роли в современном образовании? Прежде всего, это данные, которые свидетельствуют о масштабах влияния медиа на современного человека, общество в целом, особенно – на подрастающее поколение, молодежь.

Так, по данным экспертов, пользователями Интернета в России является 81 % населения старше 12 лет, при этом ежедневно Интернетом пользуются 78 % россиян. В возрастном сегменте от 12 до 24 лет этот показатель стремится к 100 процентам (по итогам 2022 г. он составил 97 %). Впечатляют также данные о времени, которое проводит в Сети молодое поколение указанного возрастного сегмента – порядка 6 часов ежедневно.

Разумеется, в таком контексте медиа (в широком понимании) необходимо рассматривать как важнейший инструмент воздействия на молодежную аудиторию, в том числе в плане патриотического и духовного воспитания. Именно через медиа формируется то информационное поле, в котором они живут, на основе которого строится их мировоззрение, формируются ценностные и жизненные ориентиры.

Медиавоспитание включает в себя различные методы, инструменты и подходы, которые, по нашему мнению, можно разделить на две большие группы: предполагающие предоставление молодежной аудитории контента воспитательной и патриотической направленности и предполагающие вовлечение этой аудитории в создание собственного контента и участие в медиапроектах.

В частности, к первой группе относятся:

- создание и опубликование учебных фильмов, аудио- и видеоподкастов;
- публичные лекции;
- интервью с известными историками, учеными, экспертами;
- видеоматериалы и статьи о выдающихся политических и государственных деятелях страны, героях Отечества;
- информация о проведенных мероприятиях, нацеленных на развитие патриотизма, государственного, регионального, местного уровня, и их популяризация;
- поддержание актуального контента о памятных датах и событиях в истории региона / города / поселка;
- актуализация и постоянное обновление информации о проектах, посвященных поддержке ветеранов, героев Отечества, популяризация этих проектов и привлечение к участию в них молодежной аудитории.

Ко второй группе относится разработка медиапроектов самой молодежной аудиторией. Это могут быть, например, исследовательские проекты по истории родного края, его выдающимся личностям; проекты волонтерской помощи различной тематики и направленности (например, студенты и учащиеся старших классов могут проводить тематические встречи по истории родного края с младшими школьниками, совместно организовывать поздравление ветеранов войны); создание собственных видео- и аудиоподкастов (например, школьные и студенческие медиа).

Медиавоспитание, безусловно, является ответом на вызовы современного, быстроменяющегося мира, мира информационных технологий. Освоение этого направления педагоги открывает для нас большие возможности дальнейшего научного и творческого поиска.

Библиографический список

1. Бегалинов, А. С. Особенности медиавоспитания в условиях глобализации и информатизации общества / А. С. Бегалинов // Профессиональное образование в современном мире. – 2017. – № 7 (1). – С. 903–908.
2. Брайант, Д. Основы воздействия СМИ : пер. с англ. / Д. Брайант, С. Томпсон. – Москва : Изд. дом «Вильямс», 2004. – 432 с. – ISBN 5-8459-0597-4.
3. Гузева, М. В. Анализ проблемного поля медиаобразования / М. В. Гузева // Вестник СКФУ. – 2014. – № 5 (44). – С. 127–130.
4. Зелинский, С. А. Информационно-психологическое воздействие на массовое сознание / С. А. Зелинский. – Санкт-Петербург : СКИФИЯ, 2008. – 280 с. – ISBN 978-5-903463-17-6.

© Голева Г. А., 2025

Демидова Мария Александровна,
курсант 2 курса факультета
подготовки экспертов-криминалистов
и оперативных сотрудников полиции
Волгоградской академии МВД России;
Матвиенко Евгений Алексеевич,
начальник кафедры философии
Волгоградской академии МВД России,
кандидат философских наук, доцент

СМЕРТЬ КАК ЦЕННОСТНОЕ ОСНОВАНИЕ КУЛЬТУРЫ

Отношение к смерти напрямую влияет на выбор человеком своего пути. От того, как он воспринимает такие взаимосвязанные вещи, как жизнь и смерть, от того, что в его поведении преобладает в большей степени – стремление к жизни или избегание смерти, будет зависеть построение его ценностной сферы, его мировоззрение и выбор жизненного пути в целом.

Рассматривая отношение к смерти в различные исторические и культурные периоды, можно отметить, что восприятие жизни и смерти от эпохи к эпохе серьезно (порой радикально) менялось. Одни периоды ознаменовываются полным «непринятием» одной части диалектической пары «жизнь» и «смерть» и сосредоточением на второй, другие характеризуются более гармоничным отношением к жизни и смерти. На Востоке отношение к этим экзистенциальным феноменам существенно отличается от Запада. В частности, в древней культуре Востока смерть не воспринималась как полное прекращение жизни. Большую роль играет идея перерождения, возможности воплотиться вновь в образе, заданном «текущими» мыслями и поступками. Здесь жизнь и смерть представлены как два равных и параллельных пути существования, между которыми проводится определенный предел, устранение которого требует определенной подготовки и коллективных действий [1].

Еще одним фактором, определяющим восприятие смерти как загадочного события, является глубокое чувство несправедливости. Стремление преодолеть эту несправедливость выразилось, например, в идеях русского религиозного философа Н. Ф. Федорова, который считал, что человечество должно найти способ воскресить всех мертвых. В его учении причина смерти была связана с тем, что человек позволил себе размножаться биологическим путем, подчиняясь законам природы. Федоров выделил два фундаментальных чувства, присущих человеку: осознание своей смертности и стыд рождения, и, согласно его логике, эти два переживания формируют чувство нравственной ответственности за преодоление смерти, требующее совершенствования нравственных и духовных качеств. В этом случае долг человечества – не производить новые поколения, а возрождать всех предков. Философ полагал, что отказ от биологической природы и устранение греха приведут к овладению энергиями, позволяющими осуществить воскрешение [2].

В противоположность этой точке зрения Г. Зиммель рассматривает смерть не как результат природной ограниченности человека, а как признак высшего порядка его существования. По его мнению, смертность является следствием высокой степени дифференциации человеческого организма. Аргументируя свою мысль, Зиммель указывает на то, что одноклеточные организмы являются взаимозаменяемыми и практически бессмертными. В то время как чер-

вяк, разрезанный на две части, продолжает существовать, человек обладает индивидуальностью, автономией и внутренним миром, что делает его отличным от животных. В данном контексте смерть воспринимается как плата за сложность и самобытность человеческого существования.

Дополнительный аспект загадочности смерти связан с ее (нередко) непрогнозируемостью. Если цитировать известного булгаковского персонажа, то человек смертен, но что хуже – смертен внезапно. Однако разные исторические эпохи по-разному интерпретировали этот феномен: в Средние века неожиданная смерть считалась трагедией, тогда как в эпоху Просвещения – благом. Возможность точного знания момента смерти могла бы, с одной стороны, способствовать рациональному распределению времени, но с другой – привела бы к утрате свободы выбора. Г. Горин в произведении «Дом, который построил Свифт» в художественной форме выразил эту мысль, показывая, что люди часто достигают высших свершений, когда стремятся к невозможному. Таким образом, осознание конечности существования становится не только фундаментальным элементом человеческой культуры, но и важнейшим регулятором жизни.

В целом отношение общества к смерти может принимать различные формы и зависит от таких факторов, как культурные традиции, научно-технический прогресс и социальные ценности. Так, в современном мире все шире распространяется иммортализм – вера в возможность фактического устранения смерти из человеческого существования, отрицание ее физической и духовной реальности. Такая идея может быть связана с религиозными учениями о бессмертии души и жизни после смерти, а также с научными достижениями в области продления жизни и биологического бессмертия, однако стоит отметить, что подобные идеи имеют ограничения и противоречия [3]. Уже упомянутая идея воскрешения всех умерших, предложенная Н. Ф. Федоровым, вызывает множество вопросов. Ее реализация – будь она технически возможна – столкнется с серьезными трудностями, такими как перенаселение, дефицит ресурсов, а также сложными этическими дилеммами, касающимися права на смерть и принципов справедливости при выборе тех, кого воскресить.

Кроме того, хотя современные технологии и медицина значительно продлевают нам жизнь, тем самым укрепляя веру в близкие перспективы победы над смертью, но, как показывает опыт, это не решает проблему смысла жизни и не дает ответа на вопросы, связанные с конечностью человеческой жизни. Нашему обществу может быть важно научиться воспринимать смерть не как полный и необратимый конец бытия, а как часть жизни, которая может помочь нам понять ее смысл и ценность.

В процессе эволюции человеческого сознания отношение к смерти претерпело значительные изменения – от страха перед разрушением первобытного сообщества до осознания ценности индивидуальной жизни. В развитых обществах забота о пожилых людях во многом обусловлена не только этическими нормами, но и интуитивным пониманием собственной смертности. Нормы морали – сострадание, взаимопомощь, чувство долга – в конечном счете направлены на сохранение жизни, что позволяет рассматривать феномен смерти как фундаментальный аспект человеческой культуры.

Список библиографических ссылок

1. Кастанеда К. Собрание сочинений. М.: Киев: София, 2021. 903 с.

2. Lifton R. D. The Broken Connection: On Death and the Continuity of Life. N.-Haven: Yale University Press, 1979. 348 p.

3. Бердяев Н. А. Самопознание. М.: Лениздат, 2022. 398 с.

© Демидова М. А., Матвиенко Е. А., 2025

Доронин Юрий Петрович,
профессор кафедры философии
Волгоградской академии МВД России,
кандидат исторических наук, доцент

ОТВЕТСТВЕННОСТЬ КАК СОЦИАЛЬНО ВАЖНОЕ КАЧЕСТВО ЛИЧНОСТИ

Проблема формирования социально значимых качеств личности является основой для построения успешных отношений как в личной, так и в профессиональной жизни. Их развитие способствует не только личностному росту, но и улучшению качества жизни в обществе в целом. Важно осознавать значимость этих качеств и стремиться к их формированию в себе и окружающих.

В перечне социально значимых качеств личности, на наш взгляд, необходимо выделить ответственность.

В основе ответственности заложена общественная природа поведения человека: поскольку он не может существовать вне общества, следовательно, его интересы и потребности могут быть реализованы только благодаря взаимодействию с обществом в целом и с отдельными его представителями в частности [1].

В «Толковом словаре Ожегова» ответственность – это необходимость, обязанность отдавать кому-либо отчет в своих действиях, поступках [2].

Словарь по педагогике характеризует ответственность как «качество личности, проявляющееся в различных формах контроля личности над своей деятельностью, отражающего социальное, морально-правовое отношение к обществу, выражающееся в выполнении принятых нравственных и правовых норм и правил, своего долга, исполнении ролевых обязанностей, готовности дать отчет за свои действия» [3, с. 229].

Значимость ответственности как качества личности в современном обществе не вызывает сомнений. В условиях быстро меняющегося мира, социальных, экономических и экологических вызовов чувство ответственности становится не только личной добродетелью, но и жизненной необходимостью. Вот несколько причин, подчеркивающих актуальность этого качества:

– существующие проблемы, такие как изменение климата, социальные неравенства и глобальные конфликты, требуют от каждого человека осознания своей роли в их решении. Ответственность является важным элементом в борьбе с этими вызовами;

– взаимодействие в сообществе, работа в команде и поддержка друг друга основываются на доверии и взаимной ответственности. Ответственные люди способствуют созданию крепких, здоровых отношений и сообществ;

– ответственность становится основой для эффективного лидерства и профессионального роста. Лидеры, обладающие чувством ответственности, вдохновляют своих коллег и подчиненных, способствуя созданию продуктивной рабочей атмосферы;

– ответственность за собственные действия и решения поддерживает личностный рост. Люди, которые готовы учиться на своих ошибках и исправлять их, становятся более устойчивыми и способными к самосовершенствованию;

– в условиях разнообразия мнений и множественности ценностей ответственность помогает поддерживать моральные и этические стандарты. Это позволяет индивидам принимать решения, основанные на уважении и заботе о других;

– ответственные граждане активно участвуют в общественной жизни, принимают участие в выборах, волонтерстве и социальных проектах, что способствует демократическим переменам и улучшению качества жизни в обществе;

– осознание своей ответственности за жизнь, выбор и поступки формирует внутреннее спокойствие и уверенность. Люди, которые берут на себя ответственность, склонны испытывать меньше стресса и беспокойства, так как они контролируют свои действия и их последствия.

Испанский философ, публицист, общественный деятель Хосе Ортега-и-Гассет (09.05.1883–18.10.1955) в книге «Восстание масс» писал, что утрата ответственности заключается в том, чтобы отдаваться течению событий и не улавливать малейших признаков опасности. По его мнению, сегодня чувство ответственности нужно возбуждать и будоражить в тех, у кого оно сохранилось [4]. Философ считал, что общественная жизнь требует существования «достаточно способного меньшинства, чтобы организовывать, идейно вдохновлять и направлять другую часть общества, которая, в свою очередь, должна быть способна решать возложенные на нее проблемы и обладать чувством высшей ответственности» [5, с. 216]. Ортега также отмечал, что формирование душевной жизни означает появление чувства ответственности, к которому человек приговорен на всю жизнь [6, с. 92].

Необходимо осознавать ценность и значимость ответственности как социально важного качества личности в современном российском обществе. Указ Президента Российской Федерации от 9 ноября 2022 г. № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей» относит ответственность к традиционным ценностям: «К традиционным ценностям относятся жизнь, достоинство, права и свободы человека, патриотизм, гражданственность, служение Отечеству и ответственность за его судьбу, высокие нравственные идеалы, крепкая семья, созидательный труд, приоритет духовного над материальным, гуманизм, милосердие, справедливость, коллективизм, взаимопомощь и взаимоуважение, историческая память и преемственность поколений, единство народов России» [7, п. 5].

Как следует понимать ответственность за судьбу Отечества?

Ответственность за судьбу Отечества – это осознание своего участия в жизни страны и готовность действовать во благо ее будущего. Это понятие включает в себя несколько ключевых аспектов:

1. Проявление гражданской активности – участие в выборах, общественных движениях и волонтерских инициативах. Это позволяет влиять на принятие решений и развитие общества.

2. Осознание социальной ответственности – забота о благосостоянии окружающих, помощь тем, кто в ней нуждается. Это включает в себя активное участие в жизни сообщества и стремление к улучшению условий жизни.

3. Развитие культуры и образования – понимание истории, традиций и ценностей своей страны. Образование помогает формировать критическое мышление и осознанное отношение к происходящему.

4. Защита прав и свобод – стремление отстаивать права граждан и защищать демократические ценности. Это важно для поддержания справедливости и равенства.

5. Экологическая ответственность – забота о природе и устойчивом развитии. Ответственное отношение к окружающей среде влияет на будущее страны и ее жителей.

6. Постоянное личное развитие – непрерывное самосовершенствование, стремление к знаниям и навыкам, которые могут быть полезны обществу.

Ответственность за судьбу Отечества – это не только долг, но и возможность внести свой вклад в создание лучшего будущего для всех его граждан.

Таким образом, ответственность как качество личности является актуальным и важным в современном обществе. Она тесно связана со многими аспектами жизни и оказывает влияние на личное развитие, социальные отношения и общее благосостояние. Воспитание ответственности в себе и окружающих – это путь к созданию более гармоничного, справедливого и устойчивого общества.

Список библиографических ссылок

1. Карабанова О. Н., Трескин М. Ю., Хабарова Е. Н. Характеристика понятия «социально значимые качества личности». URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/harakteristika-ponyatiya-sotsialno-znachimye-kachestva-lichnosti/viewer> (дата обращения: 20.01.2025).

2. Толковый словарь Ожегова. URL: <https://dic.academic.ru/dic.nsf/ogegova/143382> (дата обращения: 20.01.2025).

3. Коджаспирова Г. М., Коджаспиров А. Ю. Словарь по педагогике. Ростов н/Д.: МарТ, 2005. 448 с.

4. Хосе Ортега-и-Гассет. Восстание масс. URL: <https://mybook.ru/author/hose-ortega-i-gasset-2/vosstanie-mass-2/citations/4912902/> (дата обращения: 21.01.2025).

5. Титов В. Ф. Футурологические идеи Хосе Ортеги-и-Гассета // Философия и общество. 1998. № 5. URL: https://www.socionauki.ru/upload/socionauki.ru/journal/fio/1998_5/201-219.pdf (дата обращения: 21.01.2025).

6. Портнов А. Н. Хосе Ортега-и-Гассет: от философии жизни к философии истории. URL: <https://www.isuct.ru/e-publ/vgf/sites/ru.e-publ.vgf/files/2007/vgf-2007-02-86.pdf> (дата обращения: 21.01.2025).

7. Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей: указ Президента Российской Федерации от 9 ноября 2022 г. № 809. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

© Доронин Ю. П., 2025

Зубкевич Лада Альбертовна,
доцент кафедры философии
Нижегородской академии МВД России,
кандидат философских наук

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ОТЕЧЕСТВЕННОГО ОПЫТА В РАБОТЕ С ОБУЧАЮЩИМИСЯ-ИНОСТРАНЦАМИ

Наше государство системно занималось подготовкой иностранных специалистов со второй половины XIX века. Феномен иностранца, приехавшего в Россию для обучения, наблюдался и ранее в нашей истории. Но целенаправленно государство стало заниматься этим с середины прошлого века. Зачем, почему эти явления были взяты под покровительство государства? Цель тогда и впоследствии, в период СССР, была одна – достичь устойчивых протекционистских позиций России в других государствах [1].

Данные позиции могут быть обеспечены тогда, когда в этих странах политику проводят люди, являющиеся нашими сторонниками, способные правильно и адекватно понимать Россию. Самый надежный способ – обучить выходцев из зарубежных стран, сделать их не только высококлассными специалистами, профессионалами своего дела, но и воспитать из них «друзей» нашей страны. Это отвечает национальным интересам России.

Наша страна имеет огромный опыт в подготовке иностранных специалистов, его необходимо применять с учетом современных реалий [2]. Главное, у высших учебных заведений и у государства при обучении иностранцев не может быть коммерческих целей, это не коммерческий, а государственно-политический и социально-культурный проект, материальная составляющая подчиняется соответствующим целям. Тогда обучение перестает быть услугой для обучающихся, учиться в России, особенно в системе МВД, это привилегия для друзей и партнеров, для лучших представителей этих стран.

В советское время была разработана прекрасная методика, целая система обучения – лингвострановедение. В ее основе три компонента. Ведущий компонент – коммуникативный (язык, другие особенности коммуникации). Язык усваивался через знания о нашей стране, ее культуре, быте и пр. Остальные компоненты – образовательный и воспитательный – базировались на первом. Эта система имела две ступени. На первой, языковой, обучающиеся усваивали знания элементов русской культуры, социально-психологические нормы нашей культуры, знакомились с русской действительностью (экскурсии, выезды и пр.). Ознакомление с действительностью может быть не только культурным, но и профессиональным.

На второй ступени было уже профессиональное обучение. Обучение на этой ступени могут проходить только те, кто успешно справился с первой. Обычно первую ступень называют подготовительными курсами. Далее иностранцев включали в группы с русскими обучающимися. На второй ступени учебная и внеучебная деятельность проходит в русской культурной среде.

Продолжалось «погружение» в русскую культурную среду при прохождении производственной практики на предприятиях, в организациях и пр. Большую роль в адаптации иностранных обучающихся играли общественные организации, которые привлекали их к своей работе, приглашали на встречи, беседы, дискуссии и пр. [3]

Постсоветская практика также показала, что обучение на второй ступени эффективнее именно в совместных группах. Изолирование иностранцев в отдельных группах, даже если

преподавание ведется на русском языке, снижает языковые навыки, приобретенные ранее, а также в этой ситуации происходит менее успешное освоение профессиональных предметов. Обучение на английском языке или на родном языке иностранных обучающихся дает еще более низкие результаты в усвоении профессиональных предметов. Внеучебная деятельность, участие в мероприятиях и в их подготовке также должны происходить совместно с русскими обучающимися.

Советский и российский опыт показал, что проживать иностранные слушатели должны отдельно, желательно селить соотечественников вместе. Такое проживание способствует психологической разгрузке, более качественному отдыху иностранцев, особенно на первых этапах обучения.

Немаловажным фактором, мотивирующим обучающихся для успешного освоения русского языка и культуры, было то, что выпускники получали два диплома: профессиональный по своим специальностям и дающий право преподавать русский язык у себя на родине [2]. Это было очень востребовано во времена СССР, не менее востребовано и сейчас.

Результативными были общие собрания студенческих общественных организаций, землячеств или просто студенческих групп. В ходе этих мероприятий возникшие проблемные ситуации разрешались на основе прежде всего морали, традиций нашего общества, а уже в последнюю очередь привлекались официально-юридические инструменты для работы с индивидуальными девиациями [4].

Перечисленные в данной статье примеры не исчерпывают весь накопленный опыт работы с иностранными обучающимися. Его нужно изучать и лучшее внедрять в современную работу. Приведенные нами методы и приемы применимы сегодня, более того, существуют успешные примеры такого применения [5].

Список библиографических ссылок

1. Захарченко С. С. Подготовка иностранных специалистов в отечественной системе профессионального образования: автореф. дис. ... канд. пед. наук. М., 2007. 22 с.
2. Анохина Т. Я., Панин Е. В. История и особенности обучения иностранных студентов в советских и российских вузах // Вестник РУДН. Серия «Теория языка. Семиотика. Семантика». 2014. № 4. С. 134–143.
3. Арефьев А. Л., Шереги Ф. Э. Иностранцы в российских вузах. М.: Центр социологических исследований, 2014. 228 с.
4. Хрипун В. А. Иностранцы в вузах Ленинграда в 1950-е – середине 1960-х годов. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/inostrannyestudenty-v-vuzah-leningrada-v-1950-e-seredine-1960-h-godov> (дата обращения: 19.02.2025).
5. Зубкевич А. А., Зубкевич Л. А. Профилактика терроризма в Российской Федерации: правовые и организационные основы на материалах Нижегородской области. Н. Новгород, 2023. 180 с.

© Зубкевич Л. А., 2025

Ивашевский Станислав Леонидович,
профессор кафедры философии
Нижегородской академии МВД России,
доктор философских наук, профессор

КАЧЕСТВО ОБРАЗОВАНИЯ: НОВЫЕ ТЕНДЕНЦИИ ОЦЕНИВАНИЯ

Несколько последних лет в жизни нашей страны характеризуются активизацией процессов по формированию обновленных систем государственного управления и экономического развития, выработке принципов и механизмов преобразования всех сфер общественных отношений в целях обеспечения всестороннего суверенитета и безопасности. Современные вызовы и угрозы российскому государству, народу, нашей национальной культуре потребовали от общества проявить силу духа, раскрыть лучшие стороны национального характера. Социальное единство на основе общих духовных ценностей, принятие каждым вызовов родной стране как лично значимых, готовность в реальных делах проявить свои патриотические чувства являются необходимым условием достижения стоящих перед Россией задач по обеспечению ее национальной безопасности и социально-экономического роста.

В условиях краха в российской действительности модели общества потребления, длительное время навязываемой нам извне, актуализируется запрос на национально ориентированное обновление модели социального развития с неременным изменением идеала современного человека и характера его образованности. Ценности потребления разрушают человека изнутри, делают его и все общество, живущее в беспринципном и эгоистичном мире личного интереса, уязвимыми перед любыми препятствиями достигнутого жизненного комфорта. Приоритет материального потребительства как фактор кризиса западной цивилизации, очевидно, стал неприемлем при решении задач обновления российского общества, и мы, как пишет А. Дугин, «присягаем свойственному как раз русской этике, русской традиции, русской культуре приоритету духовного над материальным..., тем самым мы и закладываем фундамент нашей собственной, альтернативной Западу общественной модели» [1].

Приоритет духовного над материальным представляется сущностным основанием для интеграции важнейших духовных скреп российского общества, включающих, согласно Указу Президента № 809, патриотизм, служение Отечеству и ответственность за его судьбу, высокие нравственные идеалы, крепкую семью, созидательный труд, гуманизм, милосердие, справедливость, коллективизм, взаимопомощь и ряд других в единую систему жизнеутверждающих начал российской цивилизации [2]. В этом смысле они становятся и главными приоритетами развития отечественного образования, изменяя его смысловые акценты с подготовки квалифицированных потребителей на формирование ответственных за свою страну граждан, активных творцов национальной культуры, преданных защитников своего народа, осознающих позитивную роль традиционных идеалов и ценностей нашего Отечества для будущего всего человечества.

Укрепление и развитие духовно-нравственных оснований жизни российского социума предполагает повышение статуса в системе образования социально-гуманитарных учебных дисциплин, как имеющих исключительное влияние на мировоззрение каждого учащегося, формирование его жизненных идеалов и системы ценностных ориентиров. Как отмечает А. Дугин, невозможно обеспечить государственное развитие, «опираясь только на техноло-

гические циклы и математические расчеты. Любая материалистическая мысль, даже самая яркая, ничего не значит без духовности и осознания здоровой цели» [3].

Необходимость усиления роли в образовании и воспитании молодого поколения гуманитарного знания регулярно подчеркивает в своих выступлениях Президент Российской Федерации. Так, например, в Послании Федеральному Собранию 2023 г. В. В. Путин сказал: «Мы должны серьезно повысить качество школьных, вузовских учебных курсов, по гуманитарным наукам прежде всего, – истории, обществознанию, литературе, географии, – чтобы молодежь могла как можно больше узнать о России, ее великом прошлом, о нашей культуре и традициях» [4], а в Послании 2024 г. отметил, что «Россия была и остается оплотом традиционных ценностей», которые помогут преодолеть любые проблемы и, став жизненными ориентирами для молодых людей, будут способствовать укреплению национального суверенитета и продолжению нашей истории [5].

Лидер нашей страны в своих выступлениях определил и востребованные историческими условиями характеристики идеала современного россиянина. «Настоящая элита, – считает В. В. Путин, – это все, кто служит России, труженики и воины, надежные, проверенные, делом доказавшие свою преданность России, достойные люди» [5]. Особо Президент выделяет в качестве социального образца тех, кто прошел школу боевых действий: «Люди другими отсюда выходят и готовы жизнь свою положить за Отечество, где бы ни работали» [4].

Таким образом, главное, что ожидается от российского образования, – это формирование прочных духовно-нравственных ориентиров, определяющих готовность молодых людей работать на благо своей страны и защищать ее в случае необходимости. Специальные же знания, на которые до сих пор делалась ставка в отечественном, прежде всего, высшем образовании, являются только приложением, которое всегда можно скорректировать соответственно изменениям сферы приложения усилий человека. Показательны в этом аспекте проекты «Лидеры России», «Лидеры возрождения». Их победители и финалисты, отметил Президент, стали добровольцами СВО, работают на освобожденных территориях, помогают налаживать жизнь, «при этом действуют профессионально, решительно и мужественно» [4].

Из этого можно заключить, что оценка качества образования сегодня предполагает обращение к уровню духовного развития учащихся, их идеалам, ценностям, практическому опыту обеспечения интересов своей страны и народа. Простой набор знаний, умений и навыков без духовной наполненности ценностями национальной культуры утрачивает всякий смысл. Качество образования сегодня – это качество человека как представителя своей национальной культуры, не разделяющего себя от судьбы своего народа, способного и устремленного к деятельному участию в обеспечении благополучия и прогрессивного развития Родины.

Список библиографических ссылок

1. Директива Дугина: отмена человека как финальная цель западной идеологии. URL: https://tsargrad.tv/articles/direktiva-dugina-otmena-cheloveka-kak-finalnaja-cel-zapadnoj-ideologii_669931?ysclid=m1s5twe4jr144216911 (дата обращения: 11.12.24).

2. Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей: указ Президента Российской Федерации от 11.12.2024 № 1000-Указ.

Федерации от 9 ноября 2022 г. № 809. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/48502> (дата обращения: 11.12.24).

3. Александр Дугин: обновленное общество без духовности не построить. URL: https://aif.ru/politics/russia/aleksandr_dugin_obnovlyonnoe_obshchestvo_bez_duhovnosti_ne_postroit?ysclid=m1s5q93nzp296698984 (дата обращения: 11.12.24).

4. Послание Президента Российской Федерации Федеральному Собранию 21 февраля 2023 г. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/70565> (дата обращения: 11.12.24).

5. Послание Президента Российской Федерации Федеральному Собранию 29 февраля 2024 г. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/messages/73585> (дата обращения: 11.12.24).

© *Ивашевский С. Л.*, 2025

Канунников Роман Игоревич,
доцент кафедры философии, психологии и гуманитарных дисциплин
Уральского юридического института МВД России,
кандидат психологических наук, доцент

МЕЖЛИЧНОСТНЫЕ КОНФЛИКТЫ В КУРСАНТСКОЙ СРЕДЕ ВЫСШИХ ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ МВД РОССИИ И ИХ ПРОФИЛАКТИКА

На сегодняшний день проблема межличностных конфликтов является очень актуальной. Благодаря средствам видеофиксации множество таких конфликтов становятся достоянием гласности, поэтому их разрешение бывает довольно сложным, часто с вовлечением правоохранительных органов. Курсантская среда не исключение, вот почему важно заниматься изучением данной проблемы в целях профилактики межличностных конфликтов.

Межличностные конфликты в курсантской среде в высших образовательных учреждениях МВД России изучали такие ученые, как Ю. В. Горшков, В. В. Кадурын, И. А. Анохина, А. В. Булгаков и др.

По мнению А. Д. Казакова, основу межличностных конфликтов в курсантской среде составляет вербальная агрессия. Именно она является провоцирующим моментом в процессе взаимодействия курсантов и подталкивает их к повышению эскалации сложившейся конфликтной ситуации [1, с. 57].

Необходимо понимать, что содержание межличностных конфликтов в курсантской среде затрагивает все сферы учебно-служебной деятельности. Курсантов важно учить выбирать наиболее эффективную стратегию поведения, такую как компромисс или сотрудничество. Неэффективная стратегия поведения всегда приводит к возникновению определенной психологической дистанции и увеличению напряжения в коллективе.

Абитуриенты, пройдя вступительные испытания, попадают в новую для себя среду. Учебно-служебная деятельность предполагает нахождение в режимном учебном заведении со своим уставом, требованиями, распорядком дня. Плюс ко всему жизнь в новом коллективе

на первоначальном этапе всегда приводит к притирке курсантов. Именно поэтому большинство межличностных конфликтов в курсантской среде возникает на первом курсе.

Первое, с чем сталкиваются курсанты, – это процесс адаптации к образовательному учреждению высшего образования МВД России. Курсанты попадают в изоляцию от привычного круга общения, день становится строго регламентированным, возникают новые требования, которые очень часто на первых порах наталкиваются на юношеский максимализм. Все это приводит к повышению эмоционального напряжения в коллективе и появлению конфликтных ситуаций. В процессе адаптации начинается формализация отношений даже в курсантском коллективе. Появляется командир группы и журналист, чьим распоряжениям необходимо подчиняться. Часто это может вызывать межличностные конфликты, потому что их распоряжения кажутся несправедливыми либо командир и журналист не обладают соответствующим авторитетом [2].

Следующим немаловажным фактором становится ограниченность социальных связей. Так, например, возникшую антипатию или неприязнь между курсантами нельзя решить способом избегания. Конечно, морально-психологический отдел занимается комплектованием групп, тем не менее встречается и психологическая несовместимость.

Как считает Т. А. Грозная, в отдельных случаях можно наблюдать и конфронтацию отдельно взятого курсанта с группой, в которой он находится. Такие случаи довольно редкие, но все равно случаются. Роль курсовых офицеров, профессорско-преподавательского состава состоит в поиске причин конфликтов и путей их решения. Все это представляет огромную проблему, если окружающие стараются этого не замечать, спуская на самотек данный аспект [3, с. 49].

Одним из самых важных факторов возникновения конфликтов в курсантской среде является неумение общаться. У вчерашних школьников часто встречается низкая культура общения, в результате чего возникают конфликтные ситуации. Курсовым офицерам важно неформально подходить к выполнению своих служебных обязанностей, знать характер взаимоотношений в вверенном им курсантском коллективе [4, с. 223].

У курсантов в межличностном общении могут проявляться сложившиеся речевые штампы и жаргонные выражения, которые трактуются другими неоднозначно и служат источником возникновения конфликтов в высших образовательных организациях МВД России.

Так, в межличностном и групповом общении курсантов часто присутствуют языковая агрессия, жаргонные выражения, языковые штампы – все это на фоне несоблюдения этических и коммуникативных норм.

В курсантской среде нередко возникают романтические отношения. Когда начинаются разлады в данных отношениях, сразу же начинаются конфликтные ситуации, которые переносятся и на коллектив. Этот фактор также должны учитывать курсовые офицеры, например, при назначении нарядов для того, чтобы не возникало излишней напряженности.

Еще одним возможным фактором возникновения межличностных конфликтов может являться и разница в менталитетах. Курсанты высших образовательных учреждений МВД России достаточно разнообразны по национальному признаку, поскольку обучаются не только граждане Российской Федерации, но и иностранцы. Это указывает на необходимость знакомить курсантов, курсовых офицеров и профессорско-преподавательский состав с национальными особенностями представителей тех народностей, которые обучаются в данном вузе [5, с. 237].

Важным фактором возникновения конфликтов являются также личностные особенности курсантов, например, повышенный уровень агрессии. Практически во всех ситуациях, когда обычное недоразумение в межличностном общении переводится в конфликтное поле, общей особенностью таких коммуникаций становится склонность оппонентов к агрессии. В качестве одного из распространенных видов агрессии выделяют вербальную: выражение негативных чувств как через форму (ссора, крик, визг), так и через содержание вербальных реакций (угроза, проклятья, ругань) [6, с. 157].

Таким образом, анализ факторов возникновения конфликтов в курсантской среде высших образовательных организаций МВД России позволил определить ряд мер по их профилактике:

снижение эмоциональной напряженности и повышение социально- психологического климата в коллективе;

учет личностных особенностей курсантов;

учет знаний национальных особенностей курсантов;

учет сложившихся взаимоотношений в коллективе между курсантами;

повышение уровня культуры общения за счет дополнительных курсов по бесконфликтному общению (не только для курсантов, но и курсовых офицеров и профессорско-преподавательского состава).

Список библиографических ссылок

1. Казаков А. Д. Особенности преодоления конфликтов в учебно-воспитательном процессе образовательного учреждения МВД России // Психопедагогика в правоохранительных органах. 2001. № 2. С. 55–60.

2. Феоктистова А. А. К вопросу о необходимости социально-педагогической профилактики конфликтов в курсантской среде (результаты пилотажного исследования) // Современные проблемы науки и образования. 2023. № 2. URL: <https://science-education.ru/ru/article/view?id=32490> (дата обращения: 03.09.2024).

3. Грозная Т. А. Стратегии преодоления кризисных ситуаций лицами, обучающимися в учреждениях МВД России // Пензенский психологический вестник. 2013. № 1. С. 44–68.

4. Горшков Ю. В., Кадурын В. В., Анохина И. А. Педагогическая технология по формированию компетентности в решении конфликтных ситуаций курсантов и слушателей образовательных учреждений МВД России // Вестник Воронежского института МВД России 2013. № 3. С. 220–225.

5. Булгаков А. В. Особенности проявления человечности в межличностных и межгрупповых отношениях как элемента национального менталитета у обучающихся в МосУ МВД России имени В. Я. Кикотя // Психология и педагогика служебной деятельности. 2022. № 4. С. 235–242.

6. Завьялова Е. К., Грозная Т. А. Специфика преодоления основных кризисных ситуаций курсантами и студентами // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2007. № 3 (35). С. 151–160.

© Канунников Р. И., 2025

Кобылкин Роман Александрович,
доцент кафедры философии
Волгоградской академии МВД России,
кандидат философских наук, доцент

ПРОБЛЕМЫ ГУМАНИТАРНОГО ОБРАЗОВАНИЯ В ВУЗАХ СИСТЕМЫ МВД РОССИИ

В современных условиях образование становится фундаментальной основой подготовки специалистов в процессе гуманитарного преподавания в вузах системы МВД России. Формирование компетентной, творческой, инициативной личности, способной успешно осуществлять профессиональную деятельность, является основной целью обучения и определяет его содержание.

В вузах органов внутренних дел России гуманитарные установки подвергаются серьезным испытаниям, что привело к двум точкам зрения по поводу видения дальнейшего развития гуманитарного образования. Во-первых, манипулятивный подход, при котором гуманитарные дисциплины используются для формирования заданных установок, а не критического мышления. Это противоречит принципам автономии личности и может снижать эффективность образования. Во-вторых, технократический подход, при котором гуманитарные знания считаются второстепенными. Однако в условиях цифровизации именно гуманитарная составляющая (этика, право, психология) становится ключевой для управления сложными социальными процессами, включая правоохранительную деятельность. Стремительное внедрение в образовательный процесс технологий искусственного интеллекта делает особенно острой данную проблему. Человеческая составляющая в образовательном процессе подвергается замещению на альтернативную. На данном этапе создаются реальные прототипы преподавателя, созданного на основе искусственного интеллекта. Что из этого получится, это большой (или «больной») вопрос для всего преподавательского сообщества.

Гуманитарное образование в условиях преподавания в вузах системы МВД России требует не только технологических навыков, но и адаптивности – способности работать с большими объемами информации, мультидисциплинарности – сочетания гуманитарных и цифровых компетенций. Новые этические вызовы связаны с внедрением в образовательный процесс искусственного интеллекта, особенно в правоохранительной сфере.

Следует отметить, что особенностью гуманитарных установок при получении высшего образования данного профиля является междисциплинарный характер, что способствует синтезу гуманитарного и естественно-научного познания как необходимых и дополнительных форм освоения специалистом «картины мира». Развитие гуманитарного образования предусматривает развитие творческого мышления, стимулирование познавательной деятельности учащихся, формирует устойчивое ценностное отношение к миру. Для полного раскрытия креативных возможностей обучающихся в образовательных заведениях правоохранительной системы предусмотрены гуманитарные дисциплины, такие как «История России», «Философия», «Профессиональная этика и служебный этикет», «Риторика», «Логика», «Социология», «Политология» и другие. Во многом это зависит от преподавателя, его умения научить мыслить и творить, задавать вопросы и на практике реализовывать полученные знания.

Цифровизация меняет гуманитарное образование, но не заменяя его, а усиливая точность анализа, например применение данных науки в социологии, криминологии. Открываются новые специализации: цифровая юриспруденция, киберпсихология, анализ соцсетей в оперативной работе. Гибкие образовательные форматы включают в себя онлайн-курсы, симуляторы, VR-тренинги для обработки коммуникативных навыков.

Чтобы преодолеть технократический уклон, можно внедрять гибридные курсы (например, «Цифровая этика для сотрудников МВД»), развивать междисциплинарные исследования, применяя нейролингвистику в допросах, или усиливать работу в мультикультурной среде при прогнозировании преступности.

Гуманитаризация в вузах МВД России не должна сводиться ни к идеологизации, ни к декларативности. Ее цель – формировать профессионалов, способных сочетать технологическую грамотность с гуманистическими ценностями, что особенно важно в эпоху цифровой трансформации.

Перечисленные выше доводы лишней раз доказывают необходимость реализации гуманитарных установок в преподавании в вузах системы МВД России для подготовки квалифицированных специалистов правоохранительных органов.

© *Кобылкин Р. А.*, 2025

Корниленко Александр Владимирович,
старший преподаватель кафедры организации
оперативно-разыскной деятельности
Академии управления МВД России,
кандидат политических наук

ПАТРИОТИЧЕСКОЕ СОЗНАНИЕ РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА В ПЕРИОД ПРОВЕДЕНИЯ СПЕЦИАЛЬНОЙ ВОЕННОЙ ОПЕРАЦИИ

Специальная военная операция (СВО), объявленная Президентом Российской Федерации, имеет одновременно амбициозные и благородные цели – денацификацию и демилитаризацию украинского государства, вставшего на путь неонацизма и геноцида пророссийски настроенного населения. Начатая как превентивная военная операция ограниченного масштаба за три неполных года СВО переродилась в полномасштабный локальный вооруженный конфликт с большим количеством человеческих жертв с двух сторон. Очевидно, что вооруженный конфликт (а СВО, по сути, им является) такого значения и ожесточенности требует от нашего государства и общества небывалой сплоченности в первую очередь в духовно-идеологическом плане. Роль своеобразного «топлива» здесь должен играть патриотизм наших граждан, основанный на исторически значимых для русского человека чувствах справедливости, порывах защитить слабого, готовности пожертвовать жизнью за свою Родину.

26 сентября 2024 г. в Интернете на одном из сайтов вышла статья Жанны Валевской под названием «Спи, страна огромная! – О принципе демобилизации общества» [1], вызвавшая много споров в Сети. Не вдаваясь в подробности о личности автора статьи, следует отметить, что затрагиваемые в ней вопросы подготовки нашей страны к специальной военной операции, внутренней политики, реализуемой военно-политическим руководством на данном этапе, и, самое главное – мотивации российского общества стоят достаточно остро и требуют своего осмысления.

Основной посыл, который хотела донести автор, состоит в том, что российское общество вместо внутренней мобилизации в столь сложный для страны период перешло в противоположную фазу «демобилизации» по тем или иным причинам. Под данной формулировкой понимается общая самоуспокоенность, порожденная отсутствием внятных целей и задач для достижения Победы, отчасти лишением морально-нравственных ориентиров и пр.

В рамках ограниченных возможностей данной статьи сложно всеобъемлюще оценить объективность суждений автора, однако очевидно, что обозначенная проблематика требует своего рассмотрения.

Бывший советник офиса президента Украины А. Арестович так высказался о современном состоянии российского общества после нападения вооруженных сил Украины на Курскую область: «Сотни тысяч украинцев пришли в военкоматы в первые дни и недели после российского вторжения. Что мы видим в Курской области:

- 1) ни одного коктейля с зажигательной смесью не брошено в украинскую технику;
- 2) никто не вышел защищать свой двор, улицу, поселок;
- 3) очередей в военкоматы нет ни в Курске, ни в Москве, нигде бы то ни было в большой стране» [2] и т. д.

Как бы мы не относились к репликам беглых украинских пропагандистов, глупо отрицать, что проблема отсутствия общего патриотического единения в нашем обществе существует. Да, есть масса примеров, когда российские граждане помогают фронту, тем самым внося вклад в нашу будущую Победу. Это и работа студенчества на заводе по производству беспилотников в Елабуге (Республика Татарстан), и волонтерские движения, снабжающие воинские части всем необходимым, и просто обычные российские мужчины, ушедшие добровольцами на фронт.

Однако будем честны: массового, общегосударственного характера эти процессы не носят, что объясняется объективными и субъективными причинами.

Объективной причиной, на наш взгляд, является отсутствие внятной государственной идеологии, на основе которой и должна строиться вся остальная жизнь, дальнейшая деятельность нашего общества. Конституционный запрет на ее наличие хоть и объясним, но вряд ли жизнеспособен в долгосрочной перспективе.

Неоднократные «жесты доброй воли» по отношению к противнику, отсутствие должной реакции на пересечение врагом «красных линий», желание ведения переговоров с нелегитимной украинской властью (к тому же еще и нацистской, судя по целям СВО) не способствуют рождению патриотического порыва в душе рядового россиянина, скорее наоборот. И враг, используя профессиональные возможности своей пропаганды, этим пользуется.

Отсюда появляются и причины субъективного характера. Существенная часть россиян не понимает, что мы защищаем в этой войне, ради чего нужно жертвовать своей жизнью, тем

более, что Родина напрямую и не призывает к этому (отсутствует всеобщая мобилизация граждан и промышленности).

Ситуация, когда участники СВО в камуфлированной военной форме воспринимаются в общественных местах как «фрики», ненормальна. Появилось даже такое обобщающее для всех причастных к военной операции и абсолютно неприемлемое название, как «зэтники». Общеизвестны факты, когда военнослужащих, прибывших с фронта, не пускали в кафе по надуманным предлогам, высаживали из такси. Невозможно представить, чтобы во время Великой Отечественной войны или по ее окончании ветеранов прилюдно унижали по каким-либо мотивам. Чиновничья фраза, родившаяся во времена войны в Афганистане «мы вас туда не посылали», к сожалению, продолжает жить, как бы нам того не хотелось.

Проблема, как представляется, состоит в том, что в России вооруженный конфликт воспринимается (по крайней мере на официальном уровне) как специальная военная операция, а на Украине – как война, носящая экзистенциальный для нее характер. Причем украинская нация едина во мнении, что для поражения «москалей» все методы хороши. Именно поэтому обстрелы мирных городов из реактивных систем залпового огня, казни наших военнослужащих, террористические акты на территории России не являются для них чем-то табуированным. Наоборот, члены националистических батальонов воспринимаются как герои, проводят в школах свои «уроки мужества», награждаются президентом Украины.

Выходом из сложившейся неприемлемой ситуации, как бы это банально не звучало, является трезвая оценка действительности, признание собственных ошибок (в том числе стратегического характера), постановка целей и задач по исключению их в будущем, формулирование ясных критериев Победы, что, безусловно, сплотит общество в столь сложный период.

Список библиографических ссылок

1. Валевская Ж. «Спи, страна огромная!» – О принципе демобилизации общества. URL: <https://vk.com/@jeannev-spi-strana-ogromnaya-o-principe-demobilizacii-obschestva?ysclid=m1ncn92ash145174823> (дата обращения: 06.10.2024).
2. Официальный Телеграм-канал А. Арестовича. URL: https://t.me/O_Arestovich_official/6052 (дата обращения: 06.10.2024).

© Корниленко А. В., 2025

Крикунов Александр Евгеньевич,
студент 4 курса направления подготовки бакалавриата «Социология»
Волгоградского государственного университета;
Научный руководитель: Беликова Екатерина Олеговна,
доцент кафедры российской государственности,
социологических и политических наук
Волгоградского государственного университета,
кандидат социологических наук, доцент

МЕЖКОНФЕССИОНАЛЬНОЕ ЕДИНСТВО В ОГНЕ СТАЛИНГРАДА

Религия на протяжении многих веков являлась и продолжает являться неотъемлемой частью социума, диктуя свою мораль и нормы, которые описаны в священных писаниях. Эти нормы и моральные принципы, часто транслируемые через религиозные институты и обряды, оказывали и продолжают оказывать глубокое влияние на все аспекты жизни людей – от семейных отношений и воспитания до политических взглядов и экономических практик. Священные тексты, трактуемые различными религиозными школами и течениями, формируют систему верований и ценностей, определяющих поведение и мировоззрение верующих.

На сегодняшний день охрана религиозного наследия, особенно его нематериальной составляющей, становится сложной задачей, что обусловлено как правовыми, так и социокультурными факторами. Российское законодательство, ориентированное в первую очередь на материальные объекты культурного наследия, до недавнего времени оставляло за пределами внимания нематериальную сторону религиозных традиций. Хотя на уровне концепций и программ признается важность нематериального культурного наследия, религиозный его аспект остается недостаточно проработанным [1]. Это создает ситуацию, при которой ценные формы религиозных выражений, такие как обряды, устные предания, музыкальные произведения и духовные практики, оказываются уязвимыми перед процессами модернизации и глобализации. Отсутствие явного выделения религиозного компонента в нормативных документах является существенным пробелом. В то же время именно эта нематериальная составляющая религиозного наследия – вера, духовные практики, ценности – становится особенно значимой в периоды кризисов и социальных потрясений, выступая источником устойчивости, надежды и солидарности.

Необходимость государственного регулирования в отношении религиозного наследия усилилась на фоне распространения экстремистских идей, использующих религиозные догмы в деструктивных целях. Подъем религиозного экстремизма с 1990-х гг. заставил государство обратить внимание на содержание вероучений и их влияние на общество. Стратегия государственной культурной политики выделила угрозы, связанные с ростом нетерпимости и агрессии, размыванием традиционных ценностей и использованием псевдорелигиозных организаций для осуществления экстремистской деятельности [2].

В контексте военной истории региона, особенно в период Сталинградской битвы, становится очевидным, что именно нематериальное религиозное наследие, переданное из поколения в поколение, играет критическую роль в формировании сопротивления, духовной силы и способности к восстановлению общества, так как военные действия привели к масштабной деструкции культовых сооружений, выступающих центрами религиозной жизни

и важными символами конфессиональной принадлежности. Уничтожение материального наследия подчеркнуло роль нематериальных элементов, таких как вера, моральные устои и духовные практики, в процессе преодоления тяжелейших военных испытаний. Следствием военного опыта стало временное нивелирование конфессиональных различий, обусловленное общей трагедией и стремлением к выживанию, что способствовало консолидации населения независимо от религиозной принадлежности.

В период Сталинградской битвы Русская Православная Церковь (РПЦ) осуществляла активную деятельность, интегрирующую традиционные религиозные практики с патриотической риторикой, что обусловило ее значимую роль как в духовной, так и в социокультурной сферах. В условиях интенсивных военных действий религиозные обряды приобрели особую значимость, функционируя как источник надежды, консолидации и моральной поддержки как для населения, находящегося в эпицентре конфликта, так и для солдат [2, с. 11].

Одним из ключевых элементов данной деятельности являлись молебны, посвященные победе советского оружия. Эти обрядовые действия, проводимые как в сохранившихся церковных сооружениях, так и непосредственно на фронтовых позициях, выполняли двойную функцию [3]. Во-первых, они способствовали укреплению духовно-психологического состояния военнослужащих, обеспечивая им внутреннее равновесие и надежду на успех в условиях повышенной опасности и неопределенности. Во-вторых, молебны, осуществляемые в присутствии гражданского населения, выступали в качестве значимого символического акта, демонстрируя единство усилий различных социальных групп и этнических общностей в борьбе с фашизмом. Данные коллективные молитвенные практики формировали чувство сопричастности общему делу и укрепляли патриотический дух, подчеркивая, что каждый индивид, независимо от социального статуса или этнической принадлежности, вносит вклад в защиту государства. Таким образом, молебны не только выполняли религиозную функцию, но и служили инструментом мобилизации общественного мнения и укрепления национального единства.

Другой значимой формой религиозной активности в период Сталинградской битвы являлись панихиды в память о павших воинах [3, с. 25]. Эти траурные обряды обеспечивали возможность не только почтить память погибших, но и выразить общую скорбь и соболезнование, способствуя формированию чувства коллективной печали и сопереживания. Панихиды выступали важным психологическим механизмом, помогающим населению справиться с потерями и мобилизовать внутренние ресурсы для продолжения борьбы. Участие в этих обрядовых практиках объединяло различные социальные группы в общем молитвенном действии, выражая надежду на победу и просьбы о защите Родины. Панихиды не только оказывали психологическую поддержку скорбящим, но и способствовали поддержанию их моральной стойкости, закрепляя значимость памяти о героях.

Таким образом, деятельность РПЦ в период Сталинградской битвы выходила за рамки конфессиональной сферы. Обрядовые действия, осуществляемые церковью, являлись мощным социокультурным фактором, способствовавшим духовному подъему и консолидации общества в тяжелейших условиях войны. Традиционные религиозные практики, адаптированные к условиям военного времени, функционировали не только как форма религиозного выражения, но и как значимый инструмент патриотического воспитания и моральной поддержки населения, оказывая влияние на его готовность к преодолению трудностей в одном из наиболее значимых сражений Великой Отечественной войны. Именно в этот период наи-

более ярко проявился потенциал религии в своем нематериальном воплощении стать ресурсом устойчивости и духовного единства.

В тот же период мусульманское духовенство, наряду с представителями иных конфессий, также играло значимую роль в поддержке государства. Однако в контексте Сталинградской битвы конкретные документальные источники и/или исследования отсутствуют, из-за чего тема влияния Духовного управления мусульман (ДУМ) на население и войска в период Сталинградской битвы также отсутствует. Несмотря на это, анализ имеющихся данных о деятельности ДУМ в период Великой Отечественной войны позволяет сформулировать ряд выводов.

Так, в начальный период Великой Отечественной войны Духовное управление мусульман Северного Кавказа (ДУМСК), подобно религиозным структурам других регионов СССР, посредством публичных обращений к мусульманскому населению подчеркивало священный долг защиты Родины [3, с. 30]. В заявлениях ДУМСК содержались призывы к мобилизации как среди военнослужащих, так и среди гражданского населения, работающего в тылу. Верующим мужчинам и женщинам предписывалось сражаться с врагом до полного его уничтожения, а также максимально эффективно трудиться в тылу для усиления армии и государства. В своих заявлениях ДУМСК обещало усилить молитвы за скорейшее поражение гитлеровской Германии и за победу Советского Союза и его союзников. Это свидетельствует об активном участии мусульманского духовенства Северного Кавказа в мобилизационной кампании и формировании патриотического настроения среди мусульманского населения.

К тому же локальные мусульманские общины осуществляли сбор материальных средств для оказания помощи фронту и раненым, проводили благотворительные акции, способствуя укреплению социального единства и патриотического настроения среди населения. Отмечается также вклад мусульманского духовенства в укрепление межконфессионального согласия в регионе, поскольку представители мусульманской общины, наряду с приверженцами других вероисповеданий, участвовали в общем противостоянии фашизму.

Обращаясь же к нематериальному наследию, важно отметить тот факт, что исламские обрядовые практики и молитвенные ритуалы также выступали в качестве источника духовно-психологической поддержки для верующих мусульман. Молитвы о победе, о защите семей и близких проводились как в мечетях, так и в местах временного пребывания мусульман. Данные религиозные практики обеспечивали психологическую разгрузку и вселяли в верующих надежду на благоприятный исход войны. Поминальные молитвы, проводимые имамами по погибшим воинам, оказывали помощь родственникам в переживании горя и выражении скорби.

Таким образом, анализ деятельности Русской Православной Церкви (РПЦ) и Духовного управления мусульман (ДУМ) в период Сталинградской битвы, рассматриваемый в социологической перспективе, показывает, что религиозные институты играли многогранную роль, выходящую за рамки традиционных религиозных функций [4].

Действия РПЦ и ДУМ можно интерпретировать как эффективные стратегии социальной мобилизации и консолидации общества в условиях экстремального социального стресса, связанного с войной. Молебны, панихиды и публичные призывы духовенства служили мощными инструментами формирования коллективной идентичности, укрепления патриотизма и сплочения населения независимо от конфессиональной принадлежности. Временное сглаживание межконфессиональных различий, наблюдавшееся в период Сталинградской битвы,

подтверждает способность религии объединять людей перед лицом общей угрозы. Религиозные обряды и практики выступали как важный психологический ресурс, помогающий преодолеть травматические последствия войны и найти духовную поддержку в условиях неопределенности [5].

Важно отметить, что эта деятельность напрямую связана с передачей и трансформацией нематериального религиозного наследия. Вера, молитва, обряды – все это элементы нематериального наследия, которые в экстремальных условиях войны приобрели особую актуальность и силу, формируя и поддерживая коллективную идентичность и духовную стойкость населения. Масштабное разрушение материальных объектов религиозного наследия (храмов, мечетей) еще больше подчеркнуло значимость этой нематериальной составляющей. Послевоенный период продемонстрировал попытки восстановления материального наследия, но нематериальное наследие, заложенное в опыте войны, продолжило свое влияние на религиозную жизнь региона.

Список библиографических ссылок

1. Историко-культурное наследие Волгоградской области: материалы науч.-практ. проекта / редкол.: И. В. Власюк, Е. О. Беликова, С. А. Панкратов [и др.]. Волгоград: ВолГУ, 2024. 148 с.

2. Пепеляева С. В. Религиозное нематериальное культурное наследие как социокультурный феномен и объект государственной охраны // Культурное наследие России. 2021. № 2. С. 9–15.

3. Керов В. Л. Русская Православная Церковь и Сталинградская битва (к вопросу о роли Церкви в развитии общенародного патриотизма) // Вестник РУДН. Серия «Международные отношения». 2003. № 1. С. 25–37.

4. Сулаев И. Х. Мусульманское духовенство в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. // Военно-исторический журнал. 2007. № 5. С. 24–26.

5. Belikova E., Nesterova A., Sgibneva O. Electronic Environment for the Functioning of the Regional Socio-cultural Brands of the Volgograd Region // Lecture Notes in Networks and Systems. 2022. Vol. 342 LNNS. P. 911–918.

© Крикунов А. Е., 2025

Матвиенко Евгений Алексеевич,
начальник кафедры философии
Волгоградской академии МВД России,
кандидат философских наук, доцент

ФОРМИРОВАНИЕ НАЦИОНАЛЬНО-КУЛЬТУРНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ СОТРУДНИКА ПРАВООХРАНИТЕЛЬНЫХ ОРГАНОВ КАК ВАЖНЕЙШИЙ ЭЛЕМЕНТ ЕГО ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ПОДГОТОВКИ

В XXI столетии человечество вынуждено существовать в условиях предельно усложнившегося мира, который стремительно эволюционирует во времени и распадается на множество локальных вариантов, нередко сосуществующих в рамках одного государства (а то и одного города!). Этот изменяющийся на наших глазах мир известнейший английский исследователь З. Бауман предложил обозначить термином «текучая современность» [1]. Не менее популярный немецкий философ У. Бек предлагает говорить о нем как об «обществе риска» [2].

Излишне уточнять, что этот мир предъявляет к личности сотрудника правоохранительных органов весьма высокие требования. Некоторые из них вполне очевидны. Сегодня высококвалифицированный полицейский должен свободно ориентироваться в различных отраслях национального и международного права, уметь использовать новейшие достижения науки и техники, быть хорошо подготовленным физически и устойчивым психологически.

Все перечисленные (как и целый ряд других узкопрофессиональных компетенций) компетенции необходимы правоохранителю для успешной работы. Однако их, на наш взгляд, совершенно недостаточно.

Прежде всего, для человека, стоящего на страже закона, необходим твердый духовно-нравственный стержень. К базовым характеристикам морального облика полицейского мы уже имели возможность обратиться в одной из предшествующих публикаций. Здесь лишь повторим сделанный в ней вывод: для защитника правопорядка критически важны его желание и готовность «служить и защищать». Служить своей стране и своему народу, защищать людей, оказавшихся в сложной ситуации, ставших жертвами преступных посягательств. А такого рода желание и готовность немислимы без способности к сопереживанию, обостренных чувств справедливости и долга, готовности поставить интересы общества выше своих личных интересов, патриотизма [3].

Коснемся подробнее последнего из названных качеств. Само понятие патриотизма оказалось в последнее время в центре оживленных научных и политических дискуссий. В 90-е гг. прошлого века пришедшие к власти в России либеральные реформаторы попытались (увы, безуспешно) всячески дискредитировать это понятие, поставив на место любви к Родине личную выгоду и комфорт. Вновь было введено в оборот прозвучавшее еще в XVIII столетии высказывание англичанина Сэмюэля Джонсона: «Патриотизм – это последнее прибежище негодяя». Подспудное внедрение этой мысли в сознание общества во многом предопределило те испытания, которые России (да и другим постсоветским государствам) пришлось пережить.

Сегодня мы пытаемся исправить ошибки недавнего прошлого, вновь обращаемся к патриотическому дискурсу. Но следует иметь в виду, что патриотизм – это – как и все явления духовной жизни общества – материя весьма тонкая и сложная. В науке высказываются раз-

личные мнения о его сущности. Нам представляется плодотворным понимание патриотизма, предложенное российскими исследователями А. В. Кузьминым и Ю. Н. Трифоновым. Они определяют патриотизм как комплексное духовно-практическое образование, в основе которого лежит патриотическое сознание, выражающееся в патриотическом отношении, проявляющееся в патриотической деятельности [4].

Однако вполне очевидно, что патриотами люди не рождаются. Что же именно делает человека патриотом своей Родины? И какими «измерительными приборами», по каким критериям можно зафиксировать наличие у человека столь тонкого душевного качества, как подлинный патриотизм?

На наш взгляд, с достаточной определенностью говорить о конкретной личности как о патриоте своей страны и своего народа можно, лишь отталкиваясь от ее реальных поступков, от готовности не на словах, а на деле защищать интересы своей страны и своего народа, преодолевая при этом любые трудности и опасности. Глубинной же предпосылкой такой готовности (как в эмоционально-психологическом, так и в интеллектуальном плане) является отождествление личности с «материнской» культурой, плотью от плоти которой она себя ощущает, иначе говоря – наличие у индивида соответствующей национально-культурной идентичности. Если сотрудник полиции не чувствует своей причастности к происходящему вокруг него, если он не «укоренен» в истории и культуре своего общества, не является носителем соответствующих ментальных установок и ценностей – его профессионализм, на наш взгляд, оказывается под большим вопросом. А сформированная надлежащим образом национально-культурная идентичность выступает как существенный элемент профессиональной состоятельности.

Проблема идентичности (этнической, религиозной, языковой и т. д., в конечном счете – национально-культурной идентичности в целом) предельно актуальна сегодня как для отдельных индивидов и социальных групп, так и для целых обществ. Все, что связано с формированием (обретением, поддержанием, изменением, утратой) идентичности, становится предметом обостренного внимания. Его причина видится в двух (очевидно, взаимосвязанных) трендах общественного развития. Наиболее полно и ярко они проявляют себя в пространстве Западной цивилизации, но и в других регионах земного шара весьма заметны. Речь здесь идет о глобализации и переходе к постсовременному обществу.

Глобализационные процессы в XX и особенно XXI столетии резко ускорились. В какой-то момент возникла иллюзия (разделявшаяся целым рядом ученых и философов), что становление принципиально новой социальной общности – человечества в целом – с единой экономикой, политикой и культурой является делом ближайшего времени. Сегодня очевидно, что эти прогнозы были излишне оптимистичны. В последние годы процессы глобализации замедлились, а в ряде случаев и вовсе можно говорить о выраженной деглобализации.

В свою очередь, системообразующим принципом постсовременности (постмодерна) был объявлен безграничный плюрализм всего и вся – ценностей, убеждений, привычек, вкусов, образов жизни и т. д. Уже в конце 70-х гг. прошлого века Ж.-Ф. Лиотар объявил о смерти «великих идей», названных им «метанарративами». К числу последних было причислено буквально все, что направляло и вдохновляло на свершения еще в середине XX века: Бог, истина, любовь, свобода, справедливость, красота, Родина, права человека, коммунизм, демократия... Все это провозглашалось лишь идеологическими конструкциями, за которыми отчетливо просматриваются частные интересы, а то и вовсе сугубо субъективными, оценочными сужде-

ниями отдельных индивидов, каждый из которых видит мир по-своему (и имеет на такое видение полное и безоговорочное право).

Обе обозначенные тенденции проблематизировали идентичность. Апологеты глобализации заявляли о бессмысленности идентифицировать себя с какими-либо общностями, поскольку сами эти общности размываются и становятся сугубо номинальными – соответственно, среднестатистический узбек уже мало чем отличается от среднестатистического русского, китайца или француза. А в калейдоскопичном мире постмодерна в принципе не существует ничего мало-мальски устойчивого, раз и навсегда данного. Абсолютно все (в том числе этническая и религиозная принадлежность, язык, гражданство, сексуальная ориентация, даже раса и пол) есть предмет рационального (а во многих случаях, напротив, совершенно иррационального) выбора индивида.

На фоне подобных теоретических построений роль национально-культурной идентичности в жизни общества и человека рассматривалась как нечто малозначительное. Предполагалось, в частности, что этничность и религия как важнейшие маркеры идентичности фактически обречены, дни их сочтены, поскольку они полностью принадлежат традиционному и (в меньшей степени) современному типам общества. С первым из них Запад давно распрощался, да и модерн на наших глазах стремительно отступает под натиском постмодерна. Экономическая, политическая, культурная глобализация, мощнейшие миграционные потоки и идеология мультикультурализма, как казалось, неизбежно отодвинут этническое и религиозное в область глубокой архаики.

Однако, как показывает социальная практика третьего тысячелетия, ничего подобного не произошло. Принадлежность к определенной этнической группе и религиозной традиции сегодня не просто крайне важна за пределами Западной цивилизации – она переходит в контрнаступление, возвращая себе утраченные позиции в ведущих странах Запада, позиционирующих себя в качестве флагманов постмодерна.

Более того, вопреки ожиданиям, глобализационные и постмодернизационные тенденции во многом предопределили тот «взрыв идентичности», который мы сегодня повсеместно наблюдаем. В мутном потоке перемен, размывающем традиционные ценности, все больше людей хотят обрести «твердую почву» под ногами. Отсюда – обращение к истории, к традиции, стремление сохранить национальную и религиозную идентичность либо обрести их вновь. Культурологи подчеркивают, что сегодня мы сталкиваемся с принципиально новыми механизмами проникновения различных компонентов культуры через политические границы. Увеличиваются интенсивность и объем культурного взаимодействия. Скорость межкультурных обменов растет, а связанные с ними задержки, напротив, снижаются. На ведущие роли выходит массовая культура, скроенная преимущественно по западным лекалам [5]. Конституирование глобальной культуры, часто фактически сводящееся к «американизации» культур национальных, сопровождается всплеском интереса к «локальным» культурным различиям, ведет к их подчеркиванию и углублению.

К сожалению, нередко конфликтные взаимодействия между глобальной и локальными культурами настолько серьезны, что заставляют вспомнить классический труд Сэмюэля Хантингтона «Столкновение цивилизаций». Еще в конце XX века он указывал, что определяющие, наиболее масштабные конфликты в «постидеологическом» мире будут провоцироваться прежде всего культурными различиями, представлять собой столкновение различных идентичностей [6].

Разумеется, такого варианта развития событий хотелось бы избежать (или, по крайней мере, минимизировать его деструктивные последствия). Но не менее опасен и отрицающий значимость национально-культурной идентичности «беспощадный космополитизм» (термин К. Аппиа). Именно из него проистекает представление о «цивилизаторской миссии» европейцев, навязывавших остальному миру «свои якобы более совершенные взгляды и порядки, зачастую огнем и мечом» [7]. Их духовные и политические наследники пытаются и сегодня сохранить неокOLONиальную систему, прибегая к риторике «защиты демократии», «толерантности» и «универсальных прав человека», отрицая во имя этих абстрактных принципов право народов на культурное своеобразие, походя (а нередко и целенаправленно) разрушая их национально-культурную идентичность.

Не следует забывать, что последняя выполняет целый ряд важных для общества функций, в том числе прямо связанных с одной из основных целью деятельности правоохранительных органов – обеспечением национальной безопасности. С. В. Соколовский выделяет три базовые функции в указанной сфере: утилитарную, мировоззренческую и гуманитарную [8].

Первая из них сводится прежде всего к обеспечению человеку «убежища». Именно в рамках идентичности индивид стремится получить защиту и поддержку «своей» группы – как символическую, так и вполне реальную (например, экономическую). Такая группа играет роль своеобразного «родного очага», помогает преодолеть отчуждение, избавиться от одиночества, обеспечить душевный комфорт, оптимизировать контакты в социальном пространстве.

Мировоззренческая функция способствует становлению национально-культурной картины мира. Эта функция идентичности реализуется прежде всего посредством языка. Последний всегда предполагает некие формы дискурса, через который и задается представление о мироустройстве.

Наконец, гуманитарная функция идентичности демонстрирует нам культурное богатство мира, претензии каждой из культур на «собственное лицо», признание ее вклада в мировую цивилизацию.

Перечисленные выше функции в случае своей эффективной реализации позволяют обеспечить связанному узами идентичности обществу достаточный уровень безопасности даже в условиях острых конфликтов и кризисов постсовременного мира. Следовательно, поддержание и укрепление национально-культурной идентичности, в том числе ее символических аспектов, непосредственно будут способствовать решению тех задач, которые стоят перед органами поддержания правопорядка. Однако защищать эту идентичность «извне», исключительно по долгу службы, очевидно, невозможно – как нельзя быть патриотом своей страны в публичном пространстве и пренебрегать ее интересами в частной жизни. Иначе говоря, способствовать укреплению той или иной здоровой (т. е. исключающей агрессию и высокомерие по отношению к другим) идентичности можно, только будучи ее носителем. Следовательно, интеграция в национальную культуру, осознание своих исторических корней, понимание общности исторической судьбы народа, частью которого ты являешься – это то, что в обязательном порядке должно быть частью подготовки высококвалифицированного сотрудника полиции.

Список библиографических ссылок

1. Бауман З. Текущая современность. СПб.: Питер, 2008. 238 с.

2. Бек У. Общество риска. На пути к другому модерну. М.: Прогресс-традиция, 2000. 381 с.
3. Матвиенко Е. А. Формирование ценностной сферы сотрудника правоохранительных органов // Инновационное сотрудничество науки, образования и практики в правоохранительной деятельности: современные тенденции: материалы Междунар. науч.-практ. форума. Ташкент: Академия МВД Республики Узбекистан, 2023. С. 81–86.
4. Кузьмин А. В., Трифонов Ю. Н. О структуре патриотизма // Сборник молодежных общественных организаций и структурных подразделений городов и районов Тамбовской области. Тамбов: Комитет по делам молодежи администрации Тамбовской области, 2009. С. 69.
5. Глобальные трансформации: политика, экономика, культура / Д. Хелл, Д. Гольдблатт, Э. Макгрю, Дж. Перратон. М.: Праксис, 2004. С. 402–403.
6. Хантингтон С. Столкновение цивилизаций. М.: АСТ, 2003. 640 с.
7. Аппиа К. Э. Этика идентичности. М.: Новое литературное обозрение, 2024. С. 403–404.
8. Соколовский С. В. Парадигмы этнологического знания // Этнологическое обозрение. 1994. № 2. С. 3–17.

© Матвиенко Е. А., 2025

Сикилинда Станислав Владимирович,
аспирант кафедры социальных и гуманитарных наук
Южно-Российского государственного
политехнического университета (НПИ) им. М. И. Платова

КУЛЬТУРНО-ФИЛОСОФСКИЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЯ ОБ ОТЦОВСТВЕ: ТЕНДЕНЦИИ ФОРМИРОВАНИЯ И ПЕРСПЕКТИВЫ ИЗУЧЕНИЯ

В настоящий момент у молодых мужчин складываются представления об отцовстве, отличные от тех, которые были приняты предыдущими поколениями. Очевидно, что они сильнее, чем представители предшествующих поколений, стремятся к более широкому подходу к отцовству, прилагают усилия для реализации такой онтологической позиции на практике. В частности, с точки зрения культурно-философских стереотипов представления об отцовстве значительно меняются. Художественная литература, кинематограф, реклама открывают читателям и зрителям новые грани отцовства [1, с. 193]. В основе этих представлений об отцовстве лежит раскрытие эмоциональных аспектов всего комплекса отношений между отцом и ребенком. Подавляющее большинство мужчин по-прежнему хотят трудиться полный рабочий день и одновременно исчерпывающе выполнять традиционную функцию кормильца семьи. Эта модель многомерно реализуется в концепции гегемонистской маскулинности.

Вовлеченное отцовство контрастирует с такой традиционной мужской моделью жизненной повседневности, в которой все подчинено оплачиваемой профессиональной деятель-

ности, поэтому многие отцы испытывают двойственность и внутренние противоречия. Процессы, связанные с дерегулированием и смещением границ профессиональной деятельности, влияют на процессы создания семей, планирование родительских обязанностей и отцовство. В настоящее время можно наблюдать переформулировку понятия «примирение», обозначающего нейтральное с гендерной точки зрения решение проблемы баланса между занятостью на работе и семейной жизнью.

Культура отцовства включает в себя определенную систему норм, ценностей, убеждений и выразительных символов. Эта культура не предназначена для обозначения всего, что имеет отношение к отцовству, но ограничивается сетью значений и интерпретационных практик (т. е. символических взаимодействий), имеющих отношение к отцовству. По сути, она состоит из таких следующих параметров, как:

1. Комплекс конвенциональных норм, которым должны следовать:

- мужчины, когда они становятся отцами или собираются ими стать;
- дети, когда они в игровой форме выполняют функцию отца.

2. Отношение и чувства, которые люди испытывают к отцам.

3. Знания о том, что отцы делали в прошлом и что они делают и способны делать в будущем.

4. Церемонии и ритуалы, восхваляющие социально-семейный институт отцовства.

Поведение отцов включает в себя рутинные действия семейных мужчин, когда они ведут себя «по-отечески». Смена подгузника, кормление ребенка, наблюдение за ребенком, игры с дочерью или сыном, доступность (в частности, возможность обеспечить уход за ребенком) и психологическая вовлеченность (например, размышления о потребностях ребенка) – все это является частными проявлениями поведения отцов.

Отцовство – это не только социально-семейная практика или факт, обусловленный биологическим полом и гендерной принадлежностью, но и воплощенный и инкорпорированный габитус, который создается конкретными нарративами. Поэтому, если мы сосредоточимся на этих нарративах, мы могли бы противопоставить нарративы мужественности и отцовства друг другу и проследить за их конвергентным развитием как в социальном, так и индивидуальном плане. Нынешние изменения в представлениях об отцовстве не могут быть проанализированы на релевантной основе с точки зрения функционирования отдельных подсистем (экономики, политики, семьи, права или культуры). Требуется междисциплинарная перспектива, которая связывает тенденции и процессы социальных изменений, влияющих на социально-семейный институт отцовства в различных сферах, задействует различные дисциплинарные методы.

Мы предлагаем анализировать тенденции синхронного состояния и эволюции отцовства на следующих четырех уровнях:

1. Культурные представления: образы отцовства трактуются сквозь призму их взаимосвязей с понятиями о мужественности и гендере.

2. Практическое измерение: социальные практики отцовства рассматриваются на фоне семейных взаимоотношений и архитектоники семьи с опорой на индивидуальные установки и интерпретации.

3. Профессиональная деятельность: изучение влияния, оказываемого организационными структурами на образ жизни отцов.

4. Политико-правовое обеспечение: анализ юридических норм, регулирующих отцовство и воспитательную деятельность.

Различные представления об отцовстве соотносятся друг с другом в определенном контексте, в котором они могут как усиливаться на взаимной основе, так и противоречить друг другу. Культурные представления об отцовстве формируются на основе усвоения родного языка, образов, воспроизводимых в СМИ и художественной литературе. Эти репрезентации сменяются нелинейно в результате существенных трансформационных событий в обществе. Образы отцовства также можно эксплицировать из правовых норм. Социальные практики могут отставать от пропагандируемых образов, способствовать развитию новых социальных конфигураций [2].

Исследования в области образования играют конструктивную роль в анализе культурных представлений об отцовстве. Так, прослеживаются изменения в моделях и представлениях о родителях, материнстве и отцовстве с опорой на анализ педагогических текстов, книг с советами по воспитанию детей. Одной из актуальных проблем исследований в области образования является изучение роли отца как примера для подражания и средства дифференциации по отношению к матери для мальчиков, а иногда и для девочек. В связи с этим в последние годы в центре внимания оказывается проблема отсутствия участия мужчин в воспитании и обучении детей дошкольного и младшего школьного возраста в домашней обстановке и общественной сфере. Признается, что прежний образ отца, который определялся в первую очередь функциями продолжения рода, защиты и обеспечения существования ребенка, преобразуется в эмоционально отзывчивого контактного субъекта, партнера для детей при проведении семейного досуга. В литературоведении феномен отцовства занимает существенную позицию благодаря обилию художественных текстов, посвященных отношениям отца и сына.

Тема отцовства многогранно затрагивается в СМИ. Так, предпринимаются попытки всесторонне и системно рассмотреть эту тему с точки зрения изменения образов и представлений об отцовстве в фильмах, телесериалах и рекламе. Один из фундаментальных вопросов касается важности и функций СМИ в формировании общественного мнения и их влияния на социальные практики и установки отцовства. С одной стороны, СМИ отслеживают и отражают текущие социальные события, а с другой стороны, увлекаясь новым, они также помогают «формировать общественное мнение и влиять на поведение целевой аудитории» [3, с. 247]. В результате СМИ можно рассматривать как законодателей моды, которые замечают первые признаки концептуальных изменений в социально-семейном институте отцовства, подготавливают почву для того, чтобы эти преобразования могли быть представлены широкой публике как привлекательные и приемлемые модели для подражания. В этой связи одним из конструктивных исследовательских проектов мог бы стать анализ очевидных изменений в отцовстве, отраженных, например, в рекламе товаров повседневного потребления, таких как стиральные и чистящие средства, готовые блюда или кофе.

Образы и идеи успешного отцовства иллюстрируют новые представления о роли мужчины в семье. В какой степени эти образы и идеи сопровождаются изменениями в практиках отцовства? Отстают ли текущие социальные практики от актуальных образов отцовства или целесообразно предположить, что в процессе изменений обнаруживается латентная фаза, которую трудно определить как заурядному, так и академическому наблюдателю и которую можно установить только ретроспективно? Эти вопросы проливают свет на теоретические и методологические аспекты, касающиеся модернизации социально-семейного института отцовства.

Перспектива изучения социально-семейного института отцовства предполагает междисциплинарное исследование следующих проблемных узлов: а) стереотипы отцов, их идеалы и символические представления; б) отцовская роль, значимость соответствующей социальной и гендерной идентичности и обязательств в семье; в) различные формы участия отцов в воспитании ребенка (например, доступность, вовлеченность и ответственность); г) финансирование и другие формы поддержки детей; д) зрелость мужчин для выполнения функции отцовства.

Список библиографических ссылок

1. Ковтуненко И. В., Кудряшов И. А. Гендер в фокусе социокультурных проблем антиутопического общества // *Caucasian Science Bridge*. 2023. Т. 6. № 4 (22). С. 192–200.
2. Лугуценко Т. В., Шевченко О. М. Динамика развития современного духовного кризиса в условиях трансформирующегося общества // *Гуманитарий Юга России*. 2024. Т. 13. № 2. С. 26–35.
3. Ковтуненко И. В., Кудряшов И. А. Творческая рецепция концепции Ж. Бодрийяра в постмодернистской картине мира Ч. Паланика: симулякры, посредничество, исчезающая реальность // *Гуманитарий Юга России*. 2022. Т. 11. № 6. С. 241–254.

© Сикилинда С. В., 2025

Треушников Илья Анатольевич,
начальник кафедры философии
Нижегородской академии МВД России,
доктор философских наук, доцент

ПРИОРИТЕТЫ ДУХОВНОГО РАЗВИТИЯ РОССИИ: ОПЫТ ФИЛОСОФСКОЙ РЕФЛЕКСИИ

Осмысление социально-политического развития России представителями различных отраслей гуманитарного знания невозможно без обращения к особенностям духовной культуры народов. Влияние чуждых для народов нашей страны культурных стереотипов, существенно усилившееся в конце прошлого столетия на фоне кризиса советской идеологической модели, привело к размыванию традиционных ценностей. Влияние западной культуры, основанной на приоритете личной свободы, доведенной часто до абсурда, оказалось существенным и привело к формированию контрпродуктивных для общественного сознания в нашей стране тенденций. Это обстоятельство не ускользнуло от внимания отечественных исследователей. Противостояние этим течениям в общественной жизни выступает актуальной задачей [1, с. 247]. В последнее время к данной теме неоднократно обращались представители религиозных объединений, науки, общественной мысли. Ценностные приоритеты выступают определяющим фактором в социальной идентификации.

Проблемы идентичности существенно актуализировались в современном мире [2]. В России социальная идентичность выступает, кроме всего прочего, сложным феноменом, включающим в себя многие составляющие. Современные исследователи отмечают «ансамблевый» характер идентичности гражданина России. Сложная комбинация этнических, региональных, религиозных аспектов идентичности должна выливаться в «общегосударственную гражданскую идентичность». Она должна «обладать универсальной интегрирующей силой» и обеспечивать гармоничное многоединство «коллективной идентичности коренного государствообразующего сообщества нашей страны». Источником объединяющей силы, по мнению авторитетного современного исследователя, выступает Конституция и конституционный строй России [3, с. 158]. Это не вызывает сомнений, но существенное значение имеют и целенаправленные усилия, ориентированные на укрепление традиционных ценностей народов нашей страны, что обеспечивает оформление процесса цивилизационного самоопределения России.

Это особенно актуально в условиях современной глобальной цивилизации, которая, несмотря на интеграцию и взаимозависимость регионов, не представляет собой устойчивой общности. В рамках общемировой цивилизации существуют «цивилизационные потоки», выступающие специфическими самостоятельными феноменами, прежде всего в области духовной культуры. Согласимся с современными исследователями, которые отмечают обострение «геополитического, духовно-ценностного и информационно-психологического противостояния цивилизаций» [4]. Россия пережила период «глобализаторского соблазна». Противодействие ему осуществлялось всеми здоровыми силами. Анализ проблемы цивилизационного выбора России проводился в ходе различного уровня научно-представительских мероприятий. Стремление найти ответы на вызовы современного мира, опираясь на ресурсы самобытного духовного развития народов нашей страны, становилось все более заметной тенденцией в общественной мысли [5; 6]. Большое значение имели заявления о цивилизационной самобытности России, сделанные на уровне высшего политического руководства. Президент Российской Федерации еще в 2013 г. произнес речь в ходе очередного заседания дискуссионного клуба «Валдай». В ней, прямо ссылаясь на Константина Леонтьева, он говорил о нашей стране как о «государстве-цивилизации», которое развивалось как «цветущая сложность», включая в себя многие народы и их духовные традиции [7]. Тем самым определялся вектор на защиту традиционных ценностей, что имеет большое значение в условиях цивилизационного напряжения в рамках современного мира.

Для цивилизационной идентичности наиболее значимыми установками выступают представления об историческом призвании, о приоритетных целях, о доминирующих ценностных установках [8, с. 138]. В этом контексте нормативное утверждение курса на укрепление традиционных ценностей выступает фактором цивилизационной самоидентификации России. Явной манифестацией данного процесса выступает Указ Президента Российской Федерации от 9 ноября 2022 г. № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей». В нем определяются цели государственной политики по сохранению и укреплению ценностных установок, которые являются традиционными для народов нашей страны: «Смысловое поле, которое порождает рассматриваемый документ, – как мы уже отмечали, – позволяет говорить о нем как об элементе идеологической доктрины. Тем самым реализуется потребность в определенном идеологическом оформлении национального сознания» [9, с. 177]. Призна-

ние идеологической насыщенности современной политико-правовой реальности вызывает возражения, особенно в среде правоведов. Это приводит к стремлению заменить понятие идеологии. Оно – указывают современные исследователи – «уступает место социально конструируемой политической идентичности, которая является процессуальным аспектом символической политики» [10, с. 74]. В условиях реидеологизации современной общественной жизни вопрос терминологии, на наш взгляд, не обладает существенной актуальностью. Актуальным в данном случае выступает факт определения приоритетов духовного развития России.

Современные исследователи совершенно правы в том, что в нынешних условиях особое значение приобретает «укрепление единства и консолидация сознания граждан», чему должны способствовать государственные институты, воспроизводя и транслируя общенациональные ценности с помощью системы образования и культуры [10, с. 79]. Современная российская система образования начала реагировать на эти стратегические задачи. Увеличился объем преподавания истории, введена учебная дисциплина «Основы российской государственности». Вопрос о концептуальной готовности педагогических работников реализовать поставленные задачи остается открытым. Реализовать запрос на укрепление основ общенациональной идентичности гражданина России, вероятно, может и преподавание классической учебной дисциплины «Философия». Особую актуальность приобретает обращение к традиции русской философской мысли. Она дает ресурс, позволяющий на уровне философских обобщений обосновать особенности отечественной культуры и цивилизационного многоединства народов России [6]. Опираясь на русскую философию, мы можем осуществить рефлексию факта цивилизационного самоопределения России, который продемонстрирован в нормативном закреплении защиты традиционных ценностей как приоритет политики России.

Особый интерес в данном случае представляют не столько философские течения, которые были заимствованы извне, хотя и получили на русской почве существенный импульс развития и разнообразия, сколько те, которые возникли на основе переосмысления традиций русской духовной, прежде всего православной, культуры. Собственно русская религиозная философия сформировалась и приобрела академическую форму в постановке проблемы цивилизационного выбора России. Важнейшим системообразующим вопросом в контексте данной проблемы выступает определение приоритетных ценностных установок общества. Посвятив свои творческие усилия анализу особенностей русской духовности, представители русской религиозной философии предоставили в наше распоряжение интеллектуальный инструмент, позволяющий осмыслить специфику комплекса традиционных духовно-нравственных ценностей народов нашей страны на современном этапе. Принципиальным моментом в данном случае, на наш взгляд, выступает задача рассмотрения приоритетов духовного развития России во всей совокупности и взаимной связи. Центральным компонентом выступает духовность. Она представляет собой ориентацию на высшие непреходящие ценности, на запредельные земному миру сущности. Все традиционные ценности народов нашей страны как обозначенные в нормативных правовых актах, так и те, которые имплицитно присутствуют в культуре, обретают свою специфику и определенность именно благодаря связи с духовностью как одним из определяющих оснований российской цивилизации. В поиске этих оснований русская религиозная философия рубежа XIX–XX столетий достигла своего расцвета, вступив в период систем. В лице лучших своих представителей традиция русской мысли стремилась предостеречь страну от упадка духовности. Разрушительные

и трагические события двадцатого столетия показали правоту их предостережений. Как тогда, так и в настоящий период мы можем рассматривать духовность в качестве системообразующего элемента всего комплекса российских традиционных ценностей.

Список библиографических ссылок

1. Матвиенко Е. А. Преподавание истории в полицейском вузе: факты и (или) оценки? // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2024. № 1 (65). С. 246–249.

2. Матвиенко Е. А. О причинах актуализации проблемы идентичности в современном мире // Актуальные проблемы социальной философии: материалы Всерос. науч.-практ. конф. / под общ. ред. В. В. Балахонского, П. Г. Мартысюка. СПб., 2023. С. 121–127.

3. Дахин А. В. Народы СССР и народ Российской Федерации: теория и практика определения государствообразующего сообщества // История и политика. Национальный вопрос и национальная идея в многонациональном государстве: проблемы, решения, опыт, перспективы: сб. науч. тр. XII Междунар. симпозиума / под ред. К. А. Демичева, А. Н. Штефана, А. В. Парамонова, А. А. Халина. Н. Новгород, 2023. С. 151–159.

4. Россия и глобальный кризис современности: материалы межведомственного круглого стола / С. Р. Аблеев, П. П. Марченя, В. В. Бабашкин [и др.] // Философские исследования и современность: сб. науч. тр. Москва, 2021. С. 202–255.

5. Вызовы современного мира и цивилизационный выбор России: материалы межведомственного круглого стола / С. Р. Аблеев, П. П. Марченя, В. В. Бабашкин [и др.] // Философские исследования и современность: сб. науч. тр. Москва, 2020. С. 191–230.

6. Цивилизационный суверенитет России: глобальные угрозы и стратегические перспективы: материалы Всерос. круглого стола / С. Р. Аблеев, П. П. Марченя, А. А. Васечко [и др.] // Философские исследования и современность. Москва, 2018. С. 223–244.

7. Заседание международного дискуссионного клуба «Валдай». URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/19243> (дата обращения: 12.12.2024).

8. Костина А. В. Цивилизационная идентичность России: вызовы и ответы // Знание. Понимание. Умение. 2016. № 2. С. 138–152.

9. Треушников И. А. Идеология в праве и право на идеологию // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2023. № 1 (61). С. 175–178.

10. Акишина В. Д., Гигаури Д. И. Правовые механизмы конструирования гражданской и политической идентичности в России // Манускрипт. 2019. Т. 12. № 3. С. 73–80.

© Треушников И. А., 2025

Тумин Александр Юрьевич,
доцент кафедры философии
Московского университета МВД России им. В. Я. Кикотя,
кандидат юридических наук

ДУХОВНО-ПРАВСТВЕННЫЕ ИСТОКИ ИДЕАЛОВ ПАТРИОТИЗМА И СЛУЖЕНИЯ ОТЕЧЕСТВУ: ФИЛОСОФСКИЙ АНАЛИЗ

В Российской Федерации в настоящее время происходит формирование культурной системы, целью которой является обеспечение динамичного развития общества, основанное на единстве традиционных духовно-нравственных ценностей, достижений научно-технического и технологического прогресса, идеалов социально-ответственного государства и общественной солидарности. Главный принцип, обеспечивающий это развитие, – защита традиционных духовно-нравственных ценностей, которая определяет национальную безопасность России, ее социально-экономическое и социально-политическое развитие.

Идейным обеспечением этой масштабной исторической трансформации должно стать формирование духовно-реалистического мировоззрения и новой культурной стратегии развития, обеспечивающей единство традиций и новаций, формирование у человека способности к оценке происходящего с точки зрения, выходящей за пределы частного взгляда на мир, дающей возможность формирования гражданина и патриота. В начале третьего тысячелетия важнейшие проблемы современности, усилившиеся интернациональные процессы в мире выдвигают на видное место среди других вопросов духовной жизни нашей страны соизмерение любви [1, с. 25].

Историческим прообразом современной концепции духовных ценностей в русской культуре была консервативная философия. Российские консерваторы (М. Н. Катков, К. П. Победоносцев, К. Н. Леонтьев, Л. А. Тихомиров, И. А. Ильин) полагали, что объединение людей в коллективы, будь то государство или нация, обусловлено не только прагматичным стремлением защитить общие интересы, но и желанием сохранить и приумножить общие ценности, тем самым формируя фундамент социальной солидарности. Именно она побуждает индивида жертвовать своими личными интересами вплоть до полного отказа от их реализации во имя общего блага и сохранения ценностного ядра сообщества.

Идейно-правовые основания традиционных духовно-нравственных ценностей сформулированы в указах Президента Российской Федерации от 21 июля 2020 г. № 474 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 г.» [2], от 2 июля 2021 г. № 400 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» [3], от 9 ноября 2022 г. № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей» [4], от 31 марта 2023 г. № 229 «Об утверждении Концепции внешней политики Российской Федерации» [5], от 7 мая 2024 г. № 309 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 г. и на перспективу до 2036 г.» [6] и от 8 мая 2024 г. № 314 «Об утверждении Основ государственной политики Российской Федерации в области исторического просвещения» [7].

Указ Президента России № 474 от 21 июля 2020 г. поставил амбициозные цели национального развития до 2030 г. В документе обозначен курс на гармоничное сочетание материального благополучия и духовного роста граждан.

С одной стороны, государство стремится обеспечить населению России высокий уровень жизни, включающий: сохранение и укрепление здоровья: формирование здорового образа жизни, развитие качественной и доступной медицины; благополучие и возможности: создание условий для самореализации и раскрытия талантов каждого человека, независимо от возраста, профессии и места проживания; комфорт и безопасность: формирование комфортной и безопасной среды для жизни во всех регионах страны, развитие современной инфраструктуры; достойный труд и предпринимательство: обеспечение достойной оплаты труда, поддержку малого и среднего бизнеса, развитие инновационных отраслей экономики; цифровую трансформацию: широкое внедрение цифровых технологий во все сферы жизни, повышение доступности государственных услуг.

С другой стороны, особое внимание уделяется духовно-нравственному развитию личности: воспитание гармонично развитой личности: формирование у граждан активной гражданской позиции, патриотизма, уважения к истории и культуре своей страны; социальная ответственность: развитие институтов гражданского общества, воспитание чувства ответственности за свою страну и свой народ; опора на духовно-нравственные ценности: сохранение и развитие традиционных ценностей народов России, противодействие экстремизму и нетерпимости.

Таким образом, национальные цели развития России до 2030 г. представляют собой комплексный план действий, направленный на создание сильного, процветающего и духовно богатого государства, в котором каждый гражданин сможет реализовать свой потенциал и жить полноценной жизнью.

2 июля 2021 г. Президент России подписал Указ № 400, утвердивший Стратегию национальной безопасности Российской Федерации. Этот документ, определяющий вектор развития страны на долгосрочную перспективу, выделяет в качестве ключевого приоритета не просто «укрепление традиционных российских духовно-нравственных ценностей», а формирование устойчивого социокультурного иммунитета.

Речь идет не о консервации прошлого, а о динамичном развитии на основе исторического опыта и культурного кода нации. Стратегия подчеркивает важность диалога поколений, сохранения преемственности ценностей в условиях глобализации и информационного противостояния.

Указ Президента № 809 от 9 ноября 2022 г. обращается к понятию «традиционные ценности», видя в них не застывший свод правил, а живой родник, питающий мировоззрение россиян. Эти ценности, передаваясь из поколения в поколение, подобно нитям в пестром полотне, сплетают воедино уникальную ткань российской идентичности. Они являются основой для общего культурного пространства, где многообразие народов России, подобно краскам на палитре художника, создает неповторимый колорит, объединенный общей гармонией. Укрепляя гражданское единство, традиционные ценности отражают самобытность духовного, исторического и культурного пути, пройденного многонациональным народом России.

Указ Президента определяет фундаментальные ценности, на которых строится будущее России. Основа этого фундамента – жизнь, достоинство, права и свободы человека, скрепленные раствором патриотизма, гражданственности и ответственности за судьбу Отечества.

На таком прочном основании возвышается здание высоких нравственных идеалов, крепкой семьи и созидательного труда. Окна этого здания открыты навстречу духовному миру, гуманизму, милосердию и справедливости. Двери всегда открыты для коллективизма, взаимопомощи и взаимоуважения. И важно помнить, что это здание стоит на фундаменте истории, храня память поколений и объединяя народы России.

Традиционные духовно-нравственные ценности определяются не в кабинетах ученых или резиденциях политиков, они внутренне связаны с самим процессом становления и исторического развития российской цивилизации в целом. Эти ценности не исчерпываются учением какой-либо религиозной конфессии, они также не ограничиваются отдельным периодом истории (например, советским периодом), хотя каждый из них принес русскому народу неопределимый и зачастую трагический духовно-нравственный опыт. Этот опыт должен лечь в основу формирования самосознания русского человека, его культурной идентичности и этической позиции.

Духовно-нравственные ценности России подобны драгоценным камням, ограниченными многовековой историей. Они рождаются в истоках исторического опыта, в сложном переплетении побед и поражений, взлетов и падений. Это не статичный свод правил, а живой источник, питающий культурную идентичность каждого, кто относит себя к российской цивилизации. Осознание своей принадлежности к этому миру происходит через глубинное, почти сакральное, отождествление с его культурными архетипами. Это не слепое следование традициям, а осознанный выбор ценностей, выдержавших испытание временем. Они становятся компасом в мире перемен, опорой в формировании нравственного стержня личности.

Это общее положение раскрывается в Указе Президента Российской Федерации от 31 марта 2023 г. № 229 «Об утверждении Концепции внешней политики Российской Федерации». В нем констатируется выход страны из глобализированного социального пространства «правил» западного доминирования и идеи особого пути России, ее самобытности как государства-цивилизации – это глубоко укорененный в историческом самосознании российского общества концепт, имеющий как сторонников, так и критиков. Таким образом, представление о России как о «государстве-цивилизации» – сложная и неоднозначная концепция, вызывающая острые дискуссии. Важно анализировать ее критически, отделяя реальные исторические и культурные особенности России от идеологических конструкций и мифов.

В Указе Президента Российской Федерации от 31 марта 2023 г. № 229 перечислены антиценности, они чужды русскому народу и разрушительны для общества, их список имеет открытый характер: культивирование эгоизма, вседозволенности и безнравственности; отрицание идеалов патриотизма и служения Отечеству; отрицание естественного продолжения жизни, ценности крепкой семьи, брака, многодетности и созидательного труда; отрицание позитивного вклада России в мировую историю и культуру; разрушение традиционной семьи с помощью пропаганды нетрадиционных сексуальных отношений.

Традиционные ценности пронизывают собой все сферы общественной жизни, становясь фундаментом для государственной политики в области образования и воспитания, работы с молодежью. Культура, наука, межнациональные и межрелигиозные отношения, СМИ и массовые коммуникации, международное сотрудничество – все эти направления призваны сохранять и приумножать бесценное наследие традиций.

В мае 2024 г. Президент России после инаугурации подписал Указ «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 г. и на перспективу до 2036 г.».

Своим Указом Глава государства поставил правительству задачи на ближайшие 12 лет. В основу общественной жизни Президент России хочет заложить воспитание гармонично развитой, патриотичной и социально ответственной личности на основе традиционных российских духовно-нравственных и культурно-исторических ценностей.

На следующий день, после принятия президентской присяги В. В. Путин издал Указ от 8 мая 2024 г. № 314 «Об утверждении Основ государственной политики Российской Федерации в области исторического просвещения». В рамках этого документа предлагается уделить внимание традиционным духовно-нравственным ценностям, развитию патриотизма, служению Отечеству. Президент показал, что Россия решительно настроена отстаивать свою культуру, идентичность, историю.

Данные указы являются важнейшими нормативными актами, задающими перспективу дальнейшего развития нашего общества. Россия как государство-цивилизация дистанцируется от неокOLONиальной и паразитарной цивилизации Запада и выступает за новый справедливый мировой порядок во имя развития всего человечества. Поскольку в указах выдвигается новая стратегия социального развития России, постольку в сфере культуры, образования и воспитания, морально-психологической подготовки необходима существенная корректировка мировоззренческой модели. Задача гармоничного развития общества и личности требует свежего взгляда, выхода за рамки привычных формулировок. Недостаточно просто декларировать важность традиционных духовно-нравственных ценностей, нужно найти жизненные, актуальные формы их воплощения.

Обращение к духовно-нравственным ценностям – не просто смена образовательных приоритетов, а тектонический сдвиг в общественном сознании. Оно утверждает новую картину мира, где главенствует не материальное, а духовное, где свято хранится связь поколений, а православие играет особую, консолидирующую роль. Русский мир позиционирует себя как цивилизацию совести и стремится воплотить декларируемые принципы в конкретных культурных формах: достоинство, права и свободы, патриотизм, милосердие, справедливость, коллективизм, служение Отечеству и ответственность за его судьбу [8, с. 5].

Для современного русского человека эти принципы – не просто слова, а глубинные культурные ценности, своего рода генетический код. Они пробуждают чувство духовного возрождения, возвращения к истокам. Этот культурный код дается на уровне интуитивного мироощущения, и задача состоит в том, чтобы трансформировать его на уровень концептуального мировоззрения, осмысленной концепции цивилизационного развития.

Секулярное, близкое к протестантизму, понимание духовно-нравственных ценностей имело как сильные, так и слабые стороны. Оно ориентировало русского человека на служение Отечеству, но в то же время порождало мировоззренческий кризис, вызванный разрывом с традицией.

Ф. М. Достоевский, пронзительный диагност человеческой души, вскрыл глубинную суть и трагизм современного ему кризиса. Он исследовал парадокс человеческой свободы, ее опасное превращение в «своеволие», ведущее к саморазрушению. Упорное стремление к самоопределению и самоутверждению, оторванное от духовных корней, уподобляется кораблю, потерявшему якорь, – оно обрекает человека на бесплодное метание и внутреннюю слабость. Именно в этой «беспочвенности» Ф. М. Достоевский видит главную угрозу для человеческо-

го духа. Он демонстрирует, как свобода, лишённая нравственного стержня, оборачивается страшным рабством – рабством страстей или, что не менее губительно, ложных идей.

Путь к истинной свободе, по Ф. М. Достоевскому, лежит через любовь. Но и любовь невозможна в клетке принуждения – она расцветает лишь на почве свободы, ответственности и взаимного уважения. Общественным идеалом писателя становится Церковь, понятая не как определённая конфессия, а как сосредоточие духовно-нравственных ценностей, которым противостоят власть мечты или одержимость идеями. Возвращение к вере есть прежде всего акт духовного самоопределения.

Подобное самоопределение должно лежать в основе всей человеческой жизни. Эту мысль в свое время выразил философ И. А. Ильин: «В основе патриотизма лежит акт духовного самоопределения. Патриотизм может жить и будет жить лишь в той душе, для которой есть на земле нечто священное, которая живым опытом испытала объективность и безусловное достоинство этого священного – и узнала его в святынях своего народа» [9, с. 241].

Героизм – удел избранных, а вот патриотизм – нравственный долг каждого. Героем становятся в час испытаний, совершая поступки, выходящие за рамки обыденного. Патриотизм же проявляется ежедневно: в любви к родному языку, уважении к истории и традициям своей страны, в желании трудиться на ее благо и защищать ее интересы. Однако истинный российский патриотизм не может быть слепым и инфантильным. Он рождается из глубокой внутренней зрелости, из осознанного выбора в пользу своей страны [10].

Быть патриотом – значит быть личностью духовно развитой, способной критически мыслить и действовать во благо Родины, не закрывая глаза на ее проблемы. «В философском осмыслении содержания понятия «патриотизм», – справедливо отмечает А. П. Хаврак, – необходимо исходить из того, что этот феномен, являющийся одним из составляющих нашей духовности, теснейшим образом связан с национальным сознанием и самосознанием» [11, с. 80]. «Патриотизм у человека науки будет иной, чем у крестьянина, у священника, у художника; имея единую родину, все они будут иметь ее – и инстинктом, и духом, и любовью и все же – каждый по-своему. Но человек, духовно мертвый, не будет иметь ее совсем» – писал в своем труде «Путь духовного обновления» И. А. Ильин [9, с. 241].

Россия стоит на пороге переосмысления своего цивилизационного пути и возвращения к собственной аутентичности. Простой, но тупиковый путь этнократического национализма для решения этой задачи не годится. Необходима глубокая социокультурная трансформация, которая выведет страну из состояния бессознательного дрейфа и позволит сформировать новый вектор цивилизационного развития. Философское стремление к обретению подлинной идентичности должно быть подкреплено конкретными действиями. Важно выработать прагматичную стратегию по преодолению навязанных культурных моделей и создать условия для духовного роста личности. Ключевую роль в этом процессе играют гармоничное взаимодействие и синергия семьи, государства, церкви, национальной культуры и общей исторической памяти, которые формируют онтологический фундамент российской цивилизации.

Список библиографических ссылок

1. Азарова А. В. К вопросу об истории развития идеологии патриотизма в России // Вестник военного университета. 2010. № 3 (23). С. 21–25.

2. О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 г.: указ Президента Российской Федерации от 21 июля 2020 г. № 474: офиц. интернет-сайт Президента России. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/45726> (дата обращения: 21.07.2024).

3. О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации: указ Президента Российской Федерации от 2 июля 2021 г. № 400: офиц. интернет-сайт Президента России. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/47046> (дата обращения: 21.07.2024).

4. Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей: указ Президента Российской Федерации от 9 ноября 2022 г. № 809: офиц. интернет-сайт Президента России. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/48502> (дата обращения: 21.07.2024).

5. Об утверждении Концепции внешней политики Российской Федерации: указ Президента Российской Федерации от 31 марта 2023 г. № 229: офиц. интернет-сайт Президента России. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/49090> (дата обращения: 21.07.2024).

6. О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 г. и на перспективу до 2036 г.: указ Президента Российской Федерации от 7 мая 2024 г. № 309: офиц. интернет-сайт Президента России. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/50542> (дата обращения: 21.07.2024).

7. Об утверждении Основ государственной политики Российской Федерации в области исторического просвещения: указ Президента Российской Федерации от 8 мая 2024 г. № 314: офиц. интернет-сайт Президента России. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/50534> (дата обращения: 21.07.2024).

8. Ильин И. А. О русском национализме // Собр. соч. В 10 т. Т. 2. Кн. 1. М.: Русская книга, 1993. 366 с.

9. Ильин И. А. Путь духовного обновления. М.: Дарь, 2017. 477 с.

10. Грошев И. Л., И. А. Грошева. Лжепатриотизм – социальный парадокс постмодерна // Практическая философия: состояние и перспективы: сб. тр. науч.-практ. конф. Судак: Крым. федер. ун-т им. В. И. Вернадского, 2018. С. 75–78.

11. Хаврак А. П. Философско-политические аспекты формирования патриотических ценностей // Социально-гуманитарное обозрение. 2016. № 2. С. 80–83.

© Тумин А. Ю., 2025

Фирсова Анна Михайловна,
профессор кафедры философии
Нижегородской академии МВД России,
доктор педагогических наук, доцент

ПАТРИОТИЗМ НА ПЕРЕКРЕСТКЕ МНЕНИЙ: РЕТРОСПЕКТИВНЫЙ ВЗГЛЯД НА ИДЕИ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ КУЛЬТУРЫ И ОБРАЗОВАНИЯ

Формирование личностной концепции любви к Родине и всему человечеству, воспитание общечеловеческих моральных норм считаются важнейшими этапами гражданского воспитания и развития российских граждан.

Картина мира, целостное мировоззрение, выстроенное вокруг фундамента патриотизма, достигаются тогда, когда собственная модель личностно сформированного чувства патриотизма предстает в сознании и сердцах подрастающего поколения в ярких, красочных, эмоционально насыщенных и устойчивых образах, вызывая чувство благоговения и благодарности по отношению к отважным героям, сражавшимся за свое Отечество как в прошлом, так и в настоящем. Патриотизм означает единство со своим народом и любовь к Родине.

Со времен «Поучения» Владимира Мономаха и «Домостроя» воспитание на Руси считалось главным образом отеческим, т. е. у защитника Отечества вся жизнь была посвящена интересам Родины. Это была основа высших добродетелей и нравственного самопознания.

Не случайно К. Д. Ушинский считает, что патриотическое воспитание играет ведущую роль в нравственном развитии детей. Национальные концепции играют решающую роль в формировании национальной образовательной мысли. В процессе обогащения этого понятия национальность и патриотизм всегда становились глубинной основой социальной культуры и ценностной нормой национального образования и воспитания [1].

Одновременно с формированием устойчивого образа Родины и воспитания чувства любви и преданности по отношению к тому, что является этим сложным, комплексным понятием, не следует забывать о видах «лже-патриотизма», примеры которого часто возникали в отечественной истории и культуре в весьма ироничном ключе: «ура-патриотизм», «квасной патриотизм» или калька-аналог с французского языка – «лакейский патриотизм».

Если разбираться в этимологии этих саркастически сформулированных «терминов», то можно увидеть, что все они могут быть объединены по принципу бессознательной чрезмерности выражаемых чувств – превозношения любых аспектов бытия отечественного и обесценивания инокультурного наследия, опыта и современности, зачастую в резких, негативных выражениях.

О природе и смысле понятия «квасной патриотизм» в свое время (в XIX веке) достаточно изящно выразился Виссарион Григорьевич Белинский, называя это «счастливым выражением» Вяземского. Речь идет о «Письмах из Парижа», опубликованных в 1827 г. в журнале «Московский телеграф»: *«Многие признают за патриотизм безусловную похвалу всему, что свое. Тюрго называл это лакейским патриотизмом, du patriotisme d'antichambre. У нас можно бы его назвать квасным патриотизмом. Я полагаю, что любовь к Отечеству должна быть слепа в пожертвованиях ему, но не в тщеславном самодовольстве; в эту любовь может входить и ненависть. Какой патриот, какому народу ни принадлежал бы он, не хотел бы*

выдрать несколько страниц из истории отечественной, и не кипел негодованием, видя предрассудки и пороки, свойственные его согражданам? Истинная любовь ревнива и взыскательна» [2].

А как же тогда трактовать утверждение «И дым Отечества нам сладок и приятен», принадлежащее бессмертному перу Федора Ивановича Тютчева? Беда нашего менталитета еще и в том, что в своей любви к чрезмерному мы никогда не дочитываем текст до конца, вольно интерпретируя смыслы по собственному усмотрению: *«Так поэтически век прошлый говорит / А в наш – и сам талант все ищет в солнце пятен, / И смрадным дымом он Отечество коптит!»* – так звучит продолжение этой мысли великого русского поэта [3].

Основная идея этой сентенции в том, что слепое восхваление не будет полезно никогда, ничему и никому, являясь источником не конструктивного развития, но деструктивного регресса.

Конечно, в прошедшие эпохи находились писатели и поэты, выражавшие свою тревогу за судьбу Отечества, горечь за ошибки правителей, боль, которую причиняют видимые недостатки национального характера, в строках, позволивших современным деятелям культуры и образования трактовать многое двояко, т. е. в негативном смысле.

Как не понять превратно совершенный в своей изящной краткости афоризм, принадлежащий Василию Васильевичу Капнисту, словотворцу екатерининской эпохи, повлиявшему на творчество самого Александра Сергеевича Пушкина: *«К свободе Русь не подросла, / Не гни холодного стекла?»* [3]

Или же строчки стихотворения «Мы», написанного в 1860 г. Николаем Федоровичем Щербиной, которые активно использовались в качестве аргумента между западниками и славянофилами, а потом и вовсе послужили основой для создания концепции евразийства: *«У нас чужая голова, / И убежденья сердца хрупки... / Мы – европейские слова / И азиатские поступки»* [3].

Здесь мы, современники, совершаем ту же ошибку, что и наши предшественники – идеализируем, поддаемся чрезмерности восприятия в оценке их наследия и личностей.

Александр Сергеевич Пушкин, «солнце русской поэзии», родоначальник русского литературного языка в его современном понимании, «наше все», оставивший нам великолепные образцы как словесности, так и патриотических чувств, выраженных самым образцовым языком поэтических строк, в свою очередь, служит и эталоном вольнодумства (вот так и начинаешь понимать цензоров николаевской эпохи), особенно в строках прозаических своих произведений – в письме не кому-нибудь, а самому Петру Яковлевичу Чаадаеву: *«Хотя лично я сердечно привязан к государю, я далеко не восторгаюсь всем, что вижу вокруг себя; как литератора – меня раздражают, как человека с предрассудками – я оскорблен, – но клянусь честью, что ни за что на свете я не хотел бы переменить Отечество или иметь другую историю, кроме истории наших предков, такой, какой нам бог ее дал»* (Из письма П. Я. Чаадаеву, 19 октября 1836 г.) [4].

«Черт догадал меня родиться в России с душою и с талантом» (Из письма жене, 18 мая 1836 г.) [4].

И в стихах: *«Дай бог, чтоб милостию неба / Рассудок на Руси воскрес;/ Он что-то, кажется, исчез»* (отрывок из стихотворения «Из письма к В. Л. Пушкину», 1816 г.) [1]. И – финальное: *«А позвольте спросить Вас, где Вы теперь служите? – Я числюсь по России»* [5].

Можно продолжать этот список бесконечно, не остановившись и в наступившем 21-м столетии, но это и будет ярким свидетельством той любви к безмерности охвата отечественного историко-контурного и педагогического наследия. Поэтому есть здравый повод остановиться на Пушкине. На самом деле, если взглянуть чуть пристальнее – это все о нем, о Пушкине.

И о лени, и о полете вдохновения, бесконечных в своей безмерности, и о досаде, и любви, и к свободе, и к Отечеству, и о ревности к другим взглядам на Россию, и о взыскательности, и к себе, и к собственной Родине. Как сказал друг его юности П. А. Вяземский (повторимся): «Истинная любовь – ревнива и взыскательна» – и это все о нем, об Александре Сергеевиче Пушкине.

Пушкин – наше ВСЕ, наше «зеркало» и «солнце», в нем отражаются все достоинства и недочеты русского национального характера, что перевешивает все остальные доводы в пользу анализа его наследия с точки зрения патриотических взглядов и воззрений – он может считаться тем самым перекрестком мнений, воплощенным в одной единственной, пусть и гениальной, личности, «числившейся по России» [5].

Список библиографических ссылок

1. Ушинский К. Д. Воспитание человека. М.: Карапуз, 2000. 256 с. URL: <https://e.nlrs.ru/open/65927> (дата обращения: 15.09.2024).

2. Тихомирова А. В. «Лапотно-квасной патриотизм» и «Русь посконная»: к вопросу о русских национальных предметных символах // Антропологический форум: журнал. 2013. № 18. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/lapotno-kvasnoy-patriotizm-i-rus-poskonnaya-k-voprosu-o-russkih-natsionalnyh-predmetnyh-simvolah/viewer> (дата обращения: 15.09.2024).

3. Русская эпиграмма (XVIII – начало XX века) / сост. М. И. Гиллельсон, К. А. Кумпан. Ленинград: Советский писатель, 1988. 784 с. URL: <https://fantlab.ru/edition159562> (дата обращения: 14.09.2024).

4. Пушкин А. С. Полное собрание сочинений в 10 т. Письма. Т. 10 (1815–1837). URL: <https://predanie.ru/book/221016-pisma> (дата обращения: 15.09.2024).

5. Шутки и остроты А. С. Пушкина. Полн. собр. анекдотов, острог, шуток, экспромтов, эпиграмм и проч. / Собр. из разн. источ. М. С. Козман. 2-е изд. Одесса: кн. маг. М. С. Козмана, 1901. 48 с. URL: https://rusneb.ru/catalog/000199_000009_003694703/ (дата обращения: 16.09.2024).

© Фирсова А. М., 2025

Научное издание

СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ РОССИИ
КАК КОМПЛЕКСНАЯ ПРОБЛЕМА
ГУМАНИТАРНОГО ЗНАНИЯ

Материалы

IX Всероссийской научно-практической конференции

г. Волгоград, 24 октября 2024 г.

ВЫПУСК 9

Редакторы *А. М. Мачнева, М. С. Чубарова, С. А. Пан*
Компьютерная верстка *Ю. В. Сиволапова*
Дизайн обложки *Н. А. Доненко*

Волгоградская академия МВД России.
400075, Волгоград, ул. Историческая, 130.

Редакционно-издательский отдел.
400005, Волгоград, ул. Коммунистическая, 36.

Подписано к использованию 30.09.2025. Объем 0,9 Мб.
Тираж 10 экз. Заказ 41.

ОПиОП РИО ВА МВД России. 400005, Волгоград, ул. Коммунистическая, 36.